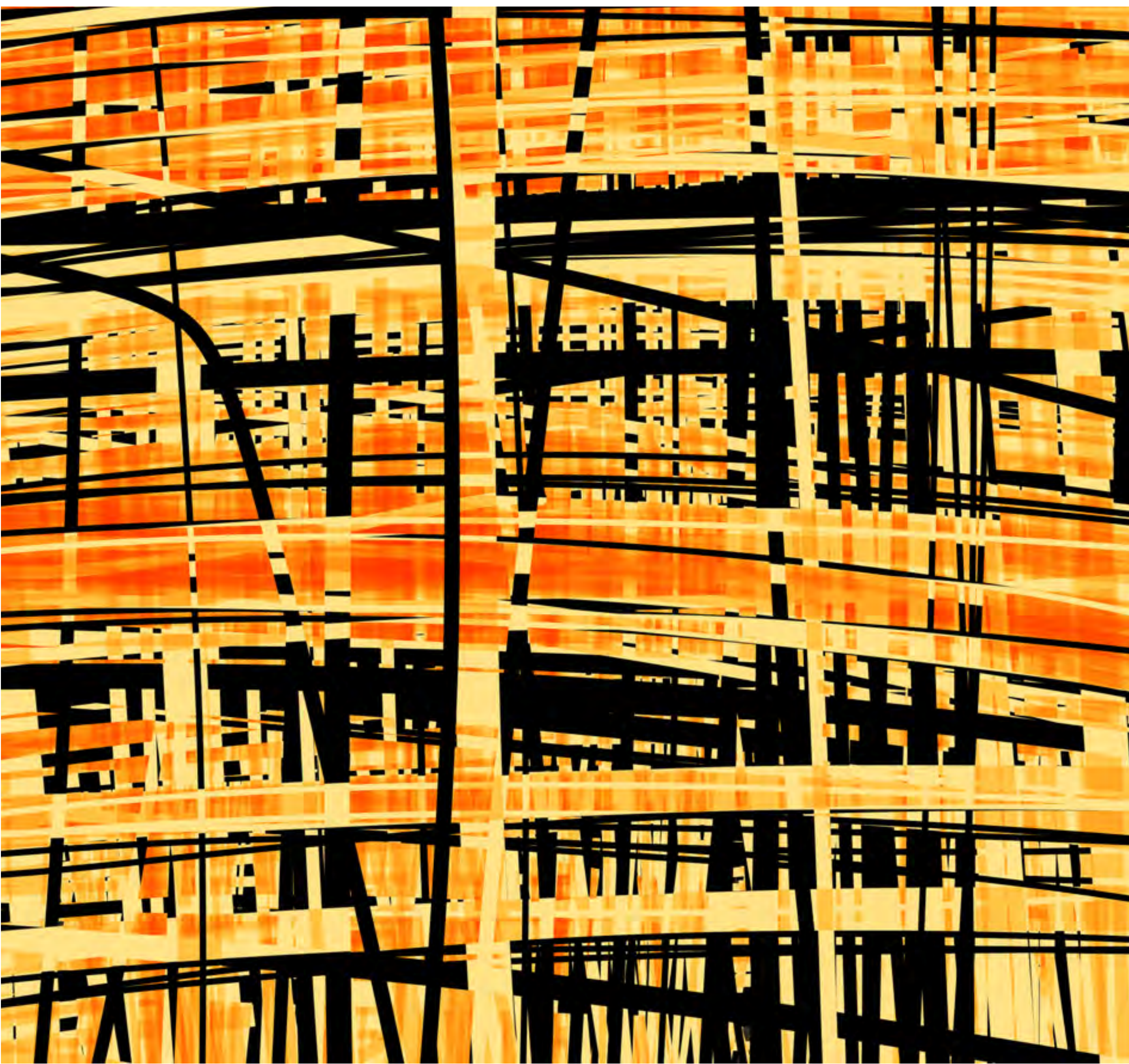
ПЕРЕКРЁСТКИ

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

№ 1–2, 2017

Европейский гуманитарный университет
Перекрёстки, № 1–2/2017
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международные базы данных
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)
и Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

This issue was produced with the financial assistance of the European Union and Sweden. The views expressed herein can in no way be taken to reflect the official opinion of the European Union or Sweden.

With funding by the European Union

Financed through Swedish development assistance

Европейский гуманитарный университет

Постсоциалистическое беспокойство: Гендерные исследования в Восточной Европе в условиях консервативного поворота (к 20-летию ЦГИ ЕГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Post-Socialist Anxiety: Gender Studies in Eastern Europe in the Context of the Conservative Backlash (20th anniversary of the Centre for Gender Studies at EHU)

CONTENT

Введение

Бенджамин Коуп, Елена Минченя, Ольга Сасункевич

ВВЕДЕНИЕ: ТРИ РЕДАКТОРСКИХ ГОЛОСА О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Этот выпуск журнала «Перекрёстки» посвящен 20-летию Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. ЦГИ был частью больших социальных и политических изменений в регионе. Хотя для нас центр является во многом уникальным сообществом единомышленниц и единомышленников, которые смогли сохранить профессиональные и личные связи между собой и с центром несмотря на значительные изменения в условиях существования, тем не менее мы все же осознаем, что ЦГИ – одна из ряда похожих структур, возникших практически одновременно в России, Украине, Беларуси, Казахстане, Польше, Чехии и других странах региона после распада социалистического лагеря. Мы используем эту важную для нас и наших коллег дату для того, чтобы посмотреть, как гендерные исследования развивались на постсоветском пространстве, что стало с ними и с нами и как они оказались основным «врагом» национальных правительств и государств в условиях консервативного поворота, который мы наблюдаем в регионе сегодня.

Тексты, представленные в этом номере, во многом отличаются интересом к личному опыту, рефлексивным взглядом на исследовательскую биографию самих авторо_к, что отчасти спровоцировано самим запросом юбилейного номера, но также имеет свою историю в феминистском письме. Феминистская теория давно легитимировала «личное» как источник для академических размышлений, рассмотрев в нем отражение работы власти и действие структурных факторов, а также определенный эмансипаторный потенциал. Значимую часть выпуска составляет не столько строгое монологическое авторское письмо, сколько тексты, созданные в

результате диалога и обсуждения. На наш взгляд, эта стратегия позволила нам создать и сделать более очевидным пространство для феминистского взаимодействия в подготовке номера.

Поддерживая диалогический характер этого номера и его интерес к непосредственному опыту, мы решили усложнить монолитный редакторский голос, придать ему полифоническое звучание и сделать очевидными наши собственные истории. Тем более что каждый_ая из нас становил_ась частью гендерного сообщества в ЕГУ в разные моменты его существования и в какой-то мере наши индивидуальные биографии несут следы этих различий, во многом отражая те более общие социальные и политические процессы, которые происходили вокруг центра за 20 лет его существования. Наши биографии также в чем-то перекликаются с историями развития гендерных исследований в регионе, представленными в интервью с теми, кто стояли у истоков развития гендерной теории на пространстве, которое сейчас уже очень условно можно обозначить как «постсоциалистическое».

Истории ЦГИ в редакторском многоголосии

Бен: начало[1]

Оказавшись в 2001 г. в ЕГУ в Минске, имея бакалаврскую степень во французской и русской филологии университета Бристоля и докторскую степень университета Оксфорда, я не мог поверить в свою удачу. Здесь я встретил сообщество высокообразованных и заинтересованных исследователь_ниц, собравшихся вокруг Альмиры Усмановой и Андрея Горных, для дискуссий о междисциплинарных исследованиях в контексте быстрых и противоречивых социальных и культурных изменений. Одним из ключевых центров этой активной интеллектуальной жизни был Центр гендерных исследований, основанный Еленой Гаповой и Альмирой Усмановой в 1997 г. Имея скромный офис и библиотеку в корпусе ЕГУ, который в то время располагался по улице П. Бровки в Минске, ЦГИ был одновременно реальным и символическим местом встреч для инициатив, объединяющих различные университетские программы. Для меня, ученого, недавно получившего степень доктора наук и погруженного в критическую теорию, интерес к гендерным исследованиям в постсоциалистической академии был проектом, который сочетал постструктуралистскую проблематизацию статуса знания с ясным и актуальным социальным посылом. Именно гендерные исследования предлагали теоретическую оптику для детального пересмотра советской политики в вопросах социальной справедливости: с одной стороны, отмечая ее успехи в преодолении гендерного неравенства, с другой же, пока-

1 Этот и другие текстовые фрагменты Бена были написаны им по-английски и переведены нами – *О.С.* и *Е.М.*

зывая то, как революционный посыл оказался трансформированным в патриархальную диктатуру партии, воспроизводящую гендерную дискриминацию. Был ли провал социалистической гендерной политики провалом на уровне ее реализации или же неспособностью увидеть, что гендерное равенство требует других теоретических подходов, чем те, которые были доступны строитель_ницам коммунизма? Этот вопрос казался мне актуальным в тот период времени. Гендерные исследования как порождают этот вопрос, так и задают определенный импульс для революционных преобразований. ЦГИ был пространством, где в 2000-е все еще можно было встретить восхищение тем значением, которое идеи имеют для социальных изменений, чувство, что академическая работа необходима для того, чтобы изменить общество к лучшему.

Мне тогда казалось, что гендерные исследования предоставляют теоретическую перспективу для анализа общественных процессов, актуальных в переходе от социализма к тому, что, по словам Катарин Вердери, «приходит потом» (Verdery 1996). Именно в ситуации этого движения от социализма к еще неизвестному социальному устройству вопросы, которые давно находились в центре внимания гендерных исследований, – анализ рола тела и сексуальности, изменяющихся пониманий приватного и публичного, конструирования маскулинности и феминности, ценности женского и мужского труда, гендерных измерений несправедливости капитализма и т.д. – являлись не только ключевыми для понимания текущих изменений, но также позволяли увидеть гендерное знание в новом свете.

Кроме того, гендерные исследования проблематизируют и саму форму создания и передачи знания, что, как мне кажется, находится в фокусе ЕГУ как институции, которая не только предлагает новые дисциплины, но также создает другую атмосферу преподавания, отказываясь от иерархичных форм передачи знания, характерных для традиционной постсоциалистической академии. Ставя под сомнение нейтральность знания, проблематизируя власть, аффекты и сопротивление, гендерная теория была важным ресурсом в моих попытках переосмыслить и изменить то, что происходит в самой учебной ситуации. На уровне университета как институции гендерный подход открывает вопросы, которые до сих пор остаются актуальными как для ЕГУ, так и для многих других университетов: почему в университетах, которые считаются колыбелью просвещения, большинство преподавателей – мужчины, а студенток – женщины и чем выше по иерархической лестнице, тем заметнее эта тенденция? С позиции гендерной теории, преподаватель_ницы не просто передают знание, которое должно быть усвоено студент_ками, скорее преподаватель_ницы и студент_ки должны находиться в творческих отношениях совместного производства идей, аффекта, смыслов. Куда это нас может привести, менее очевидно. Но в таких проектах, как цикл календарей «Женщины в Беларуси: история в повседневности», который ЦГИ издавал с 2001 по 2007 г., или в курсах «Гендер и капитализм», который я

преподавал совместно с Надей Гусаковской и «Гендер и пространство» с Ольгой Сасункевич, я вижу примеры появления новых идей, репрезентативных форм и способов сотрудничества в постсоциалистическом контексте.

Факт, что развитие гендерных исследований стало возможным благодаря западным донорам и доступу к западным теориям, в то время не казался мне важным. Я думаю, что восприятие гендерной теории как части западного гегемонного проекта не позволяет полностью оценить ее критический потенциал для самого западного общества. Так же, как и то, что гендерные исследования, воплощая в себе связь между академией и активизмом, могут быть непосредственно вовлечены в проекты социальных изменений, само по себе мне не кажется негативным явлением, хотя зачастую это то, что является основанием для отказа им в научности. Вероятно, в моем случае такая позиция обоснована определенными структурными условиями: как молодой мужчина среднего класса с британским образованием, временно проживающий в Беларуси, я имел определенную привилегированную позицию в социальном окружении, в котором я находился и которое пытался понять. Более того, факт, что я был представителем одного из последних поколений британских студентов, которые имели право на бесплатное обучение, оказал определенное раскрепощающее влияние на мое сознание. Так, я выбрал изучать французский и русский языки в 1991 г., несмотря на то и, возможно, именно потому, что я ничего не знал о России или русском языке в то время. Эта привилегия следовать своим интересам была связана с определенной организацией академической системы и моими финансовыми обстоятельствами, что определенно контрастирует с историями моих коллег, соредакторок этого номера.

20 лет спустя политический консервативный откат, который мы наблюдаем не только в большинстве стран Восточной Европы, но и за ее пределами, заставляет меня задумываться о том, что все-таки пошло не так? Гендер стал ключевым термином в этом процессе, используемым, чтобы огулом обвинить всех, кто поддерживает гендерную повестку, в причастности к негативным тенденциям в глобальной политике. Гендер стал почти ругательством в устах политических популистов, которые противопоставляют его традиционным ценностям и культурной специфике в попытках мобилизовать национальные сообщества. Сопротивление гендеру, его отрицание как «космополитической угрозы» парадоксальным образом происходит именно тогда, когда без всякого сопротивления неолиберальная экономика и товарный эротизм в регионе занимают ведущие позиции. Иными словами, мы находим себя в экстраординарной ситуации, когда английское слово «гендер» используется на различных языках региона, чтобы обозначать процессы, против которых всегда и была направлена гендерная теория! Неудивительно, что этот извращенный результат оказывает травматический эффект на тех, кто стояли у истоков развития гендерного знания. В темные времена самокопания я также задаю себе вопрос, что я сделал

не так или в какой степени я и моя личная история несут ответственность за такое развитие гендерных исследований в постсоциалистической Европе. Но на смену этим размышлениям приходят моменты просветления, которые созвучны многим идеям, озвученным в данном номере. В такие моменты текущий кризис кажется продуктивной ситуацией, позволяющей переосмыслить то, что произошло с гендерными исследованиями на постсоциалистическом пространстве, чтобы увидеть новые возможности их развития. Возможно, именно это сейчас и является самым важным.

Елена: Центр и лиминальное существование

Я поступила на магистерскую программу ЦГИ в 2003 г. Этот учебный год оказался последним для работы ЕГУ в Минске. Размышляя об этом стечении обстоятельств, я считаю большой удачей возможность быть свидетельницей и участницей того, как работал университет и, прежде всего, Центр гендерных исследований и его магистратура в «минский период». Впервые я узнала об университете в ситуации, когда ряд ключевых и любимых мною преподавателей отделения психологии Белорусского государственного университета, включая моего научного руководителя профессора Геннадия Михайловича Кучинского, были вынуждены оставить преподавание в нем и полностью перейти работать в ЕГУ. В этой ситуации мой научный руководитель благородно согласился продолжить руководить моим дипломным проектом, для консультаций с ним я приходила в ЕГУ. Уже то, как выглядело и что сообщало пространство университета о разнообразии академических мероприятий – семинарах с увлекательными названиями, выступлениях приглашенных лекторов, возможностях участия в конференциях на разных языках, говорило о совсем иной академической жизни.

Однако ЕГУ был частным университетом, и возможность обучения в нем для меня напрямую была связана с донорской финансовой поддержкой. В тот период ЦГИ имел финансирование от фонда МакАртуров, что и позволило мне оставить свою работу ради магистратуры. Все, кто учились в гендерной магистратуре, не только не оплачивали обучение, но и получали стипендию. Я поступила в магистратуру ЦГИ ЕГУ, отработав два года по распределению ассистенткой кафедры философии Витебского государственного технологического университета. Этот опыт придал особую ценность возможности оказаться в академической среде, критичной к разного рода нормативностям.

После переезда ЕГУ в Вильнюс была потребность в человеческих ресурсах – структуру надо было строить заново. Многие из тех, кто, как и я, закончили магистратуру, уже учились или имели планы на аспирантуру, оказались востребованы в тот период. С 2006 г. я стала преподавать в гендерной магистратуре курс по методам социальных исследований совместно с Сергеем Викентьевичем Сивухой. Сергей Викентьевич – человек, которого я считаю своим Учителем в

самом глубоком и сакральном смысле этого слова. Ему я обязана своим интересом к качественной методологии и глубоко признательна за поддержку своих первых исследовательских опытов.

В первые годы после переезда ЕГУ в Вильнюс центр все еще сохранял отдельную небольшую комнату с уникальным для Беларуси собранием академической литературы по гендерным исследованиями и двумя компьютерами в Минске. Это пространство было важным для поддержания нашего сообщества – туда приходили коллеги, выпускни_цы гендерной магистратуры, новые магистрант_ки в период между сессиями в Вильнюсе. Моя первая работа в центре была связана с созданием и администрированием электронной библиотеки по гендерным исследованиям на русском языке. При том, что в нашей книжной библиотеке по понятным причинам доминировали англоязычные издания, в силу большей доступности русского языка для постсоветского пространства, нам казалось важным собирать в единый открытый ресурс то, что публикуется по гендерной проблематике по-русски.

Через пару лет после переезда ЕГУ в Вильнюс интересы фонда МакАртуров переместились из Восточной Европы в другой регион и ЦГИ утратил финансирование. Мы продолжали работать: вместе с Женей Ивановой и Надей Гусаковской проводили гендерные семинары и тренинги в сотрудничестве с беларусскими НГО, были задействованы как экспертки в проекте ПРООН в Беларуси по продвижению гендерного равенства, под руководством Елены Гаповой и Альмиры Усмановой организовали три конференции в Вильнюсе. Но поскольку в большинстве случаев рассчитывать могли только на свои силы и наличие оплачиваемой работы было непрогнозируемо заранее, развивать центр как некоторый совместный академический проект было крайне сложно. Не было ресурсов, чтобы привлечь тех новых выпусни_ц магистратуры, которые хотели бы остаться с нами, многие из тех, кто уже ассоциировали себя с центром, не имели необходимого академического статуса и степеней и балансировали между попытками упрочить свое существование в академии и совместными проектами. Наши собеседни_цы в интервью также размышляют о том, что связывает гендерное академическое сообщество и какой может быть его социальная миссия, указывают на хрупкость баланса между принадлежностью к сообществу и работой на его благо, на разные эффекты отсутствия этого баланса в современной академии – усталость, выгорание и разобщенность, которые порождаются растущей неоплачиваемой нагрузкой.

Тренинги и экспертная работа, хотя и придавали иную перспективу гендерному знанию и позволяли почувствовать жизнь по-другому, не были достаточными для того, чтобы уверенно существовать в академии. Все настойчивее вокруг меня звучало требование наличия академической степени, которое в сочетании с прекарным положением в университете преподаватель_ниц без трудового контракта и ограниченностью ресурсов для профессиональной реализации

в центре постепенно приводило к выбору между кардинальной сменой карьеры или поиском докторантуры. Таким образом в моей истории (как и в историях других людей из центра моего поколения – Жени Ивановой, Нади Гусаковской, Инны Хатковской) траектория профессионального поиска прошла через обучение в докторантуре западного университета. Получив докторантскую позицию в университете Лунда, я еще раз убедилась в том, что уязвимость и социальная незащищенность преподаватель_ниц – временные, краткосрочные контракты, значительная доля на самом деле неоплачиваемой работы – являются общей и, к сожалению, нарастающей тенденцией неолиберальной академии. Эти мои наблюдения созвучны тому, о чем говорит в своем интервью в этом номере Эльжбета Корольчук, а также обсуждает Елена Гапова в дискуссии с Андреа Пето.

Ольга: ЦГИ на пограничье

Я поступила в гендерную магистратуру ЕГУ в 2006 г. после окончания факультета журналистики Белорусского государственного университета. Тогда ЕГУ уже переехал в Вильнюс, но его состояние было все еще подвешенным: программы находились в процессе регистрации, а университет – в режиме становления и институционализации в новых условиях. Я делала выбор между стабильной магистратурой и аспирантурой в БГУ и заманчивой, но не имеющей понятных перспектив магистратурой в Вильнюсе, где процесс обучения не был регулярным, учеба строилась по принципу «заездов» – мы приезжали в Вильнюс несколько раз в год на 1–2 недели, встречались с преподаватель_ницами программы, слушали лекции. Конечно, выбор в пользу ЕГУ стал переломным для моей профессиональной жизни. Та карьерная и личная позиция, из которой я сейчас пишу о своем опыте, без учебы в ЕГУ, дальнейшего сотрудничества с ЦГИ, а также поддержки со стороны людей из Центра (здесь я в первую очередь имею в виду Лену, Надю Гусаковскую, Елену Гапову и Альмиру Усманову) была бы невозможна.

Учеба в ЕГУ стала для меня очень важным опытом, в ходе которого я четко осознала, что хочу работать в академии и заниматься исследовательской деятельностью. Но для моего поколения выпускни_ц гендерной магистратуры ЕГУ возможности остаться в университете были ограничены. Университет был под постоянным давлением литовских образовательных ведомств, которые хотели видеть там как можно больше «остепененных» людей. При этом после переезда ЕГУ в Вильнюс официально зарегистрированная докторантская программа появилась там далеко не сразу. Поэтому стало понятно, что, если я хочу работать в ЕГУ, надо защищать диссертацию. Сделать это в Беларуси было совсем нереально. В Литве тоже маловероятно. И тогда я стала поступать в европейские докторантуры. В итоге попала на международную программу в Германию, где защитила диссертацию в 2014 г.

После защиты я вернулась в ЕГУ уже на постоянную позицию лекторки Департамента медиа. А заодно стала координировать работу Центра. Это было попыткой «развиртуализировать» ЦГИ, заявить о нем как об исследовательском проекте, работающем как в Беларуси, так и в Европейском союзе. Но на исследования, и на академическое функционирование в целом, нужны инфраструктура и деньги. Если в 1990-е гг., по воспоминаниям некоторых участниц процесса развития ГИ в регионе (см. интервью с ними), доноры сами искали тех, кто мог бы реализовывать различные гендерные проекты в рамках программ развития демократии, в 2010-х гг. эта ситуация складывается совсем по-другому. Будучи литовскими институциями, ЦГИ и ЕГУ должны конкурировать за финансирование с исследовател_ницами из других стран Европейского союза. Но при этом и Еврокомиссией, и некоторыми фондами ЕГУ воспринимается не как академический, а как политический проект, цель которого – способствовать построению в Беларуси демократического общества. Это видение стало для меня очевидным, когда я попыталась убедить один немецкий фонд с левой повесткой поддержать академическую конференцию о феминизме и постсоциализме. Конференция задумывалась как форум для феминистских и гендерных исследовательниц, работающих с постсоциалистическим контекстом, но аффилированных как в «западных» университетах, так и в регионе. На это мне ответили, что фонд поддерживает образовательные проекты, реализуемые внутри Беларуси и в сотрудничестве с беларусским гражданским обществом. Таким образом, если в 1990-е финансирование способствовало развитию связей между гендерными исследователь_ницами региона и созданию профессионального академического сообщества вне национальных границ, то сейчас ситуация складывается по-другому. Как с сожалением отмечают некоторые наши собеседницы, академические связи в регионе сегодня обусловливаются исследовательской грантовой политикой, которая не всегда способствует развитию сотрудничества между гендерными исследовательницами из бывших социалистических стран. Существование Центра на пограничье в широком смысле (между Беларусью и Литвой, виртуальной и реальной жизнью, русскоязычными и англоязычными дискурсами, исследовательской политикой Европейского союза, предполагающей международное сотрудничество, и политической повесткой ЕГУ, направленной на «возвращение знания в Беларусь») ставит его деятельность в очень уязвимую позицию и требует поиска новых форм взаимодействия. Результатом одной из них, состоящей из коллективного виртуального сотрудничества через Skype, Googledocs и электронную почту и спорадических реальных встреч в Варшаве и Вильнюсе, является этот выпуск.

О социальных и политических контекстах этого номера

Представленные нами личные истории затрагивают вопросы структурных предпосылок и возможностей существования гендерных исследований в нашем регионе. Но что мы имеем в виду под этим регионом? Что это за пространство, опыт развития ГИ в котором обсуждается в данном выпуске? Среди наших авторо_к люди, имеющие разные исследовательские траектории и аффилированные в университетах/исследовательских институциях, география которых простирается от Канады до Японии. В своих текстах они пишут о гендерных исследованиях и феминистском/ЛГБТК активизме в России, Казахстане, Чехии, Польше, Украине, Литве. Все эти страны, конечно, можно условно отнести к постсоциалистическим. Но что мы понимаем под постсоциализмом спустя почти 30 лет после падения Берлинской стены? Может ли история (советского) социализма все еще выступать в качестве объединяющего опыта, позволяющего говорить о некотором общем контексте, в котором развивались гендерные исследования на протяжении этого времени? Нам кажется, что может, и мы видим много общего в тех тенденциях в развитии ГИ, – от эйфории 1990-х к антигендерной войне, объявленной гендерным исследованиям в России, Венгрии, Чехии и Польше – которые описывают наши автор_ки и собеседницы. Одновременно здесь также важно обозначить, что наша общая сложная история заставляет нас искать новые пути для гендерного активизма и иные модальности гендерной солидарности, которые могут быть актуальными и в других контекстах. Хорошим примером такого поиска является текст Нади Гусаковской, которая использует контекст женского протеста в ЮАР, чтобы переосмыслить собственный академический и активистский опыт в Беларуси и Литве.

Таким образом, определяя цель нашего выпуска как осмысление гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве, мы понимаем это пространство не только как определенный географический регион стран бывшего Советского Союза и Восточного блока, но и как эпистемологическую позицию, из который говорим мы и наши автор_ки. Эта позиция обусловлена общим историческим опытом, в ходе которого гендерные исследования в регионе стали возможными. Запрос на новое знание и стремление переформатировать старую академию; открытие границ и возможность начать взаимодействие с западными коллегами; наконец, финансовые вложения западных фондов в регион в стремлении подогнать его под универсальный («западный») канон демократического общества – эти предпосылки становления гендерных исследований объединяют опыт тех стран, речь о которых идет в данном выпуске. Постсоциализм – это также позиция периферии, которая необходима, чтобы децентрализовать западный универсализм (Stella 2015) и представление о том, что после социализма наступит «возвращение к нормальной жизни» (Stenning, Hörschelmann

2008: 320), где под «нормальным» понимается западная демократия и западная же модель капитализма. Происходящий на наших глазах антигендерный консервативный поворот в странах региона (и не только) – это тоже своего рода реакция на западную гегемонию, неоколониальную политику ЕС и нежелание признавать постсоциалистические элиты равноправными партнерами. Для нас данный выпуск – попытка понять не только гендерные исследования, но и те более общие процессы «после социализма», частью которых они выступили. Оптика, формируемая в попытке осмыслить постсоциалистические гендерные исследования, позволяет посмотреть на обсуждаемый здесь исторический контекст в более широкой перспективе и понять, почему сценарий трансформации после социализма оказался несостоятельным и что может быть предложено в качестве его альтернативы.

Именно поэтому в нашем понимании столкновение с постсоциалистическим контекстом породило усиление напряженности и даже перегибы в том, что мы могли бы определить как «гендерное беспокойство». Попытка развить гендерные исследования внутри академических, социальных и политических структур, пришедших на смену социализму, не была успешной, надежды на социальные изменения так и остались неосуществленными. Более того, попытка «импорта» гендерной теории в постсоциалистический контекст подверглась большой критике, исходящей в первую очередь со стороны самих исследователь_ниц (чему посвящен ряд текстов этого выпуска) и одновременно подхваченной политическими популистами. Таким образом, перипетии гендерных исследований в регионе обнажают проблему непростого взаимодействия между модернизирующими дискурсами социальной эмансипации и процессами, в результате которых локальные контексты становятся частью глобальных конфигураций. В качестве примера можно привести размышления польской социолога Ядвиги Станицкис, которая писала о том, что момент победы революции Солидарности был украден у нее, когда она осознала, что Польша оказалась включенной в невидимые связи международного капитала, которые в значительно большей степени, чем, собственно, демократический пафос движения Солидарности, стали причиной распада социализма в Восточной Европе (Stanickis 2001). Автор_ки этого номера разделяют это беспокойство: в то время как принципы гендерных прав универсальны, их применение сегодня – это сложный процесс, в результате которого индивидуальные и групповые субъектности становятся частью глобальных властных отношений, в чьем контексте локальные опыты переживаются как бессилие и беспомощность (Tsing 2005). Этот момент ярко представлен в статье Натальи Павлович, где авторка критикует работу НГО, продвигающих женскую повестку в Грузии. В ее анализе сотрудницы неправительственных организаций оказываются неспособными распознать, что их собственная позиция – это позиция привилегий, сформированная как их классовой

принадлежностью в локальном контексте, так и взаимодействием с международными донорами.

Другим примером того, как беспокойство вокруг гендерной теории в постсоциализме является частью более широких социальных и политических процессов, является академия. Одним из основных ожиданий от развития гендерных исследований в регионе было изменение в понимании процесса производства знания. Гендерные исследования открыли пространство для переосмысления того, что является и считается знанием, как функционируют институты его производства и как знание может быть использовано за пределами академического поля. Однако, оглядываясь назад, становится очевидным, что не только постсоциалистические академические институции оказались невосприимчивыми к гендерно ориентированной реформе, но также сами исследователь_ницы часто занимают критическую позицию по отношению к ангажированности гендерной теории в социальную и политическую жизнь (что порой воспринимается как необходимость подчиняться требованиям международных доноров). Как ни грустно это осознавать, но критика, исходящая изнутри академического гендерного сообщества, была отчасти присвоена консервативными политиками, которые обвиняют гендерные исследования в идеологичности и псевдонаучности.

Мы также показываем в этом выпуске, что гендерная теория нашла свое место в таких сферах, как современное искусство, визуальная антропология, поэзия, картографирование и т.п., где статус знания не принимается как данность, а является предметом постоянных обсуждений. В нескольких интервью звучит идея о том, что гендерные исследования постоянно находятся под прицелом институциональных реформ, направленных на переопределение целей и результатов обучения и исследований в университетах под влиянием неолиберализации условий функционирования академии. Тот факт, что данный номер выходит в момент, когда в ряде стран региона релевантность гендерных исследований и социальных и гуманитарных наук в целом снова ставится под сомнение, не является совпадением. В то же время именно гендерные исследования все еще являются важной отправной точкой, из которой могут быть прочерчены новые пути и способы проникновения академических исследований в политический активизм, организации и пространства сопротивления. Таким образом, беспокойства вокруг гендерных исследований, обнаруживаемые во всех текстах этого номера, могут быть также прочитаны как попытка вновь переосмыслить роль академии в обстоятельствах консервативного поворота и глобальной реакционной политики в отношении гендерной повестки.

Спустя 20 лет и геополитические горизонты социальных трансформаций Восточной Европы, и гендерный ландшафт выглядят совершенно по-иному: вместо того чтобы функционировать как идеал более прогрессивного (включая гендерное измерение) общества, «Европа» сегодня представляется как туманный проект, давший трещину. Реакции на текущую политическую и эконо-

мическую нестабильность все чаще описывают в терминах backlash-возврата к «традиционным», консервативным ценностям и повесткам, сворачивания критических исследований и ограничения возможностей для существования альтернативного знания и действия. Современные популистские политики осуждают гендерное равенство, видят в нем одно из проявлений кризиса Европы и возвращаются к дискурсу национализма в целях защиты культурных различий, в которых гендерный вопрос (понимаемый теперь как перегибы насаждаемой политической корректности) играет ключевую роль. В этом номере конкретные примеры задействования антигендерного дискурса как политического механизма в продвижении правой националистической повестки в регионе представлены в статье Агнешки Графф и дискуссии Андреа Пето и Елены Гаповой. В то же время подобные тенденции не являются исключительными для Восточной Европы, скорее, наоборот, имеют глобальный масштаб. Так, процессы, сопутствующие Брекзиту, электоральному успеху правых сил в Австрии и Франции и избранию Трампа президентом США, были во многом связаны с поддержанием моральных паник в отношении ряда гендерно, этнически и классово маркированных социальных групп (например, мигрант_ки) (Hozic and True 2017; Kimmel 2017). В то же время конструирование враждебной друговости этих социальных групп и перенос на них ответственности в усугублении социальных и экономических проблем западного неолиберального общества на самом деле скрывает продвигаемую правыми политическими силами политику восстановления статуса-кво – прежде всего, привилегий белого состоятельного гетеросексуального мужчины, подрываемых различными эмансипаторными движениями, включая феминизм (Wodak 2015). Через сто лет после того, как под влиянием суфражистского движения британские женщины получили право голоса, через пятьдесят лет после социальных протестов мая 1968 г. и тридцать лет после падения коммунизма в Восточной Европе левые политические силы, кажется, утратили способность предложить такой политический проект, в котором гендерное равенство являлось бы частью более широкой и привлекательной для широких масс политики социальной справедливости.

Ценности и смыслы, воплощенные в номере

Рефлексируя по поводу процесса работы над данным выпуском, мы увидели, что те проблемы и вызовы, с которыми мы столкнулись, являются симптоматичными для описываемого нами контекста. В академическом плане мы столкнулись с разными представлениями о процессе академического письма и отношениях с текстом. Стараясь работать по стандартам международной академии и отправляя все тексты на рецензирование, мы поняли, что процесс рецензирования и реакция на него по-разному понимаются и автор_ками, и рецензент_ками. Процесс сведения разных академических стандартов воедино не был про-

стым, но нам кажется, что в итоге у нас это получилось, хотя в некоторых случаях мы позволили себе пойти наперекор мнению рецензент_ок. В то же время этот опыт стал для нас поводом подумать о том, что такое академические стандарты в международной академии, когда исследователь_ницам из условных «Запада», «Востока», «Севера» и «Юга» все чаще приходится работать вместе.

В нашем восприятии эти стандарты не являются чем-то застывшим и само собой разумеющимся, скорее, наоборот, мы хотели бы подчеркнуть определенную открытость и многообразие современного академического письма, его интерес к литературным формам и визуальным экспериментам. Мы рады представить в этом номере, с одной стороны, разные режимы традиционного академического высказывания – от классической академической статьи до текстов интервью с ключевыми гендерными исследователь_ницами. С другой стороны, наши автор_ки – Надя Гусаковская, Алекса Тим, Ирина Чайка и Юлия Батура – предложили ряд примеров неконвенциональной формы представления исследовательский идей.

Пространство академического высказывания расширяется в этом номере и благодаря нашему сотрудничеству с феминистскими активистками и литераторками. Поэтому здесь присутствует как исследовательский взгляд на активизм, представленный в статье Натальи Павлович, так и собственно рассказ от первого лица – рефлексии Жанар Секербаевой о ее работе в гражданской инициативе в Казахстане. Кураторка и исследовательница искусства Надя Плунгян делится своим видением процессов, происходящих в феминистском искусстве в России. Включенные в выпуск стихи Ольги Гапеевой, Лины Казаковой и Юли Тимофеевой – это концептуально нагруженные поэтические тексты, которые, будучи помещенными в конце, совсем не предлагают читатель_ницам расслабиться после ознакомления с академическими статьями, а, наоборот, требуют еще большего погружения и осмысления того, как феминистские идеи могут быть значимой оптикой за пределами академии.

В номере, посвященном развитию гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве, мы не могли не отреагировать на актуальные и довольно брутальные последствия антигендерной политики – угрозу закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге и приостановление деятельности Центрально-Европейского университета в Будапеште. Гендерные программы обеих институций на протяжении долгих лет были нашими партнерами. Елена Здравомыслова и Анна Темкина из ЕУ СПб в разные годы преподавали в магистратуре по гендерным исследованиям, открытой в ЕГУ на базе Центра в 2001 г. В 2007–2010 гг. сотрудни_цы ЦГИ участвовали в проекте HESP, направленном на развитие магистерских программ по гендерным исследованиям, совместно с Департаментом гендерных исследований ЦЕУ и гендерной программой Тбилисского государственного университета. Когда в 2004 г. закрывался ЕГУ в Минске, это казалось экстраординарным событием и эксцентричной выходкой

со стороны беларусского авторитарного режима. С позиции сегодняшнего дня это можно прочесть как первый признак более общей тенденции к консервативному откату, захлестнувшей регион. Ситуация вокруг ЦЕУ и ЕУ разворачивалась буквально в процессе работы над этим выпуском. Нашей реакцией на нее и способом выразить солидарность с коллегами стало интервью с Анной Темкиной (ЕУ), а также диалог между Еленой Гаповой (ЦГИ) и Андреа Пето (ЦЕУ).

Попытки говорить о постсоциалистическом пространстве, не сводя его при этом к постсоветскому, поставили перед нами вопрос языка. В то же самое время мы понимали, что подготовка англоязычного номера являлась бы не меньшим дискомфортом и практикой исключения как для авторского участия, так и для аудитории. Мы видели свой приоритет в том, чтобы внести вклад в развитие гендерной дискуссии на языке, доступном нашему непосредственному окружению. При этом мы не могли не учесть историю появления центра и его связь с беларусским контекстом. В наш выпуск вошли тексты и стихи на беларусском языке. Мы также приложили усилия в расширении географии авторо_к: подготовленные переводы с английского сделали возможным участие в номере коллег из Польши, Чехии и Венгрии. Другим аспектом выражения идеи включения, значимой для феминизма и гендерной теории, стали используемые нами на протяжении всего номера лингвистические формы – использование феминитивов и особого, подчеркивающего гендерный континуум написания множественного лица одушевленных существительных.

Завершая подготовку этого номера, мы хотели бы поделиться с вами одним из значимых итогов этого опыта совместной работы. Для каждо_й из нас решение участвовать в этом проекте было непростым, поскольку работа над ним пришлась на непростые периоды в наших жизнях, связанные с переездом в другую страну, завершением диссертации и участием в большом количестве проектов за пределами академии. Тем не менее для нас было важным с помощью этого выпуска выразить благодарность людям, которые стояли у истоков Центра и которым мы признательны за создание сообщества вокруг него, – Елене Гаповой и Альмире Усмановой. Мы также воспринимаем процесс совместной работы как акт сопротивления индивидуализации, доминирующей в неолиберальной академии. Коллаборативность данного выпуска не сводится к сотрудничеству между редактор_ками. Мы выражаем признательность нашим автор_кам, собеседни_цам, рецензент_кам и всем тем, кто помогали в этом процессе, и лично Людмиле Малевич и Виктории Константюк.

Литература

Hozic, Aida and True, Jacqui. Brexit as a Scandal: Gender and Global Trumpism, *Review of International Political Economy*. 2017. 24(2). P. 270–87.

Kimmel, Michael. Trump's Angry White Men. *The World Today*. 2017. December/January. 73 (6). P. 14–17.
Staniszkis, Jadwiga. *Postkomunizm*. Gdańsk: slowo/obraz terytoria, 2001.
Stella, Francesca. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
Stenning, Alison and Hörschelmann, Kathrin. History, Geography and Difference in the Post-socialist World: Or, Do We Still Need Post-Socialism? *Antipode*. 2008. 40 (2). P. 312–335.
Tsing, Anna. *Friction: an Ethnography of Global Connection.* New Jersey: Princeton Univ. Press, 2005.
Verdery, Katharine. *What was Socialism and What Comes Next?* Princeton: Princeton University Press, 1996.
Wodak, Ruth. *The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2015.

Елена Гапова

ОГЛЯНУТЬСЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУ «КЛАССОМ» И «ДИСКУРСОМ»

Elena Gapova

Looking Back at the Crossroads: Gender Studies Between "Class" and "Discourse"

The paper puts post-Soviet gender studies in the context of post-socialist nation building and emerging class inequality. Treating gender studies as a case of "new social movements" and citing Chandra Mohanty, Kristen Ghodsee, and Nancy Fraser, the author argues that feminist activism, if it appears in the context of neoliberalism and growing economic inequality, may turn popular attention from the issues of redistribution to the politics of recognition and, thus, become problematic as an ideology of liberation.

Keywords: gender studies, postsocialist feminism, defamiliarization, "new class", nation building, ideology, difference, recognition.

Сова Минервы, писал Гегель, вылетает в сумерках: понять смысл происходящего можно лишь с некоторого расстояния, уже после того, как событие завершилось. Правда, неизвестно, каким должен быть этот временной интервал. Двадцать лет – немалый срок: пусть недостаточный для того, чтобы делать выводы относительно места произошедшего в «большой истории», но позволяющий яснее увидеть контуры события. В этом кратком вступлении к специальному выпуску журнала «Перекрёстки» мне бы хотелось оглянуться как на тот контекст, в рамках которого в 1997 г. в Европейском гуманитарном университете в Минске был создан Центр гендерных исследований, так и на некоторые трансформации в том проблемном поле, которым мы намеревались заниматься. Транс-

формации, анализ которых дает возможность использовать в отношении постсоветских гендерных и феминистских исследований метафору «остранения». Как известно, это понятие, введенное в 1910-х формалистом Виктором Шкловским, означает превращение вещей из привычных в «странные» посредством извлечения их из привычного контекста, что позволяет посмотреть на них заново. «Извлечение» гендерной теории из западных условий ее создания и функционирования и приложение в качестве аналитического инструмента к постсоветской ситуации – что и произошло в рассматриваемый период – позволяет проявить некоторые черты постсоветского транзита. Однако, и это не менее, а, возможно, и более важно, оказалось, что пертурбации происходят и с самой гендерной теорией, на основании чего можно сделать некоторые предположения относительно природы этого аналитического инструмента. Эти предположения представляют интерес, выходящий за региональные рамки.

Инситуализация в минском ЕГУ Центра гендерных исследований, открывавшая возможность преподавания новых дисциплин, проведения исследований, конференций и семинаров, издания книг соответствующей тематики и, в перспективе, изменения академического и общественного контекста, казалась тем, кто были к этому причастны, событием значимым и даже посягающим на «основы миропорядка». Вместе с тем это событие было «рядовым» в том смысле, что стояло в ряду подобных. В это же десятилетие исследовательские и (часто одновременно активистские) центры, ориентированные на гендерную проблематику, были заявлены сначала в Москве, а позднее Петербурге, Харькове, Алматы и в том или ином виде в других местах, что явилось следствием, если пользоваться языком политической теории, постсоветской «структуры возможностей». Одной из причин ее появления стало возникновение новых государств и превращение прежде периферийных городов в национальные столицы, с которыми международные фонды и дипломатические миссии работали напрямую, а не через прежний «центр», что создавало невиданные прежде возможности для местных элит. Кроме того, стремясь способствовать продвижению «западного знания» – в условиях делигитимации знания советского, – международные организации способствовали созданию новых университетов и учебных программ и, в частности, сделали поддержку гендерных исследований одним из своих приоритетов.

Однако ресурсная мобилизация, возникающая за счет складывания сетей коммуникации, доступности интеллектуальных ресурсов и так далее, – что, как считают некоторые исследователи, и имело место в случае постсоветского женского движения (Sperling 1999) – не может быть осуществлена, если не опирается на внутренние причины. Для образованных женщин моей поколенческой когорты создание «языка» для обсуждения нашего места в окружающем мире являлось личным проектом не в меньшей степени, чем академической задачей. В его основании лежала интенсивная (само)рефлексия, спровоцированная тем

огромным социальным сдвигом, участницами которого мы оказались и который обострил социальную чувствительность. В некоторых случаях интенсивность рефлексивной критики достигала точки «деконструкции» самих себя – как субъектов, встроенных в классификационные схемы, т.е. созданных, если следовать терминологии Л. Альтюссера, в процессе «интерполяции» идеологическими институтами своего места и времени. Нам могло казаться (и вначале оно так и было), что понимание властной конфигурации и осознание своего места в ней было равносильно высвобождению из навязанных схем, реализацией собственного, свободного выбора, тем более что вокруг говорили о свободной личности, выборе, равных возможностях и других либеральных ценностях. Как стало понятно со временем, высвобождение из старых схем означает одновременное встраивание в новые классификации: однако если они создаются при нашем участии, то поначалу не осознаются как дисциплинирующие.

Будучи молодыми образованными женщинами «догендерного» периода, мы обдумывали себя в терминах и понятиях известной нам социальной теории и популярных нарративов, где господствовала точка зрения, что суть «женского вопроса» состоит в социальном обеспечении материнства. Философское и социологическое осмысление телесности как категории, лежащей в основании социальной организации полового различия (т.е. первичного социального разделения во всех обществах), интерпретации ее в контекстах отношений власти, социальной стратификации и организации институтов, порождения желания, создания классифицирующих оснований восприятия мира и конструирования «я», было редуцировано до отсыла к особой «женской психологии». Эта идеологизированная субстанция включала эмоциональность, нелогичность, сосредоточенность на конкретном в противовес общему и абстрактному (мужскому), что проистекало, согласно господствовавшей точке зрения, из женской репродуктивной функции. Испытывая в условиях подобной идеологической гегемонии проблемы, связанные с непризнанием женской независимой субъектности и человеческой полноценности, мы не знали языка, чтобы их назвать, описать и осмыслить. Не имея названия, эти проблемы «не существовали», однако в то время работа Гайатри Спивак «Могут ли угнетенные говорить?» (Спивак 2001) не была нам известна.

Создание нового аналитического языка было связано с заимствованием в начале 1990-х – в рамках изменяющегося институционального и политического контекста – в русский язык, а также в другие языки постсоветского пространства термина «гендер» как ключевого означающего иного дискурса. Впервые, как установила недавно исследовательница из Новосибирска Татьяна Барчунова, он был употреблен философом Ольгой Ворониной в начале 1990-х: именно из московского (кон)текста – а не из англоязычных изданий, к которым у большинства не было доступа, – он был впоследствии перенесен и стал общепринятым. Однако за заимствованием термина встают проблемы кросс-культурного пере-

вода и освоения той концептуальной парадигмы, к которой принадлежит новое слово (Ушакин 2007): первыми о задачах «феминистского перевода» в процессе переноса знания написали петербургские исследовательницы Елена Здравомыслова и Анна Темкина в прекрасном предисловии к составленной ими «Хрестоматии феминистских текстов» (Здравомыслова, Темкина 2000). Какое-то время пользуясь термином «гендер», многие не могли дать ему полноценное определение[1]: для этого необходимо было перевести, прочесть и начать обсуждать «основополагающие тексты» феминистской теории. В 1990-х эта задача казалась очень важной, и первой подготовленной в ЦГИ книгой «в твердой обложке» стала «Антология гендерной теории» (2000), содержавшая как переводы программных текстов Андреа Дворкин, Анджелы Дэвис, Лауры Мальви, Розалинд Печерски и других, так и наши собственные вводные комментарии к ним.

Поначалу участвовавшим в проекте создания нового символического мира казалось, что термин «гендер» обладал огромной объяснительной силой, так как позволял обозначить то, для чего ранее не было названия, структурировать личный опыт и, таким образом, «упорядочить» окружающую реальность. Он давал ответ на многие личные вопросы, т.е. становился ключевым для новых политик идентичности. Однако, как указывал Т. Адорно, идентичность является первичной формой идеологии, хотя освобождающиеся от гегемонии прежнего языка обычно не замечают работы новой дискурсивной власти, авторизацию и персонализацию которой осуществляют они сами. Новый термин, разрушая одни классифицирующие основания и выстраивая новую гегемонию (что есть свойство языкового означивания в принципе), вводил категории, «изобретенные» в другом обществе и времени. Для того раннего постсоветского периода, когда отношения между властью и знанием изменялись очень интенсивно, была характерна готовность принимать заимствованные теории и непосредственно прикладывать их к локальным контекстам. Таким образом, ключевым «объяснением» гендерных трансформаций постсоветского периода стал универсальный «патриархат» (власть мужчин), и если многие исследователи отмечали начавшийся «подъем» маскулинности, глорификацию и героизацию мужского начала, появление «сильного» (а чаще богатого, что стало синонимом власти) мужчины одновременно с переструктурированием отношений власти, то трактовали это как проявление цивилизационной отсталости и общего провала социализма. Советские достижения в сфере гендерного равенства отвергались, и гендерные исследования регулярно становились одним из способов критики социализма[2]. Таким образом, «женский вопрос», встроенный в повестку дня либерализации,

1 Иногда говорилось (и говорится до сих пор), что гендер – это «социальный пол». Данное утверждение отсылало к традиционной полоролевой теории.

2 В качестве примера такого подхода можно назвать документальный фильм «Оранжевые жилеты», снятый в 1990 г. минской Студией женского кино «Татьяна» при поддержке немецких кинематографических фондов.

стал непосредственно политическим: гендерные проблемы всегда включены в глобальные противостояния.

Однако при более внимательном рассмотрении постсоветского «восстания патриархата», как называли этот процесс в некоторых работах, становились очевидными новые, «несоциалистические» тенденции. Прежде всего к ним можно отнести связь во всем регионе «нового патриархата» с социально консервативными национализмами. Даже если постсоветские национальные государства появлялись вследствие раскола территории по когда-то (и часто волюнтаристски) проведенным административным границам, новые элиты оказывались перед необходимостью оформления национальных исторических нарративов, конструирования государственных мифов и легитимации культурных различий. В инструментарий нациостроительства включалось традиционалистское переизобретение мужественности и женственности, символическая сексуализация межнациональных отношений как отношений власти/подчинения, «изобретение» «национальных» поведенческих практик и использование их в качестве демаркационных символов для означивания территорий и сообществ и в целом ведения «переговоров» о национальном включении и исключении, модернизации, колонизации и пр. Важно при этом, что новые элиты не всегда были националистическими, но создание национальных государств регулярно использовалось для легитимации перехода к рынку и новой экономической дифференциации (см.: Пазняк 1992). Таким образом, к исследованию гендерных отношений с необходимостью подключалась вторая линия, связанная с воздействием неолиберальных тенденций, классообразованием, перестройкой рынка занятости и социальной защиты. Наибольшую трудность для исследователей в этом случае представляло понятие «класс», скомпрометированное ходульным вариантом советского марксизма.

Традиционно «класс» связывался с экономическим неравенством, однако классовая теория эпохи постиндустриального общества включает в свой арсенал социальные разделения, привилегии, способы доминирования и исключения, основанные на сложном взаимодействии экономических и не-экономических капиталов. Как организующий концепт, включающий широкий круг феноменов, связанных с неравенством и дифференциацией, классовое разделение, формируемое на основании устойчивых способов получения дохода, может осуществляться посредством культуры, стиля жизни и вкуса. Глобальный капитализм переопределяет *граждан* как *потребителей*, которые демонстрируют различные габитусы и стили жизни и, таким образом, именно через потребление – социальные идеалы и политические пристрастия. Этот классовый контекст важен для понимания некоторых черт постсоветского феминизма. К настоящему моменту «гендер» и феминизм приобрели видимость и даже популярность: их обсуждают в социальных сетях, о них пишут глянцевые журналы; публичные интеллектуалы и медиафигуры предлагают собственные интерпретации ген-

дерных отношений; аборт и сексуальность обсуждаются в парламентах; на первомайские демонстрации наряду с представителями других угнетенных выходят феминистские и ЛГБТ-группы (что становится предметом обсуждения в среде левых активистов), а правые политики во многих странах Восточной Европы предлагают «запретить гендер» (или, по крайнем мере, убрать из обихода это слово) на том основании, что он противоречит национальным традициям, ведет к размыванию моральных норм и деградации общества (Peto 2016).

Все это – важные культурные свидетельства, которые позволяют рассматривать постсоветский феминистский активизм как «новое социальное движение». Этим термином принято обозначать коллективные движения, которые были порождены в конце 1960-х структурными и культурными трансформациями развитых капиталистических обществ и которые сосредотачивались на молодежных, экологических, женских, этнических и других «неэкономических» проблемах. Одной из целей новых женских движений является артикуляция различия, признание «инаковости», вызов культурным кодам и общему символическому порядку, которые, в частности, демонстрируются посредством потребления и образа жизни (Melucci 1996). Представляется, что именно здесь феминистская повестка дня, связанная с переходом, если пользоваться терминами Нэнси Фрейзер, от борьбы за «распределение», которая была характерна для движений эпохи промышленного капитализма (и социализма), к современной борьбе за «признание» (некоторой идентичности, отличия, достоинства, независимой субъектности и т.д.) (Fraser 1998, 2000), может оказаться на постсоветском пространстве проблематичной. Причина лежит в другом социальном контексте, в рамках которого начали озвучиваться на постсоветском пространстве гендерные проблемы. Разъясню высказанную догадку.

Западный феминизм второй волны, связанный с выходом значительного количества образованных женщин на рынок труда, возникает в тот особый период, когда на Западе (в течение приблизительно пятнадцати лет) происходило, по ряду причин, значительное сокращение разрыва между богатыми и бедными[3]. Таким образом, феминистские, молодежные и другие *новые социальные движения,* сосредоточенные на политиках идентичности (и нередко осуществляющие при этом критику капитализма), оказывались в русле общедемократических преобразований. В условиях объективного уменьшения бедности они работали на «включение» (empowering) различных ранее исключенных групп: цветных, женщин, молодежи, геев, инвалидов и других категорий. Социальная история постсоветского феминистского активизма и гендерных исследований отличается кардинально: они возникают именно в тот период, когда в обществе происходит экономическая либерализация, разложение «родового строя» соци-

[3] Через некоторое время этот разрыв вновь начал возрастать, что продолжается и в настоящее время.

алистического равенства, свертывание социальных программ, формирование классового неравенства (в традиционном экономическом смысле) и, по крайней мере в первое десятилетие, критическое ограничение средств к существованию миллионов людей. Одновременно с этим реформируется гендерный порядок, возникает «буржуазный идеал» (с мужчиной-кормильцем или «спонсором»), непосредственная товаризация женской (и, реже, мужской) сексуальности, «силовое предпринимательство» (термин В. Волкова) как мужская практика, маскулинизация экономического успеха. В условиях рынка льготы для работающих матерей маркируют женщин как «непроизводительных»: критические изменения, происходящие непосредственно в сфере распределения, «ставят под вопрос» ранее бесспорные оплаченный декретный отпуск и детский сад (например, Стрельник 2017)[4]. В этих условиях феминизм, сосредотачиваясь на различии и идентичности в обществе, где возрастает экономическое неравенство, включающее и женщин, и мужчин, может отвергаться как связанный с потреблением и стилем жизни, т.е. смещающий фокус социальных противостояний. В каком-то смысле «гендер» (вместе с некоторыми другими категориями) стал видеться одним из идеологических прикрытий экономического передела, едва ли не новой формой угнетения (например, Минченя, Сасункевич 2012).

Собственно, феминистские теоретики уже некоторое время говорят о том, что в определенных обстоятельствах феминизм может работать «на руку» конструированию неравенства. Например, Чандра Моханти, автор классического текста «Под западным взглядом» (Mohanty 1984), посвященного ориентализации и экзотизации женщин третьего мира при включении их опыта в западные феминистские теории, опубликовала в продолжение этой статьи свою новую работу. Она пишет о том, что (евроцентрические) феминистские теории в условиях нарастающей глобализации могут способствовать (дискурсивной) колонизации глобального Юга, смещая внимание с проблем социального неравенства на «локальность» и местную культуру (Mohanty 2013). Американская исследовательница Кристин Годси, занимающаяся женской историей балканских стран, критически анализирует гегемонию западного феминизма уже в постсоциалистическом регионе. Анализируя роль культурного феминизма и проектов западной помощи, стремившихся перестроить социалистические общества после 1989 г., Годси отмечает игнорирование ими неоднозначного социалистического наследия и указывает, что «тот особый вариант культурного феминизма, который был экспортирован в Восточную Европу (и многие местные НПО усвоили именно эту идеологию), может идти в ногу с продвижением неолиберализма, собственно, и ответственного за то снижение уровня жизни, благодаря которому

4 Возвращение проблем воспроизводства как государственной проблемы в повестку дня не случайно оказывается сопряжено с приходом к власти авторитарных элит. О работе по воспроизводству в постсоциалистический период см. новую книгу: Стрельник, О. Турбота як робота: материнство у фокусі соціології. Київ: Критика, 2017.

западные феминистки получили “мандат” на оказание помощи восточноевропейским женщинам» (Ghodsee 2004). И, наконец, социальная теоретик Нэнси Фрейзер продолжает говорить о том, что современная феминистская теория может становиться «служанкой империализма», если не происходит ее критической переработки. Таким образом, авторы, пишущие о «глобальном Юге», постсоциалистическом пространстве и западном мире, высказывают сходные предостережения: существуют условия, при которых феминистская теория может способствовать формированию новых видов доминирования и эксплуатации. В условиях «гибкого капитализма» и товаризации протеста, в принципе, любая радикальная теория может стать товаром, престижным элементом элитистского ландшафта. В конце концов, возникновение на нашем пространстве, в том числе в беларусских независимых СМИ, дискуссий о насилии, домогательствах, женских образах в рекламе, сексуальности, способах языкового означивания женского и т.д., т.е. борьба за женскую человеческую автономию, связано с появлением в крупных городах «нового класса», включенного в глобальный медиарынок и экономику знания. Но если это так, а целью является создание более справедливого общества для всех, в каких именно категориях должен быть сформулирован постсоветский «женский вопрос»?

Изложенные выше рассуждения отражают значительную часть тех идей, сомнений, находок, разочарований, дискуссий, которые проживали в течение двадцати лет люди, делавшие Центр гендерных исследований ЕГУ: Альмира Усманова, Ирина Дунаева, Елена Мельникова, Снежана Рогач, Александр Першай, Инна Хатковская, Елена Хлопцева, Наталья Щербина, Евгения Иванова, Надежда Гусаковская, Лина Казакова, Елена Минченя, Ольга Сасункевич, Анна Шадрина.

Литература

Здравомыслова, Е., Темкина, А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс. В: Хрестоматия феминистских текстов. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 5–28.

Минченя, Е., Сасункевич, О. Белорусский феминизм в постмарксистской перспективе. Прасвет, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://prasvet.com/984

Пазняк, З. Пра імперыю і ўласнасць. В: Пазняк, З. Сапраўднае аблічча. Мінск: Паліфакт, 1992.

Спивак, Г. Могут ли угнетенные говорить? В: Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия. Под ред. С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.

Стрельник, О. Турбота як робота: материнство у фокусі соціології. Київ: Критика, 2017.

Ушакин, С. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме. В: Ушакин, С. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 94–110.

Fraser, N. Social Justice in the Age of Identity Politics: Redistribution, Recognition and Participation. *The Tanner Lectures on Human Values.* G.B. Peterson (ed.). Salt Lake City, 1998. V. 19. P. 1–67.

Fraser, N. Rethinking Recognition. *New Left Review*. 2000 (3). P. 107–120.

Ghodsee, K. Feminism-by-Design: Emerging Capitalisms, Cultural Feminism and Women's Nongovernmental Organizations in Post-Socialist Eastern Europe. *Signs*. V. 29(3). 2004.

Melucci, A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. New York: Cambridge University Press, 1996.

Mohanty, Ch. «Under Western Eyes». Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Boundary.* 2. Vol. 12 (3). 1984. P. 333–358.

Mohanty, Ch. Transnational Feminist Crossings: On Neoliberalism and Radical Critique. *Signs.* Vol. 38 (4). 2013. P. 967–991.

Peto, A. How Anti-gender Movements are Changing Women's Studies as a Profession? *Religion and Gender.* V. 6(2). 2016.

Sperling, V. Organizing Women in contemporary Russia: Engendering Transition. Cambridge University Press, 1999.

Гендерные исследования: академия и политика в Восточной Европе

Агнешка Графф

ВОЙНА ПРОТИВ «ГЕНДЕРИЗМА» В ПОЛЬШЕ[1]

Agnieszka Graff
War Against 'Genderism' in Poland
In the fall of 2013 the word 'gender' hit the headlines of all major Polish newspapers and TV stations, much to the befuddlement of people involved in gender studies. Heretofore an obscure foreign concept known only to specialists, gender was suddenly omnipresent in the tabloids, on Facebook and in the blogosphere. It was the focus of endless and heated debate for several months. Most importantly, 'gender ideology' was also mentioned weekly in Poland's Roman Catholic parishes – consistently demonized in sermons as a threat to the family. In the article I offer the basic facts about the campaign, reconstructing both anti-gender initiatives and the reactions of the liberal and feminist left. Finally, I suggest how this phenomenon fits into the broader context of a global backlash against gender equality.

Keywords: gender, anti-gender campaign, Catholic church, Poland.

Осенью 2013 г., к большому удивлению занимающихся гендерными исследованиями, слово «гендер» попало в заголовки всех крупных польских газет и телевизионных каналов. Будучи неясным иностранным концептом, известным лишь специалист_кам, гендер неожиданно стал вездесущим, при-

[1] Перевод с английского Татьяны Клепицкой. Данная версия статьи «Доклад из гендерных окопов: война против "гендеризма" в Польше» («Report from the gender trenches: War against 'genderism' in Poland»), опубликованной в «Европейском журнале женских исследований» в 2014 г. (European Journal of Women's Studies. 2014. Vol. 21(4). P. 431–442), представлена в настоящем выпуске «Перекрёстков» с разрешения редакции журнала и Агнешки Графф.

сутствуя в таблоидах, на Facebook и в блогосфере. На протяжении нескольких месяцев это понятие было в центре бесконечных жарких дебатов. Выражение «гендерная идеология» также еженедельно упоминалось в римско-католических приходах Польши – постоянно демонизировалось в проповедях как угроза семье. Родителей предупреждали, что их дети находятся в опасности. Польская культура, как об этом сообщалось верующим, была в осаде «агрессивного гендеризма» – серьезной угрозы нашей национальной традиции. Вскоре гендер, который по-польски часто пишется как «dżender», стал предметом шуток и карикатур, в которых господин Гендер – волосатый мужчина в платье с блестками и на каблуках, соблазнительно поющий: «Гендер звучит как угроза», – появлялся в качестве персонажа популярного Варшавского кабаре. До сих пор, хотя и с меньшей интенсивностью, гендер представляется в качестве средоточия «цивилизации смерти» и источника извращенности и деградации.

Несмотря на несомненную нотку бурлеска, антигендерная кампания религиозных правых не вызывает смеха. В представленном тексте я обращаю внимание на основные факты, касающиеся этой кампании, реконструируя при этом как антигендерные инициативы, так и реакцию левых либерал_ок и феминист_ок. Наконец, я делюсь размышлениями о том, каким образом этот феномен встраивается в более широкий контекст глобального противостояния гендерному равенству.

С 1989 г. в Польше над феминист_ками глумились как над наивными идиот_ками и демонизировали их как врагов народа и убийц младенцев, однако большей частью они были маргинализированы и воспринимались как не имеющие отношения к «реальной политике». Большинство активист_ок и исследователь_ниц отвечали на враждебность, оставаясь в пределах своей культурной ниши – разбросанных по всей стране программ и курсов гендерных исследований, десятков неправительственных организаций, работающих с женщинами и проводящих мониторинг дискриминации в различных сферах жизни. Стать видимым феминизму удалось за последние два десятилетия благодаря ежегодным публичным мероприятиям – Польскому женскому конгрессу и демонстрациям 8 марта, известным как «Манифа» (Manifa)[2]. Большинство полек не имели ни малейшего представления о том, что мы существовали. Они выказали бы растерянность, если бы их попросили дать определение понятию «гендер». Такое положение вещей резко изменилось с антигендерной кампанией, инициированной епископами Католической Церкви и с особой самоотверженностью проведенной правыми активист_ками и журналист_ками.

Самые первые сигналы тревоги появились летом 2013 г., когда епископ Тадеуш Пьеронек заявил в публичных дебатах: «Гендерная идеология хуже ком-

---

[2] Обзор польского феминизма и его внутреннего потенциала см. в: Grabowska 2012.

мунизма и нацизма»[3]. Моя первая мысль: должно быть, это недоразумение, неудачная обмолвка, которую лучше игнорировать. Все-таки епископ Пьеронек обладает репутацией «либерала» без предубеждений. В отличие от других представителей Церкви он готов вступать в коммуникацию с неверующими и критиками Церкви. Но тут же я вспомнила, что слышала подобное раньше. Весной 2012 г. Ярослав Говин, ультраконсервативный политик, будучи в то время министром юстиции, выступил против ратификации Польшей Конвенции Совета Европы «О предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» (Стамбульской конвенции), утверждая, что документ является «крайне идеологичным» и представляет «угрозу семье» ввиду употребления слова «гендер». Очевидно, что предупреждения Перонека о пороках гендера являлись частью более масштабного сдвига в политической стратегии религиозно мотивированных правых движений.

Непосредственный контекст того, что произошло дальше, пугает: в октябре 2013 г. Церковь Польши столкнулась с первой серьезной вспышкой скандалов вокруг педофилии. Ввиду того что несколько священников находились под следствием, национальные СМИ были полны тошнотворных подробностей, ассоциация бывших жертв выступала со своими первыми публичными выступлениями. На епископов оказывалось давление с требованием ответа. Их реакция представляет собой серию промахов. 8 октября архиепископ Михалик заявил в телеинтервью, что жертвы педофилии «пристают» [*lgną*] к священникам, вовлекая их в недостойное поведение. Неудивительно, что заявление возмутило общественность и принесло Польше дурную славу на международном уровне. Через неделю во время мессы во Вроцлавском соборе в качестве попытки исправить прежнюю оплошность Михалик объяснил, что педофилия вызвана порнографией, недостатком любви в семьях, которые разводятся, и «продвижением гендерной идеологии». Поскольку вопросы гендерного равенства находились в центре внимания[4], большинство комментировавших истолковали нападки на гендер как попытку отвлечь внимание от скандалов вокруг педофилии. Тем не менее для многих очевидно, что это лишь малая часть гораздо более серьезной проблемы (см.: Kuhar and Patternotte 2017; Graff and Korolczuk 2017a, 2017b).

Цель последовавшей далее мобилизации правых (блестяще организованной) состояла в том, чтобы демонизировать «гендерную идеологию» как врага семьи, связать ее с педофилией и приравнять к нравственному хаосу. Особенно впечатляют уровень враждебности этой кампании, готовность использовать такие слова, как «убийство» и «смерть», и та легкость, с которой Бог и дьявол были

[3] Заявление сделано 19 июля 2013 г. на фестивале «Karuzela Cooltury» в Свиноуйсьце в рамках дебатов под названием «Для кого Церковь ставит любовь под запрет?».

[4] Подробный отчет о раннем этапе антигендерной кампании, ориентированном на образование, см. в: Grabowska 2013; более полный обзор польской войны против гендера см. в: Graff and Korolczuk 2016.

введены в обсуждение. Окончательно мои иллюзии по поводу того, что мы участвуем в рациональном обмене взглядами на гендерные роли и ограничения сексуальной свободы, были развеяны 18 ноября 2013 г., когда я приняла участие в публичной дискуссии «Гендер – благословение или проклятие?», организованной в Доминиканской церкви в Варшаве. Мероприятие было прервано разгневанными демонстрант_ками, которые несли знаки «Гендер 666» и «Остановите гендер», взорвали дымовую шашку, а затем покинули комнату с возгласами «Как вам не стыдно!» и «Это Польша!».

На подобную агрессию необходимо было реагировать. 28 ноября 2013 г. первый Польский женский конгресс обратился к Папе Римскому Франциску с официальным письмом, просящим защиты и помощи[5]. Эта просьба была проигнорирована Ватиканом и подвергнута критике со стороны некоторых польских феминист_ок, которыми она рассматривалась как акт подчинения, недостойный прогрессивного общественного движения. Оглядываясь назад, я вижу главную слабость женского движения: заблуждение, что война с гендером – польское изобретение, неизвестное нынешнему Папе Римскому и им не поддерживаемое.

Война «гендерной идеологии» была официально объявлена пасторским письмом епископской конференции Польши, прочитанным в большинстве приходов 29 декабря 2013 г. Этот документ, являющийся сгустком оскорблений и лжи, стоит читать полностью. Вот показательный фрагмент:

> «Гендерная идеология является продуктом многих десятилетий идеологических и культурных изменений, глубоко укорененных в марксизме и неомарксизме и поддержанных некоторыми феминистскими движениями и сексуальной революцией. ...Согласно этой идеологии, люди могут свободно определять, хотят ли они быть мужчинами или женщинами, и свободно выбирать свою сексуальную ориентацию. ...Мы призываем образовательные учреждения участвовать в продвижении целостного видения человека…»[6].

Исполненный благих намерений ответ был получен от министра Агнешки Козловска-Раевич (в то время являющейся полномочной представительницей правительства по вопросам гендерного равенства), которая решила действовать так, будто поводом для нападок послужило досадное недоразумение. Она предлагала спокойные объяснения и своего рода учебник по гендерным исследованиям для начинающих: гендер не представляет угрозы, а является ключевым концептом социальных исследований; актуализация гендерной проблематики –

[5] Письмо Конгресса женщин Его Святейшеству Папе Франциску доступно по ссылке: www.kongreskobiet.pl/en-EN/news/show/letter_from_the_congress_of_women_to_his_holiness_pope_francis

[6] Полный текст в переводе на английский можно найти по ссылке: rorate-caeli.blogspot.com/2014/02/bishops-attack-dangerous-gender.html

это политика ЕС, а не международный заговор против семьи. На сайте министерства также был представлен глоссарий терминов, связанных с гендерной проблематикой. Разумеется, это не остановило антигендерную кампанию, которая к тому моменту находилась в самом разгаре.

Кампания была рассчитана в первую очередь на родителей с целью их мобилизации на защиту своих детей. В школах по всей стране были размещены плакаты с предупреждением о «гендеризме» и «сексуализации детей». Петиции от «обеспокоенных родителей» были адресованы местным чиновни_цам и требовали возложения запретов на половое воспитание. Учитель_ниц, которые, по слухам, говорили о гендере в классе, преследовали и увольняли. Два консервативных антигендерных веб-сайта, имеющих широкий охват, постоянно предоставляют актуальную «информацию» о пороках гендера, новости о мобилизации против гендера (приглашая присоединяться к протестам и посещать антигендерные семинары и лекции). Можно также скачать готовые материалы для потенциальных активист_ок (плакаты, листовки, брошюры, петиции)[7].

К концу января 2014 г. имена двух лидер_ок кампании стали общеизвестными: это депутатка парламента, основательница, лидерка (и единственная участница женского пола) парламентского комитета «Остановить гендерную идеологию» Беата Кемпа и ультраконсервативный священник Дариуш Око, известный своими радикальными суждениями и огромным интересом к вопросам, связанным с сексуальной трансгрессией. Оба яростно высказывались против гендера на радио и телевидении. Особенным в кампании стал день 23 января 2014 г., когда отец Око по приглашению комитета Кемпы читал лекции в Польском сейме (нижней палате парламента), что вызвало любопытство со стороны средств массовой информации. Гендер, по его словам, является злом хуже нацизма и коммунизма, он приводит к сексмании, геноциду и разрушению семьи. Гендер к тому времени обсуждался во всех возможных средствах массовой информации, включая таблоиды, ежедневные газеты, интеллектуальные журналы и еженедельники, большинство из которых представляли заглавные статьи, тематические выпуски или громоздкие вкладыши на тему гендера (среди прочих «Gazeta Wyborcza», «Tygodnik Powszechny», «Znak», «Więź», «Fronda»).

Летом 2014 г. правые организации все еще проводили антигендерные лекции и семинары в городах и деревнях по всей стране, но к тому времени дискуссия в средствах массовой информации утихла, а гендер уступил место новым темам культурной борьбы. В связи с исключением пьесы Родриго Гарсии «Golgota Picnic» из программы главного театрального фестиваля в Польше последовала бурная полемика, которая сопровождалась уличными столкновениями во многих польских городах. Правые также возобновили свои усилия по ограничению права женщин на аборт, стремясь распространить положение о «совести»

7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.stopgender.pl/; stop-seksualizacji.pl/

на целые больницы и, таким образом, делая невозможным прерывание беременности даже в особых случаях, допустимых действующим законодательством. Положение о «совести» позволяет отдельным врачам отказаться от проведения абортов по религиозным мотивам, одновременно гарантируя пациенткам доступ к процедуре. Новое усилие по ограничению прав женщин ставит «естественное право» выше «обычного права», тем самым делая отказ скорее нормой, нежели исключением.

Все началось в мае 2014 г., когда 3000 польских врачей подписали «Декларацию веры», в которой они отвергли аборты, противозачаточные средства, экстракорпоральное оплодотворение и эвтаназию как противоречащие Божьей воле[8]. В 2016 г. последовали попытки ввести закон, полностью запрещающий аборты. Эта юридическая инициатива была подготовлена институтом «Ордо Юрис» («Ordo Iuris») и поддержана коалицией «Stop Abortion», что привело к волне массовых протестов (называемых Забастовкой женщин или Черным протестом).

Анализируя произошедшее, можно сказать, что эти события вовсе не были спонтанными. Польский «антигендеризм» был скорее стратегией, нежели паникой. Стратегией, которая оказалась очень эффективной в политическом плане. Война против «гендерной идеологии» сделала возможным политический союз национализма и религиозного фундаментализма и способствовала победе правых на выборах в 2015 г. «Антигендеризм» также был удачной стартовой площадкой для определенных политических карьер: например, Беата Кемпа позже стала главой Канцелярии премьер-министра в новом правом правительстве. По мере того как новое правительство устанавливало свою власть, война с гендером утихала. Сам комитет «Остановить гендерную идеологию» был распущен весной 2017 г.

Нет сомнений в том, что с середины 1990-х гг. Ватикан находился в центре мобилизации против гендера. Его стратегия заключалась в противодействии транснационализации прав женщин на уровне ООН с помощью попыток приравнять гендерное равенство к извращенности и уничтожению всех различий[9].

Волна нападений в декабре 2012 г. была инициирована обращением Папы Римского Бенедикта. В нем Симона де Бовуар цитируется как источник «новой философии сексуальности», бросающей вызов Божьему плану в отношении человечества, так как «в соответствии с этой философией, секс уже не является данностью природы»[10]. Возникновение самой идеи борьбы с «гендерной идео-

---

[8] Подробный анализ см. в: Батлер 2004.

[9] Выступление Бенедикта XVI по случаю поздравления Римской курии с Рождеством (Клементин Холл Пятница, 21 декабря 2012 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/speeches/2012/december/documents/hf_ben-xvi_spe_20121221_auguri-curia_en.html

[10] Выступление Бенедикта XVI…

логией» и ее успех иногда рассматривались как недостаток интеллекта у католических теологов, которые поддержали эту кампанию. Так, Кшиштоф Харамса (Patternotte 2016) утверждал, что философская основа кампании заключается в полном отказе пересматривать «естественное право» в свете достижений в области гендерных исследований. Поступая таким образом, Церковь исключила саму возможность обсуждения. Харамса, бывший член Конгрегации доктрины веры и бывший второй секретарь Международной богословской комиссии, интерпретирует происходившее как интеллектуальный скандал и моральное поражение. Вместо того чтобы участвовать в диалоге с гендерными исследованиями, церковные эксперт_ки читали карикатурные тексты Габриэле Куби[11]. Подобная точка зрения чрезвычайно ценна, поскольку она исходит от бывшего инсайдера Ватикана, однако «гендерная идеология» представляет собой нечто гораздо большее, чем упрямое невежество. Это чрезвычайно гибкий и эффективный политический инструмент, который помогает Ватикану добиваться долгосрочных целей. И это характерно не только для Ватикана. Более широкий контекст транснациональной отрицательной реакции включает и поддерживаемые Владимиром Путиным репрессии против ЛГБТ-сообществ в России, и французское движение «Марш для всех» («La Manif pour Tous»), и огромный успех антигендерных книг и брошюр немецкого социолога Габриэле Куби («Глобальная сексуальная революция: разрушение свободы во имя свободы», 2012).

Понятно, что война правых против «гендера» требует переосмысления наших либеральных и феминистских стратегий, альянсов и взглядов на политику и религию. Здесь имеет место не недоразумение, а преднамеренное использование языка для достижения желаемых политических результатов. Все знакомые ключевые темы мобилизации «новых правых» (репродуктивные права, права ЛГБТ, экстракорпоральное оплодотворение, кризис маскулинности) теперь слиты воедино и демонизированы под одной меткой. «Гендер» используется стратегически в качестве всеобъемлющего понятия, которое означает хаос, якобы вызванный правами женщин, сексуальной свободой и политикой гендерного равенства, в то время как фигура речи «ребенок в опасности» с большим успехом используется для мобилизации родителей.

Что нам стало понятно со времен первой медийной кампании, так это то, что антигендерный дискурс является частью глобального популистского движения, усилием по разрушению либеральной демократии. Хотя польский случай, возможно, и был экстремальным, он является частью транснациональной мобилизации религиозных правых. С тех пор локальные версии были тщательно изучены (Kuhar and Patternotte 2017), и большинство исследователь_ниц убеждены, что антигендеризм – это глобальное движение, общие темы и стратегии которого выходят за рамки национальных контекстов. Польша не является

---

11 Речь идет об антигендерных книгах Куби, см. ниже. – *Прим. пер.*

исключением, однако, ввиду политической и культурной значимости Католической Церкви и общей уязвимости Восточной Европы перед лицом правого экстремизма, она может выступить в качестве ключевого поля битвы в войне за транснациональную культуру. В целом Восточная Европа сильно пострадала от антигендеризма, гораздо больше, чем Запад. Относительная нестабильность наших демократий, огромные разочарования и обиды, вызванные экономической ситуацией, слабость женских и ЛГБТ-движений, сила националистических движений – все это сделало возможным проведение антигендерной кампании. Само слово «гендер» в восточноевропейском восприятии обретает чуждое иностранное звучание, что подогревает негативную настроенность различных правых сил. Антигендерная риторика часто включает в себя идею о том, что «гендер» – это форма колонизации, нарушение национального суверенитета, злоупотребление властью. Антиколониальная структура работает в пользу нелиберального популизма, демонизируя глобальные элиты и защищая обычных людей во всем мире (Graff and Korolczuk 2017b).

В то время как феминист_ки переосмысливают свои стратегии и союзы и продолжают предпринимать попытки понять эту новую волну отрицательной ответной реакции, важно не недооценивать наших противни_ц. В антигендерной кампании нет ничего иррационального, невежественного или отчаянного. Мы сталкиваемся с мощным транснациональным усилием религиозных фундаменталист_ок и правых радикал_ок по дискредитированию гендерного равенства и ликвидации либеральной демократии в целом. Это транснациональное политическое движение, которое умело использует риторику движений локальных и аутентичных, черпая свою силу из коллективных беспокойств, вызванных неолиберализмом и глобализацией.

Литература

Butler, J. The End of Sexual Difference. In: *Undoing Gender*. New York: Routledge, 2004. P. 174–203.

Grabowska, M. Bringing the Second World in: Conservative Revolution(s), Socialist Legacies, and Transnational Silences in the Trajectories of Polish Feminism. *Signs* 37(2). 2012. P. 385–411.

Grabowska, M. Between Gender Studies and ‘Gender Ideology’: Gender Education in Poland. Second International Gender Workshop: ‘Overcoming Gender Backlash: Experiences of Ukraine, Belarus, Russia, Georgia, Armenia and Poland’. Heinrich Böll Foundation. Kyiv, Ukraine, 24–25 October 2013. Available at: www.pl.boell.org/downloads/Magda_Grabowska_gender_education.pdf

Graff, A. and Korolczuk, E. Ebola from Brussels: The Anti-colonial Frame and the Transnational War against Gender. Forthcoming in: *Signs: Journal of Women of Culture and Society.* 2017a.

Graff, A. and Korolczuk, E. Worse than Communism and Nazism Put Together: War on Gender in Poland. In: *Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality*, edited by Roman Kuhar and David Paternotte. Rowman & Littlefield International, 2017b.

Kuhar, R. and Paternotte, D. eds. Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality. Rowman & Littlefield International, 2017.

Paternotte, D., Case, M., Bracke, S. The Sin of Turning Away from Reality: An Interview with Father Krzysztof Charamsa. *Religion and Gender*. Vol. 6. № 2. 2016. P. 226–246 | DOI: 10.18352/rg.10168.

Дискуссия с Андреа Пето и Еленой Гаповой

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ В ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ[1]

Модератор Бенджамин Коуп

Gender Studies, the State and the Problem of Academic Autonomy in Postsocialism

Discussion with Andrea Peto and Elena Gapova

Moderated by Benjamin Cope

In the academic year 2016-17, two academic institutions, which are important for the development of gender studies in the region – the European University in St. Petersburg and the Central European University in Budapest, – concurrently came under the threat of closure. In both cases, gender studies constituted one of the key sources of controversy. In the case of the European University, the impulse to intensified attention on the part of the state was a complaint by a Member of the Legal Council of St. Petersburg (now – a Member of the Russian Parliament – State Duma), Vitali Milonov, who explained his appeal to the state prosecutor in the following terms, "Students of the university have sent me a written petition, in which they complained that they are being forced to write works on themes inappropriate for Russians: on the defence of LGBT rights, gender topics and other filthy things." In the case of CEU, gender studies was, if not a direct impulse to, at least a rhetorical trope in the Hungarian Government's declarations seeking to deprive the university of its educational license. If, notwithstanding the pressure on them, CEU and EU are for the moment still operating in Hungary and Russia, then EHU, a university of the same generation and working in close cooperation with both institutions in the sphere of gender studies, has already been through the experience of being closed and exiled beyond the borders of Belarus, the country in which it was founded. It seems to us not simply a coincidence that, in the case of all three

[1] Перевод с английского Елены Минчени.

institutions, gender studies was, and is, amongst the strongest and most highly visible academic disciplines. Why, both at the beginning of the 2000s, and today, does gender studies provoke such hostile reactions on the part of governments of countries of Central and Eastern Europe, how is it connected with the crisis of democratic transformations in the region and what does this say about the status of gender studies in the countries of CEE? It was these questions that we discussed with Elena Gapova, a founder of the Centre of Gender Studies at EHU and Associate Professor at Western Michigan University, and Andrea Peto, Professor of Gender Studies at CEU.

Keywords: gender, class, feminism, academy, postsocialism, Central and Eastern Europe.

В 2016–2017 гг. два важных для развития гендерных исследований в регионе академических центра – Европейский университет (ЕУ) в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейский университет (ЦЕУ) в Будапеште – одновременно оказались под угрозой закрытия. В обоих случаях одним из основных источников раздражения стали гендерные исследования. В случае ЕУ предпосылкой к пристальному интересу со стороны государства явилась в том числе жалоба депутата законодательного собрания Санкт-Петербурга (сейчас – депутата Госдумы) Виталия Милонова, который так объяснил свое обращение в прокуратуру: «Студенты вуза передали мне письменное заявление, в котором они жаловались, что их заставляют писать работы на несвойственные для россиян темы: о защите прав ЛГБТ, о всяких гендерных вопросах и о прочих гадостях»[2]. В случае ЦЕУ гендерные исследования стали если не предпосылкой, то риторическим приемом, используемым венгерским правительством для оправдания лишения университета образовательной лицензии.

Если, несмотря на давление, ЦЕУ и ЕУ пока еще продолжают существовать в Венгрии и России, то Европейский гуманитарный университет (ЕГУ), принадлежащей к университетам того же поколения и тесно сотрудничающий с вышеназванными институциями в сфере гендерных исследований, уже пережил опыт закрытия и перемещения за пределы Беларуси, где он был изначально создан. Нам кажется неслучайным, что во всех трех институциях гендерные исследования были и есть среди самых сильных и видимых академических направлений.

Почему гендерные исследования вызывают раздражение у правительств стран Центральной и Восточной Европы и в начале 2000-х, и сегодня? Как это связано с кризисом демократических изменений в регионе? Каков статус гендерных исследований в странах ЦВЕ? Данные проблемы мы обсуждаем с Еленой Гаповой, основательницей Центра гендерных исследований ЕГУ и доценткой За-

2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2016/12/12/evropeyskiy-universitet-v-sankt-peterburge-ostavili-bez-litsenzii-chto-proishodit

падно-Мичиганского университета, и Андреа Пето, профессоркой по гендерным исследованиям в ЦЕУ.

Б.К. ***Что говорит ситуация, в которой оказался Центрально-Европейский университет, о современной социальной и политической обстановке в регионе?***

А.П. Я считаю важным подчеркнуть, что происходящее направлено не столько против ЦЕУ, сколько против академической свободы, и подобное происходит не только в Венгрии, но и в других странах. В своем недавнем выступлении в Берлине в Школе управления Херти ректор Майкл Игнатьефф подчеркнул, что академическая свобода – это то, за что всегда надо бороться, поскольку она является тем ключевым аспектом, который нелиберальные режимы пытаются подчинить себе. Поэтому если вы посмотрите на ситуацию в России, Турции, Польше или Венгрии, вы найдете одинаковые попытки искоренить пространства академической свободы и критического мышления.

Что касается текущей ситуации (к середине июня 2017 г.), то, после того как парламент Венгрии в срочном порядке принял изменение к закону о высшем образовании, в последние два месяца не было существенных изменений. Новый закон установил определенные требования для ЦЕУ, которые сделали практически невозможным его функционирование в стране, как наличие кампуса в США и соглашение между Американским федеральным правительством и Венгерским государством. Дело в том, что федеральное правительство просто не заключает подобного рода соглашения с национальными правительствами в сфере образования. Эти моменты подтверждают подозрения, что данный закон фактически направлен на то, чтобы сделать невозможным легальное функционирование ЦЕУ в Венгрии.

Б.К. ***Посмотрим на происходящее, учитывая опыт ЕГУ. Когда университет был закрыт авторитарным беларусским режимом в 2004 г., ситуация воспринималась скорее как исключительная. Действительно, всем известно, что Кондолиза Райс охарактеризовала Беларусь как «последнюю диктатуру Европы». В подобного рода нарративе постсоциалистические трансформации неизбежно означают движение от подобных репрессий. Что же на самом деле произошло за эти десять лет – с момента закрытия ЕГУ до кризиса вокруг ЦЕУ?***

Е.Г. Я думаю, мы обязательно должны коснуться в нашей дискуссии ситуации с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, который также находится сейчас в сложном положении. Это происходит не в первый раз, но сейчас мы не знаем, в каких условиях он сможет продолжать свою деятельность.

С одной стороны, я согласна с Андреа в отношении академической свободы как центральной проблемы. С другой стороны, закрытие ЕГУ произошло в 2004 г., и у нас было время обдумать ситуацию. Результатом моих размышлений на эту тему стала статья «Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки», которую я опубликовала в 2011 г. в журнале «Ab Imperio». Она посвящена включению постсоветской академии в глобальный академический рынок. Это совершенно новая ситуация для интеллектуалов и сотрудни_ц академии как института по производству знания. В свое время в Советском Союзе была Партия, которая «знала истину», т.е. обладала властью выносить вердикт в отношении научного знания. Вообще истину устанавливают ученые, но в Советском Союзе окончательный вердикт выносила Партия. Поэтому социальная роль ученых была ограниченной. Постсоветская ситуация же сильно отличается. Ученые и интеллектуалы претендуют на то, чтобы стать арбитрами, если воспользоваться словами Зигмунта Баумана, вкуса, истины и т.д. Поэтому то, что происходит с академией, как я полагаю, есть часть «переговоров» о роли и статусе интеллектуалов, иными словами, о том, какая группа будет определять «правду», говорить «вот так обстоят дела на самом деле». Партии больше нет, но «начальство», т.е. власть, не исчезло. Отдадут ли они какой-то другой группе право выносить такие вердикты?

В то же время внутри академии есть разные группы. Одну из них я метафорически называю «старая академия», имея в виду, что ее ресурсы и власть заключены в административных структурах и советском наследии. Существует и «новая академия» (это также метафора) – новые академические элиты, их статус в большей степени основан на международном признании и легитимирован через публикации в международных журналах. То есть внутри самой академии эти две группы – или стороны – пытаются договориться, кто будет той самой группой, которая «знает», определяет истину и говорит обществу, что является правильным. Конечно, эти академические элиты включены в более широкий социальный контекст, находятся внутри того огромного социального сдвига, который был запущен распадом социализма.

А.П. Я нахожу этот анализ очень интересным, но я бы включила еще одну группу в это разделение между «старой» и «новой» академией. Вместе с Вероникой Гржебальска мы разрабатываем новое понятие – «трутовые государства» (polypore states), которое описывает современную форму управления в Польше и Венгрии. Трутовик – это паразитическая разновидность грибов, которые растут на стволах деревьев. «Трутовые государства» используют ресурсы не для реализации базовой идеи, а фактически просто для своего существования. Причина, по которой я упомянула об этих государствах, в том, что они создают такие же академии. Позвольте мне привести пример: Венгерский Национальный банк имеет образовательный фонд, который поддерживает студент_ок от средней

школы до докторантского уровня. Фонд получает деньги от государства, иными словами, это деньги налогоплательщиков, но его активность никак не контролируется ни «старой», ни «новой» академией. Бюджет такого фонда практически равен бюджету всего образовательного сектора Венгрии. Таким образом, по сути, была создана зеркальная структура, в которой не важны ни знания, ни публикации. И этот фонд не только поддерживает экономические программы, он также развивает программы в социальных и гуманитарных науках. Вопрос в том, сможет ли Венгерский комитет по аккредитации остановить распространение подобных программ, которые не имеют ничего общего с тем, что мы называем сегодня академией или наукой. Будет ли он закрывать глаза на их существование? Будут ли ему угрожать? Это очень важные вопросы.

Я предлагаю рассматривать происходящее с нашими университетами как знаки глубокого конфликта: ЕГУ в 2004 г. стал зоной такого конфликта, сейчас ЦЕУ находится в ситуации конфликта между этими тремя академиями. Мое дополнение в том, что существует «трутовая академия». Эти ученые имеют хорошие зарплаты, но они работают вне зоны аккредитаций или структур контроля качества. Понимание того, что гендерные исследования рассматриваются такими «трутовыми акторами» как не-наука, открывает очень интересную линию для дальнейших размышлений.

Е.Г. Конечно, некоторые группы «старой академии» также думают, что гендерные исследования – это чистая идеология.

А.П. Но я говорю не о постсоциалистической академии. В Венгрии «трутовое государство» направлено против неолиберальной академии, поскольку неолиберальная академия означает маркетизацию образования, в которой студент_ки становятся клиент_ками, это также означает продвижение академических ценностей. Пока «трутовая академия» просто копирует академические структуры без всякой отчетности в отношении качества, которое имеет место в неолиберальной академии.

Б.К. ***Какую роль гендер и гендерные исследования играют в возникновении той конфигурации, которую Вы, Андреа, описываете?***

А.П. Все из нас, кто занимаются гендерными исследованиями, осознали, что неожиданно наша работа стала исключительно значима политически. Сейчас кажд_ая имеет мнение по поводу того, что такое гендерные исследования: в медиа обсуждают, что должно быть результатом преподавания гендерных исследований. Это связано с тем, что гендерная теория стала «символическим клеем» – еще одна метафора, которой я хотела бы поделиться с вами. Символический клей – это то, что способно затронуть чувство экзистенциальной тревоги

у людей и направить его на вопросы равенства. Гендер работает как символический клей по-разному.

Во-первых, понятие «гендер» рассматривается как угрожающее. В правом дискурсе различные оспариваемые вопросы объединены под одной вывеской – «прогрессивная повестка». И туда же включено понятие «гендерная идеология», которое предложено теми, кто рассматривает гендер как угрозу. Оппозиция к этой идеологии стала способом отрицания определенных проявлений текущего социального и экономического порядка, в том числе того факта, что приоритет отдается политикам идентичности, а не проблемам социальной, культурной и политической безопасности.

Во-вторых, демонизация «гендерной идеологии» стала основным риторическим приемом в конструировании нового понимания само собой разумеющегося знания для широкой аудитории. Важно отметить, что существующая социальная мобилизация, основанная на оппозиции к так называемой «гендерной идеологии» и политической корректности, не просто демонизирует мировоззрение своих оппонент_ок и отрицает всю парадигму прав человека, которая долгое время была объектом общей договоренности в Европе и Северной Америке. Она также предлагает жизнеспособную альтернативу, построенную вокруг семьи, нации, религиозных ценностей и свободы слова, которая в целом привлекательна, поскольку обещает безопасность сообщества как спасение от индивидуализма и социальной автономизации.

В-третьих, оппозиция к гендеру создает для правых возможность образовать широкую коалицию и объединить различных акторов, которые ранее, может быть, не хотели с ними сотрудничать. Таким образом, гендер стал символическим клеем, скрепившим различные религиозные и политические силы – от фундаменталистских групп до некоторых футбольных фанатских сообществ. Поэтому гендерные исследования как научная форма также становятся оспариваемым полем.

Е.Г. Мы с Андреа занимаемся феминистской темой довольно долгое время и потому были свидетельницами отрицания у нас феминизма различными группами, в том числе женщинами. И я думала о том, почему так много женщин на бывшем советском пространстве, например, видят в феминизме враждебную силу. Ведь феминизм желает женщинам лучшего. Почему же многие из них отрицают его?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно принять во внимание контекст, в котором западный феминизм пришел в наш регион. Произошло радикальное изменение в понимании гендерного равенства. Во времена социализма превалировало марксистское понимание. Женщины должны иметь возможность работать вне дома, чтобы быть экономически независимыми. Так как женщина отвечает за воспроизводство населения, общество помогает ей бесплатным дет-

ским садом и другими социальными благами. При таком подходе некоторые проблемы (автономии, независимой субъектности, сексуальности, права на свое тело и т.д.) просто не могли быть артикулированы, хотя следует признать, что социалистическая система способствовала значительному улучшению положения женщин.

Феминистская повестка 1990-х гг. привносит важные темы в наш регион. Становится возможным обсуждать сексуальность, женскую автономию, независимую субъектность. Но 1990-е – это время кардинальных и болезненных социальных изменений, возникновения экономического и новых видов социального неравенства. То есть феминизм появляется одновременно с этим новым неравенством, и он как бы «оттягивает внимание» от вопросов распределения к проблеме признания, если пользоваться терминологией Нэнси Фрейзер. Это очень сложный процесс, но важно, что для многих людей феминизм оказывается связанным с неолиберальным капитализмом 1990-х. В самом лучшем мире вопрос был бы не о выборе между признанием и распределением, а об их совмещении, но мы живем в том мире, в котором живем.

О том, что феминизм в некоторых контекстах может оказываться «на одной стороне», пишут Чандра Моханти, Нэнси Фрейзер, Кристин Годси. Я также полагаю, что в нашей части света феминизм иногда рассматривается как прикрытие для возникающего классового и экономического неравенства. Так как у нас разговор об автономии, субъектности, сексуальности и т.д. возникает в другом контексте, чем это было на Западе. Он возникает одновременно с ростом экономического неравенства, и люди реагируют на это.

Б.К. ***Принимая во внимание то, что Вы, Андреа, сказали, играют ли гендерные исследования особую роль в критике ЦЕУ?***

А.П. Как я уже отметила, гендер стал символическим клеем, гендер и гендерные исследования скрепляют широкую сеть вопросов. Если вы посмотрите на хронологию того, что происходило в Венгрии, вы увидите, что магистерская программа по гендерным исследованиям на венгерском, которая существует в Университете Этвёша Лоранда (ELTE), главном университете Будапешта, была первым объектом политических атак. Таким образом, изначально не ЦЕУ, а гендерная программа ELTE оказалась под прицелом. В результате общей критики гендерных исследований гендерная программа в ЦЕУ стала следующей мишенью. Публичные дискуссии показывают, что практически все знают, какими гендерные исследования должны быть, чему необходимо учить. Однако необходимо понимать, что гендерные исследования – это междисциплинарное поле критических исследований, которые анализируют, как социальные, культурные, сексуальные различия конструируются, производятся и распространяются.

В этом контексте правительство Венгрии решило открыть антигендерную программу в университете Корвина, которую назвали исследованиями семьи. Министр человеческого потенциала, который также ответственен за высшее образование, 8 марта 2017 г. объявил, что с сентября будет работать магистерская программа по исследованиям семьи. Конечно, вызывает вопросы неосведомленность министра о том, что, в принципе, невозможно ввести программу магистерского уровня за три месяца, но это показывает, что «трутовое государство», действительно, обеспокоено критическим потенциалом гендерных исследований и старается использовать концепт семьи как противовес гендеру, как если бы семья не была включена в производство гендера.

Я бы опять хотела вернуться к концепту «трутового государства», поскольку мы именно об этом и говорим. «Трутовое государство» функционирует вокруг вопросов безопасности. Оно концентрируется на копировании существующих институций, как в уже упоминавшемся примере с академией. Оно работает с идеологией семейственности, т.е. его политика ориентирована не на индивидов, но на семьи. Поэтому, если вы откроете отчеты CEDAW Венгрии или Польши, то увидите, что они заменяют концепт женщины концептом семьи. Таким образом, женщины постепенно исчезают как независимые агенты из политических документов, а то, что остается, это понятие семьи.

Поэтому в ситуации с ЦЕУ и программой по гендерным исследованиям первой мишенью являются гендерные исследования, а уже второй – ЦЕУ как институция. И даже если все правовые вопросы вокруг существования ЦЕУ будут разрешены (на что я надеюсь), гендер все еще останется политической мишенью, поскольку на данный момент мы переживаем, в понимании Грамши, борьбу ценностей и отношений власти.

Е.Г. Мне кажется, что для разговора о гендерных исследованиях в регионе подойдет концепт «остранения». Он был предложен в 1920-х русским формалистом Виктором Шкловским. «Остранение» означает делание чего-либо странным: погружая некий феномен в новый контекст, возможно открыть его новые стороны. Кажется, что постсоциалистический контекст создает ситуацию «остранения» для феминизма и гендерных исследований. Очень важно помнить, что появление второй волны феминизма на Западе связано с конкретным социальным, экономическим и политическим контекстом. В конце 1960-х – 1970-е гг. разрыв между бедными и богатыми становился все меньше и меньше, это был период демократизации. В нашей части света феминизм и гендерные исследования появились, когда неравенство между бедными и богатыми находилось в периоде интенсивного роста. Это создало кардинально другую ситуацию: с одной стороны, можно говорить о демократизации, правах человека, субъективностях, с другой – многие просто теряют источники к существованию. Поэтому

разговор о правах и индивидуальности может находиться в противоречии с тем, что происходит в социальной жизни.

В результате, я думаю, постсоциалистическое пространство может быть очень хорошей живой лабораторией для исследования феминизма и гендерных исследований в ситуации «остранения».

Б.К. ***Это очень интересная мысль. Видите ли Вы какое-то различие между временем, о котором Вы говорите, началом 1990-х, и тем, что происходит сейчас?***

Е.Г. Очевидно, что острая социальная нестабильность 1990-х ушла, ситуация стала лучше, появилась какая-то социальная защита и т.д. Государство в какой-то мере начинает «заботиться» о населении, и в это же время развивается критика и даже враждебность в отношении феминизма и гендерных исследований, по крайней мере в его западной версии. Мне кажется, эти два процесса связаны. Это большая тема, но в целом речь идет о том, что «забота» со стороны государства означает «контроль», ограничение независимости тех, о ком оно «заботится». Есть люди, которым очень важна социальная защита, но есть и глобализованные элиты, особенно в крупных городах. Они против «контроля».

А.П. В отношении того, что Елена говорит о социальном неравенстве 1990-х, я бы хотела дополнить: расслоение все еще присутствует и сегодня. Что характерно, современное венгерское «трутовое государство» монополизировало сферу социальной защиты, оставляя за собой при этом право решать, кто считается важным и достойным поддержки гражданином/граждан_кой. Если посмотреть на семейную политику, венгерское правительство поддерживает с помощью жилищного налога высший средний класс, белую городскую и сельскую прослойку, и практически игнорирует бедных. Другими словами, возможно, Елена права и эти социальные различия не так велики, как в 1990-е, но я хочу сказать, что сейчас они являются частью структурного неравенства, которое очень важно видеть и критиковать гендерным исследователь_ницам. Эта ситуация предоставляет политические и интеллектуальные возможности для гендерных исследований и для феминизма в том, чтобы анализировать вопросы класса и гендера в интерсекциональной перспективе.

Е.Г. Я хотела бы отметить один момент. Андрея рассуждает из перспективы человека из Евросоюза, о чем я не очень много знаю, ведь я нахожусь за его пределами. Возможно, это значимое различие в нашем разговоре.

Б.К. ***Спасибо, Елена, да, это очень важное уточнение. Однако, думаю, если мы посмотрим с позиции гендерных исследований на то, что проис-***

ходит сейчас в Польше или Венгрии, и сравним это с тем, что происходит в России или Беларуси, разделение на Евросоюз и не-Евросоюз более не кажется таким уж весомым, как ранее.

Но я хотел бы вернуться к вопросу трех академий, о которых вы обе говорили: новой, старой и паразитической. Для меня удивительно, что гендерные исследования имеют потенциал для критики всех трех академий. Поэтому я все еще не до конца понимаю, почему гендерные исследования так легко стали распознаваться как часть новой, ориентированной на элиты, неолиберальной парадигмы. Я хотел бы спросить о том значении и влиянии, которое гендерные исследования имеют на сами институции, в которых вы работаете.

А.П. Департамент гендерных исследований был основан в ЦЕУ, чтобы заполнить пустоту, поскольку программ по гендерным исследованиям не существовало в других странах Восточной Европы. Департамент ставил своей целью создание пространства, в котором будущие исследователь_ницы и преподаватель_ницы могли получить образование. Поэтому департамент имеет очень стабильную позицию внутри университета. Также, если посмотреть на моих студентов_к этого академического года, половина из них приходили из других департаментов. Таким образом, наш департамент играет важную роль в университете, распространяя знание о критических теориях и знакомя студент_ок с междисциплинарными исследованиями и методами. На моем курсе по устной истории студент после одной из лекций сказал: «Я в первый раз прохожу гендерный курс, и он очень хороший!». Он из США, и его высказывание показывает, что есть некоторые стереотипы и предубеждения внутри университета.

Вместе с тем Департамент гендерных исследований играет важную роль во внутренней политике гендерного равенства. Исследование, проведенное на тот момент проректором Каталин Фаркас, показало, что 92% приглашенных в ЦЕУ лектор_ок были мужчинами. И это, конечно, недопустимо. Был подготовлен документ, в котором прописано, что в случае приглашения в университет лектора следует проверить, существует ли возможность приглашения лектора-женщины соответствующей квалификации, или же организаторы должны аргументированно объяснить, почему именно исследователь-мужчина должен быть приглашен. Это выглядит как утомительная процедура, но это первый такого рода документ в Венгрии. ЦЕУ аккредитован в Венгрии, где также был поднят вопрос гендерного равенства в академии. В 2017 г. президент Венгерской академии наук учредил комитет, который исследует положение женщин в академии. Я вхожу в этот комитет и надеюсь, что в будущем больше не будет панелей, состоящих из одних мужчин (#allmalepanels).

Таким образом, вы видите, что есть встречное движение не только внутри департамента и гендерных программ в регионе, но также внутри ЦЕУ и институций Венгрии.

Б.К. ***Это звучит очень оптимистично. Но были ли сложности и конфликты?***

А.П. Если и есть конфликты, то не в академии, а в том смысле, что, конечно, всегда есть разные взгляды. Но я думаю, что ЦЕУ – это хорошее пространство для того, чтобы обсуждать разные мнения и проблемы.

Е.Г. Да, я также хочу сказать, как важен был ЦЕУ в свое время для всех нас в регионе. Гендерная программа в ЦЕУ в середине 1990-х – начале 2000-х была пространством для диалога с западными исследователь_ницами. Я не могу выразить, насколько важно было это пространство.

Если говорить о ЕГУ, прежде всего я должна признать, что мое участие в его учебных программах уже не так велико. Могу сказать, что это беларусский университет, ориентированный на беларусское интеллектуальное сообщество, но в то же время находящийся за пределами страны. Думаю, он все еще ищет свою идентичность. Гендерные исследования присутствуют в университете. Однако интересно, что те, с кем мы создавали Центр гендерных исследований, кроме Альмиры Усмановой, сейчас живут за пределами Беларуси или Литвы: в США, Германии, Великобритании, Швеции. Люди должны написать и защитить диссертации, получить работу, а ЕГУ не может им это предложить.

Что касается Беларуси, возможности для трудоустройства профессионалов с такого рода образованием, с западными степенями, очень ограничены, если вообще существуют. И это большая проблема. Это не значит, что в Беларуси нет гендерных дискуссий, ведь есть НГО, где ситуация совсем другая, но не в академии. Есть много людей, занимающихся проблемой гендерного неравенства, но академия в целом, за исключением некоторого количества исследователь_ниц, практически отрезана от теорий и дискуссий мирового академического сообщества. Работы тех немногих, кто начинает заниматься гендерными исследованиями, например в БГУ, должна сказать, часто наивны. Изгнание ЕГУ в Литву привело к разделению между теми идеями, которые производятся в университете, и беларусскими академическими реалиями. Беларусские академические элиты и правительство были очень успешны в том, чтобы защитить местные институции от новых идей, подходов, программ и в целом от включения в глобальную академию.

Б.К. ***Можно ли распространить это сравнение на Европейский университет в Санкт-Петербурге?***

Е.Г. Как и ЦЕУ, Европейский университет предлагает магистратуру и аспирантуру, там нет бакалавриата. Университет небольшой, но в отношении таких дисциплин, как история, антропология, политические науки, имеет очень высокий уровень. Проблемы, с которыми столкнулся сейчас университет, могут быть политически мотивированы. Но используются технические поводы: отсутствие спортивного зала или вопросы пожарной безопасности. Их непросто решить, поскольку до последнего времени ЕУ располагался во дворце XVIII в. В университете есть гендерная программа, которой руководят две замечательные исследовательницы – Елена Здравомыслова и Анна Темкина. Область исследовательских интересов – это, прежде всего, социальная защита, проблемы репродукции, сексуальность и здоровье.

А.П. Я хотела бы отметить некоторые моменты в отношении различия трех институций. Первое: ЦЕУ в отличие от ЕУ все же имеет в собственности здания, в которых он располагается. Второе: существуют различия в академической аффилиации. ЦЕУ имеет двойную идентичность, присуждая венгерскую и американскую степени, в то время как ЕГУ выдает литовские дипломы, а ЕУ – российские. В этом моменте «трутовое государство» опять становится значимым фактором, поскольку если государство меняет требования, то университеты попадают в очень уязвимое положение. Возьмем, к примеру, Турцию: частные университеты там аккредитованы турецкой образовательной системой, и это означает, что любое изменение системы будет иметь влияние на них.

Я хочу сказать, что мы должны принимать по внимание, может ли, и если да, то как, государство вмешиваться в процесс аккредитации и до какой степени система образования самостоятельна. Национальные государства Европейского союза имеют право регулировать систему образования. Брюссель имеет ограниченное влияние, если одно из государств пренебрегает академической свободой. Может быть, сейчас самое время вернуться к прекрасной традиции Центральной Европы – летучим университетам демократической оппозиции 1970–1980-х. С их помощью была создана сеть институций, находящихся в оппозиции к государству. Это была очень успешная образовательная стратегия: я сама там многое узнала, и ключевые сотрудни_цы администрации нынешнего правительства Венгрии также там обучались. Очевидно, эти университеты были успешны в подготовке оригинально мыслящих людей.

Б.К. ***Кажется, это удачный момент, чтобы отдельно обсудить вопрос, какое значение те проблемы, которые мы рассматриваем, имеют для Европы. С одной стороны, то, что происходит с ЦЕУ, выглядит довольно знакомо (вспомним ЕГУ): государство подавляет академическую свободу во имя консервативных ценностей и защиты от глобального влияния. Поэтому, возможно, граница между ЕС и репрессивными практиками за преде-***

лами ЕС более не является устойчивой. С другой стороны, для ЕГУ и для ЦЕУ их расположенность в Евросоюзе предоставляет механизмы и аргументы для защиты институций, которые не существуют за пределами ЕС. Я бы хотел спросить: отражается ли угроза существования ЦЕУ и враждебность к гендерным исследованиям на нашем понимании Европы как некоторого социального и политического проекта?

А.П. Если обратить внимание на главные ценности Евросоюза, то гендерное равенство – одна из них. Гендерное равенство является одним из условий для вступления в ЕС. Сейчас инфраструктура для обеспечения гендерного равенства, основанная на документах ООН и ЕС, которая создавалась в течение последних 20–30 лет, находится под ударом и практически уничтожена изнутри и снаружи. Польское и венгерское правительства систематически саботируют внедрение различного рода гендерных программ, продвигая свою, отличную от содержащихся в европейских документах версию гендерного равенства. Одновременно появляется новый язык. Вместо понятия «гендер» с целью его деполитизации используют понятие «бессознательная наклонность». Таким образом, есть внутренние и внешние измерения этих атак на разработанные механизмы гендерного равенства, установленные в ЕС.

Б.К. ***Елена, что Вы думаете по этому поводу, наблюдая ситуацию, находясь за пределами ЕС?***

Е.Г. Если говорить об академии, надо признать, что появились исследователь_ницы, которые видят гендер основной линией социального разделения. Что бы они ни изучали, они понимают, что гендер там будет. В то же время происходит консервативный поворот, однако он неоднозначен. Мне кажется, что, по крайней мере в Беларуси и отчасти в России, некоторые проблемы, которые продвигаются феминистскими группами, сейчас подхвачены (или «перехвачены») правительством. И это хорошо и плохо одновременно. С одной стороны, у правительства есть ресурсы, чтобы решить некоторые вопросы. С другой стороны, эти ресурсы зачастую используются с весьма патриархатной установкой. Это можно наблюдать в таких явлениях, о которых уже говорила Андреа: в исследованиях семьи или организации сферы социальной защиты.

Б.К. ***Могу ли я в заключение попросить вас подумать о будущем? Размышляя о ситуации ЦЕУ и гендерных исследованиях в регионе, а также о более широком политическом контексте, кажется, не будет преувеличением говорить о кризисе. Может ли каждая из вас представить, что ждет гендерные исследования в регионе?***

Е.Г. Я не думаю, что гендерные исследования прекратят свое существование, поскольку они являются частью социальной критики и критической теории в принципе. Мы не можем разучиться видеть то, что мы уже поняли и увидели. Но я была бы более внимательна к вопросам гендера и класса в постсоциализме. Многие сейчас интересуются гендерными исследованиями и феминизмом, однако зачастую эти люди принадлежат к глобальным элитам. Я не имею в виду то, что они богаты, вовсе нет. Многие из них находятся в прекарном положении. Но они включены в международные экологические, феминистские, правозащитные сети, а это совсем другое дело. Если бы я понимала 20 лет назад то, что я знаю сейчас, я была бы намного более внимательна к проблеме классового разделения в постсоциалистических обществах.

А.П. Я бы отметила два момента.

Первый момент: я искренне удивлена тем, что, когда бы я ни включила телевизор или радио, там говорят о гендерных исследованиях в Венгрии. Раньше никто не знал, что это такое. Поэтому, я думаю, есть реальная возможность использовать внимание медиа и продвинуть наши идеи. И мы должны использовать эту возможность, чтобы ясно и открыто представить наше виденье для широкой аудитории. Вполне справедливая критика состоит в том, что гендерные исследования были весьма закрыты, существуя внутри академии, использовали очень сложный теоретический язык. Сейчас мы должны думать, как преодолеть этот момент. Сохраняя критическую направленность и академический статус гендерных исследований, мы, тем не менее, должны представлять наши идеи широкой аудитории.

Что именно мы должны представлять? Это второй момент, на котором я хотела бы заострить внимание. Я думаю, мы должны обращаться к материальным, экономическим проблемам, которые все еще актуальны, о чем говорила Елена. На мой взгляд, сейчас тот самый исторический момент и исторические возможности, когда есть сильная потребность в новых идеях, эмоциях, фактах. И гендерные исследования могут внести большой вклад в переосмысление символического и лингвистического репертуара прогрессивной политики.

5 июня 2017 г.

Александр Першай

«КОЛОНИЗАЦИЯ НАОБОРОТ» ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Alexander Pershai

Revisiting the Concept of "Colonization Vice Versa": On the Disciplinary Struggles of Post-Soviet Gender Linguistics

The essay analyses specificities in post-Soviet Gender Linguistics. The author revisits the concept of "Colonization Vice Versa" that he introduced in 2002 to describe the development of Gender Linguistics in the early 2000s. The article argues that the development of gender and language research in the former USSR was related to the disciplinary authority of Linguistics that resisted Gender Studies which represented "foreign" Western knowledge. Therefore, gender and language research in post-Soviet states took a hybrid form: it utilised gender terminology, but reproduced patriarchal hegemonies in linguistic research. Post-Soviet Gender Linguistics depoliticized the concept of gender and divorced it from its potential for social change.

Keywords: gender, gender linguistics, post-Soviet academia, transformations of academia, symbolic capital.

Гендерные исследования в бывшем СССР – это не просто область исследований, это – академическое событие, которое, как лакмусовая бумага, показывает скрытую динамику производства знания в условиях трансформации постсоветской академии. Гендерные исследования в постсоветской лингвистике – достаточно своеобразная исследовательская область. С одной стороны, она ставит целью изучать гендерную проблематику, выраженную в языке, с другой стороны, гендер понимается как маркер биологического пола на социокультурном уровне и в большинстве случаев просто описывает языковые признаки и репрезентации женщин или мужчин.

То есть происходит смысловой разрыв между исходными концепциями «западной» гендерной лингвистики, которые видят язык и гендер в качестве катализаторов социальной стратификации, и «локальными» интерпретациями гендерных теорий и методологий в постсоветской гендерной лингвистике. Эта статья является попыткой осмыслить свой опыт работы в данной области знания и, скорее, относится к аналитической эссеистике, чем к научному исследованию. Но поскольку дисциплинарная критика в постсоветской гендерной лингвистике встречается крайне редко, то необходимо этот опыт обозначить: что значит исследовать гендер в языке? Меня интересует, почему категория *гендер*, которая лежит в основе социального разделения и с помощью языковых средств контролирует воспроизводство патриархатной социальной структуры, в постсоветском языкознании сводится к разным формам сравнения или противопоставления «мужских» и «женских» языковых единиц. Какие лингвистические (и не только) механизмы обусловливают ход языковедческого анализа именно в этом ключе?

Анализировать особенности развития постсоветской гендерной лингвистики я начал в 2002 г. в статье «Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР» (Першай 2002a). Тот текст писался «на баррикадах», т.е. в процессе обсуждения и защиты моей кандидатской диссертации по теме «Репрезентация гендерных отношений во фразеологии», проходившей по специальности «Теория языка» (Першай 2002b). Во многом статья, опубликованная в 2002 г., являлась реакцией на сложность и многосторонность ситуации в гендерной лингвистике и, шире, в гуманитарных науках на тот момент. Эта «непростота», если использовать термин Н. Пушкаревой (Пушкарева 2006), включала в себя новизну темы, терминологическую путаницу, неприятие «незнакомого» термина *гендер* и академический снобизм по поводу феминизма и гендерных исследований, а также давление – включить или убрать из диссертации определенные главы.

Текст, написанный в 2002 г., во многом отражал «эмоцию», это был своего рода манифест. Я пытался выразить невозможность полноценно исследовать взаимосвязи гендера и языка в условиях, когда вроде как «ведущая» категория анализа – гендер – чаще понималась в качестве лингвистического маркера «по признаку пола». Причем, как я теперь понимаю, стилистика статьи «Колонизация наоборот» может рассматриваться в качестве примера проговаривания травмы отсутствия «своего» научного языка, который позволил бы говорить о языке «через призму гендера» с учетом социальных иерархий и механизмов распределения власти. Также теперь заметно, что в указанном тексте не задействован анализ социальных институтов. То есть интуитивно я понимал, что редуцированная трактовка понятия *гендер* существует не сама по себе, а является следствием борьбы между двумя системами знания – постсоветской лингвистики, устоявшейся и признанной дисциплины, и гендерной лингвистики, «чу-

жого» и непонятного знания. Но на тот момент я не мог проследить внутреннюю динамику работы лингвистики как социального института, чтобы понять, как осуществляется легитимация научного знания в этой области и какую роль во всем этом играет академическое сообщество, научные советы и т.д. Я не до конца связывал производство «усеченной» и деполитизированной интерпретации гендера с институтом академии и чувством дисциплинарной принадлежности постсоветских ученых. С тех пор прошло достаточное количество времени, чтобы еще раз осмыслить внутреннюю динамику гендерной лингвистики как научной дисциплины.

Гендерные исследования: некоторые общие замечания

Гендерные исследования в 1990-х гг. стали частью общего процесса реформирования постсоветской академии. С одной стороны, они позволили писать «по-новому» и о культуре, языке, обществе, истории и политике. С другой – принадлежность к гендерным исследованиям предоставляла возможность новой академической мобильности, позволившей стать частью международного научного сообщества и получать грантовую поддержку. Сочетания таких факторов, как поиски себя и своего исследовательского «языка», признанность и востребованность гендерной проблематики на Западе и, что немаловажно, среди демократически настроенных доноров, а также неприятие гендерных исследований традиционными дисциплинами, порождало и продолжает порождать достаточно своеобразные формы работы с понятием *гендер* (см., например: Гапова 2007).

В этом контексте важно подчеркнуть, что, как бы исследователь_ницы себя ни позиционировали по отношению к гендерным исследованиям, эта научная область всегда останется импортированной, «чужой» формой знания. Как отмечает Е. Гапова:

> «Гендерная теория представляет собой западное знание, независимо от того, кто его производит: американские исследователи, ученые из постколониальных стран или постсоветские феминистки. Дело не только в том, что это знание рождено и разработано западной академической средой и теоретической мыслью и, описывая “незападный” опыт, исследователи, тем не менее, исходят из “западных” концептов» (Гапова 2010: 75).

Возникает вопрос, насколько постсоветские исследователь_ницы это понимают и учитывают тот факт, что в своей «родной» западной парадигме гендерный анализ является катализатором социальных и политических общественных изменений, иначе теряется суть гендера как категории анализа.

Гендерные исследования не являются гомогенной областью исследований, а «дробятся» в зависимости от дисциплин, в рамках которых они осмысливаются, поэтому сложно подобрать тождественные или схожие схемы исследований гендера в разных дисциплинах или интердисциплинарных сочетаниях. Например, как отмечает И. Савкина, «когда в русском контексте обсуждается гендерная проблематика в экономике, праве или экологии и пр., в этих полемиках возникают свои специфические конфликты и источники раздражения» в противовес их обсуждению в литературоведении, культурологии и искусствоведении (Савкина 2007). И это верно, поскольку гуманитарные и социальные науки опираются на разные «логики», которые часто несовместимы. Под логикой я понимаю некую схему или «гегемонию» в вольной трактовке Грамши (см., например: Gramsci 1971: 175–185), которая, на самом деле, является системой доминирования одной академической группы над другой посредством взаимосвязей, которые действуют на уровне общепринятых, «рутинных» культурных практик и установок, легитимизирующих наличные формы научной и дисциплинарной стратификации. Такие рутинные практики и установки всем хорошо знакомы в качестве целей, задач, методов и традиций исследований, которые определены и контролируются какой-либо дисциплиной, а также определяют «качество» исследования.

Именно вопросы качества являются ключом к пониманию проблем институционализации и автономизации гендерных исследований в бывшем СССР. Причем, как верно замечает Е. Гапова, вопрос качества гендерных исследований – это не инструмент исключения из дискурса гендерных исследований таких групп, как гражданские активист_ки или исследователь_ницы, занимающиеся феминологией или гендерологией. Этим специалист_кам есть что сказать, но говорят и пишут они для другой аудитории и ставят иные задачи, поэтому для них «женская тема» как таковая может быть достаточной для качественного исследования (Гапова 2007: 145–148). Для гендерных исследований в академии, выражаясь словами С. Ушакина, это – проблема «полезности» категории гендера: зачем использовать термин и сопутствующую систему дискурсивных отношений, если в некоторых случаях гендер выполняет тавтологичные функции русскоязычных терминов и часто неприложим к исследовательским схемам на постсоветском пространстве (Ушакин 2007: 189–195)? Такая ситуация говорит о снижении интеллектуального и критического потенциала категории *гендер*, которая, возможно, в других обстоятельствах послужила бы импульсом к осмыслению существующей социальной динамики именно через категории неравенства, власти и нормативности. На это пытаются обратить внимание в своем анализе постсоветских гендерных исследований Т. Барчунова (Barchunova 2003), Е. Гапова (2007), Е. Здравомыслова и А. Темкина (2006; Temkina, Zdravomyslova 2003), Н. Пушкарева (2006), С. Ушакин (2007: 180–195) и др.

Отмечу, что гендерные исследования в той или иной форме рассматривают отношения между людьми, т.е. всегда задействована социальная структура, вне которой «гендерные» признаки, стереотипы, модели поведения и др. не всегда имеют смысл. Если говорить конкретно о лингвистике, то можно задаться вопросом, насколько полезны разного рода классификации или компаративный анализ гендерно маркированных морфем, паремий, модальности, синтаксической структуры и т.д., без объяснения того, что на самом деле обозначают гендерные характеристики помимо «мужских» и «женских» признаков или номинаций. Грубо говоря, зачем они нужны в языке? Говорим ли мы чисто о языке и его единицах или о социальных нормах в конкретном обществе? И возможно ли полноценно анализировать гендерные отношения в языке без учета социального неравенства полов? Задавая эти вопросы, я пытаюсь понять, есть ли грань между чисто «языковыми» и «гендерными» исследованиями в лингвистике и надо ли эту грань проводить? Последний вопрос напрямую связан с качеством исследования и является одной из причин написания этой статьи.

Качество гендерных исследований для меня определяется тем, насколько та или иная работа вскрывает социальную механику и распределение властных отношений, принимая во внимание не только «пол», но и те пласты языка и социальные ткани, в которых гендерные отношения (вос-)производятся, легитимируются, функционируют, контролируются и т.д. Например, зачем какой-то личностный признак приобретает «гендерную» окраску и закрепляется в языковой системе в этом качестве? Или почему определенная синтаксическая форма воспринимается как мужская или женская – что этим достигается на уровне коммуникативного акта или художественного текста? Для меня важна методологическая оправданность использования гендерной терминологии, т.е. не просто использование в работе слов *гендер* и *гендерный*, но анализ языковых механизмов и лингвистических аспектов социальных практик, где гендер действует. С этих позиций я анализирую развитие постсоветской гендерной лингвистики.

Можно возразить, что прежде всего качество гендерных исследований определяется их профессионализмом и научной валидностью. Именно об этом и идет речь: профессиональная подготовка, в частности знание гендерной теории и теории гендерной лингвистики, а также ее совмещение с различными лингвистическими методологиями – важные показатели качества исследования. Однако в постсоветских странах знание западной гендерной лингвистики само по себе не задает критерии валидности лингвистического исследования, эту функцию выполняет академия как социальный институт, которая в лице ВАКа, государственных комиссий, рецензентов, оппонентов и т.д. определяет, что считать научным и ненаучным. То есть исследования в гендерной лингвистике не сводятся к уровню подготовки отдельных специалист_ок в области гендерной теории, а являются частью большего контекста, в рамках которого производится знание о взаимосвязях языка и гендера. Об особенностях этого процесса речь пойдет ниже.

Гендерное по форме, лингвистическое по содержанию

В лингвистике термин *гендер* стал активно употребляться в конце 1990-х гг., однако это не значит, что до того проблематика пола не принималась во внимание. Скорее, пол воспринимался как некая «непроблематизированная» данность, позволяющая идентифицировать индивидов как мужчин и женщин и, следуя этому критерию, ассоциировать определенные номинации и культурные концепты, на основании которых выстраивалась определенная картина мира. Например, языковую репрезентацию пола и ее генезис, реконструированный посредством анализа ритуалов, обрядовости и культурной семантики исследовали Н.И. Толстой (1995b), а также представители Московско-Тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман (1996), Т.В. Цивьян (1990) и др. Некоторые исследования были посвящены морфологической специфике мужской и женской номинации (см.: Паўленка 1978; Толстой 1995a), а также особенностям культурной концептуализации мужественности и женственности, например труды таких языковедов, как В.Н. Телия (1996: 214–269), В.А. Маслова (2001: 121–131), Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова (1993) и др. Однако пол в большинстве исследований рассматривался как категория, «восприятие которой практически не зависит от языка и культуры» (Кронгауз 1996: 510). Пол распознавался как «естественная» категория, в основе которой лежали *биологические*, а не *гендерные* различия – пол лишь маркировал мужчин и женщин как две различные и «нейтральные» группы людей, оставляя за кадром отношения власти, социальную стратификацию и перформативность гендера как социального пола.

«Гендерное беспокойство», охватившее постсоветскую гуманитаристику в конце 1990-х гг., дало толчок новому направлению исследований, которое получило название *гендерной лингвистики* или *лингвистической гендерологии*. Часто эти термины до сих пор используются как взаимозаменяемые (см., например: Коваль 2007: 5). Е. Малахова обратила внимание на попытки разделять эти направления в зависимости от того, от какого корня, *-гендер-* или *-лингв-*, производилось существительное и прилагательное, что определяло приоритеты исследования: «Гендерная лингвистика определялась как направление лингвистики, которое сосредоточено на исследовании языка в гендерном аспекте, а под лингвистической гендерологией имелись в виду гендерные исследования, в целом рассматривавшие язык как инструмент или один из способов отображения гендера» (Малахова 2015: 35). Вопрос в том, несут ли научные направления «гендерная лингвистика» и «лингвистическая гендерология» равнозначную символическую нагрузку. Имеют ли они одинаковый научный статус, престиж и возможность стать разделом полноценной научной дисциплины? С этой точки зрения приоритет чаще получает гендерная лингвистика, поскольку она пытается вписаться в уже разработанную и признанную дисциплину – языкознание. О том, на каких условиях это происходит, речь пойдет ниже.

На волне популярности гендерных исследований многие лингвист_ки начали писать о языке «через призму гендера», хотя тогда, как и сейчас, мало кто объяснял_а, что именно использование этого подхода предполагает. «Своего» гендерного материала в постсоветском языковедении на тот момент не было, да и работы, написанные известными «отечественными» лингвист_ками, не узнавались в качестве гендерной лингвистики – это была западная дисциплина, принадлежность к которой давала определенные статусные преимущества. Поэтому лингвист_кам нужно было опираться на «чужие» теоретические разработки. Кто на каком языке говорил, тот ту часть западной парадигмы и подключал, хотя, разумеется, англоязычная традиция в гендерной лингвистике отличается от немецкоязычной, испаноязычной и т.д., но эти «локальные» различия терялись на фоне «общего» внедрения нового на тот момент направления в языкознании. Проблемы возникали с доступностью зарубежных исследований по гендерной лингвистике, так как весьма ограниченное количество этих изданий было представлено в библиотеках бывшего СССР. Возможность прочитать основной корпус работ по гендерной лингвистике, включая как классические, так и новейшие разработки, была лишь у тех, кто мог стажироваться в западных библиотеках, остальные читали переводы и своими силами составляли общую картину научного поля по имеющимся отрывкам. Переводы основных теоретических работ осуществлялись с опозданием на 10–15 лет, причем выбор текста для перевода, как правило, был обусловлен его известностью, а не значимостью и актуальностью. Многие книги и статьи получили распространение, потому что их разбирали во время обучения в летних школах, что не всегда давало объективную картину развития гендерной лингвистики. Разумеется, я отмечаю эту особенность не в упрек постсоветским лингвист_кам, так как по объективным причинам получить базовую квалификацию по гендерной лингвистике была возможность у очень немногих.

Приходилось работать с теми материалами, которые были доступны. В результате постсоветские лингвист_ки, разрабатывавшие проблематику пола/гендера в языке, одновременно прочли «Язык и место женщины» Р. Лакофф, «Язык, сделанный мужчиной» Д. Спендер и «Ты меня не понимаешь» Д. Тэннен (Lakoff 1975; Spender 1980; Tannen 1990). Эти хрестоматийные работы возникли в разное время и предлагали три разные модели исследования гендера в языке (женской дефицитности, мужского превосходства и разницы гендерных культур), относительно плавно сменившие друг друга на Западе (см.: Cameron 1995). В оригинале эти теории спорят друг с другом, предлагая новое прочтение взаимосвязей гендера и языка, а в условиях трансформации постсоветской академии они были искусственно объединены в общую «базу» гендерной лингвистики. Кстати сказать, о существовании работы Р. Лакофф «Язык и место женщины» знали в советской лингвистике, о чем свидетельствует статья В.М. Алпатова «Женский язык» в энциклопедическом словаре «Языкознание» (см: Алпатов 1998 и пред-

шествующие издания). Другой вопрос, почему идеи Р. Лакофф, столь значимые для развития западной гендерной лингвистики, оказались не востребованными профессиональным языковедческим сообществом в нашей части света до конца 1990-х гг. В итоге сложилось какое-то общее понимание того, о чем должна идти речь в исследовании «гендерной проблематики в языке», что, скорее, является *жанром*, а не предметом исследования (см.: Першай 2014: 18–28). Справедливости ради надо сказать, что я отнюдь не идеализирую англоязычную школу гендерной лингвистики: она полна внутренних противоречий, дебатов и весьма разносторонне акцентирует взаимосвязи языка и гендера. Но при всем этом в большинстве случаев гендер понимается как катализатор социальных иерархий, а не «пассивный» маркер пола (см., например: Gal 1991; Bergvall, Bing, Freed, eds. 1996; Cameron 1992; Cameron, ed. 1998; др.).

В условиях, когда «тема» востребована, а возможности полноценно разработать представленные ею концепты нет, постсоветская гендерная лингвистика изобретала гибридные формы – лингвистические по содержанию, но использующие терминологический аппарат гендерных исследований, что по сути развивает области традиционного языкознания. Отмечу, что когда я рассматриваю «поле», то обращаю внимание прежде всего на его «периферию», т.е. в этом контексте я анализирую исследования, проведенные не в «сгустках» интеллектуального движения, где больше ресурсов и социальной мобильности, а вдали от этого. Такой выбор обоснован тем, что на периферии производство – новых? «своих»? – значений и практик происходит более интенсивно. Как об этом писал один из основателей Тартуской семиотической школы Ю. Лотман: «граница имеет и другую функцию в семиосфере: она – область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены, чтобы оттуда устремиться в ядерные структуры и вытеснить их» (Лотман 1992: 15). Поэтому гораздо интереснее анализировать не труды основополагателей в какой-то области, а те работы, в которых знание ведущих исследователь_ниц уже «переварено» их коллегами вдали от «центра». Кстати, для гендерной лингвистики такое «переваривание» идей будет двойным, а иногда и тройным, поскольку гендерная лингвистика – это заимствованная дисциплина, и ведущие гендерные лингвист_ки в бывшем СССР также артикулируют западное знание.

Рассмотрим, например, материалы к спецкурсу «Введение в лингвистическую гендерологию», разработанные Л.Н. Синельниковой и Г.Ю. Богданович и опубликованные в Симферополе в 2001 г. Авторки отмечают, что гендер – «социальный пол, синтезирующий культурное и биологическое в человеке» (с. 4). Они также подчеркивают:

> «Хотелось бы осознать гендерную проблематику в условиях родной культуры и языка, найти способы адекватного описания гендерных признаков,

закрепленных в языковой системе, речи мужчин и женщин... Принимая в качестве исходной идеи о том, что мужчины и женщины непримиримы, исследователь вступает в феминистский дискурс, акцентирует внимание на дискриминации женщин. При полном понимании важности этой проблемы авторам предлагаемых материалов ближе идея гармонизации отношений между мужчиной и женщиной через понимание факта одаренности пола как высшего замысла» (с. 5).

Далее авторки отмечают:

«Если языковая картина мира – это зафиксированное в языковых знаках и проявленное в формах речевой деятельности (текстах, дискурсах) языковое сознание, то гендерные признаки – это сущностные проявления познания мира сквозь призму мужского и женского сознания, выявляющие особенности номинативной и коммуникативной деятельности мужчин и женщин, определяемые полом особенности речевой деятельности и речевого поведения» (с. 8).

Этот пример интересен тем, что для теоретического обоснования работы авторки активно используют «гендерную» терминологию, отмечая социальный характер гендера, упоминают дискриминацию по признаку пола в языке (что можно считать своеобразной трактовкой концепции женской дефицитности), а также – в рамках одного проекта – отсылают к мужскому и женскому вариантам языка (что является отголоском концепции разницы гендерных культур). Примечателен вывод авторок из этого концептуального попурри: акцент ставится на нейтрализации языка и стремлении гармонизировать отношения между полами. То есть критический потенциал упомянутых «гендерных» концептов не только не объясняется и/или привлекается, а наоборот, гендерная терминология используется для воссоздания патриархатных мифов.

Такая концептуальная «гибридность» ярко проявляется и в узконаправленных работах. Например, исследование лингвистки из г. Гродно И. Кавинкиной ставит задачей продемонстрировать «*гендерную дифференциацию* лингвокреативного мышления носителей русского языка» и рассматривает «семантическое наполнение концептов “девочка” и “мальчик” с позиций гендерного дисплея, т.е. на основе ассоциаций, возникающих у женщин и мужчин – носителей русского языка» (Кавинкина 2003: 176; курсив мой. – *А.П.*). В этом исследовании мужчины и женщины выступают как два разных и уже сформированных класса существ, где подтверждение разницы между ними является результатом исследования, ср.:

> «Оценка как проявление субъективного отношения к стимулу и, конечно же, стоящей за ним реальности в той или иной мере присутствует во всех разновидностях ответов, в которых мы усматриваем проявление языкового сознания женщин и мужчин. У реципиентов женского пола преобладает положительная оценочность концепта “девочка” (*моя дорогая, гордость*). У мужчин наряду с положительной оценочностью (*огого, умница*) были выделены и реакции с отрицательной оценочностью (*вредная*). Концепт “мальчик” у информантов обоих полов отмечен не только знаком “+”, но и негативно (9 реакций у женщин: *плохой, задира, хулиган, драчун*; 3 реакции у мужчин: *проблема, злодей, озорник*)» (Кавинкина 2003: 179).

В таких гибридных исследованиях материал, который описывает языковую представленность или речевое поведение женщин и мужчин, декларируется как *гендерный* и анализируется таким образом, чтобы обозначить языковую разницу мужчин и женщин. Происходит редукция понятия *гендер*: он воспринимается как «социальный» маркер биологического пола, который разделяет людей на мужчин и женщин и на основе этого разделения приписывает им разного рода качества. Гендер как категория анализа вытесняется из исследования описанием и систематизацией языковых единиц, например лексемами, словоформами, интонационными конструкциями, ассоциациями и пр., которые описывают пол или порождаются представителями определенного пола. Если перефразировать название знаковой работы Р. Лакофф, в постсоветской гендерной лингвистике язык занимает место женщины (Lakoff 1975). Проблема кроется в разрыве между заимствованной гендерной теорией в лингвистике и «местными» результатами исследования: постсоветская гендерная лингвистика хоть и использует гендерный терминологический аппарат, но производит работы дескриптивного характера, которые полностью лишены того критического потенциала, который на Западе катализировал новое видение языка как репрессивной и андроцентричной, т.е. гендерно маркированной, структуры. В таких исследованиях игнорируются отношения власти, а гендер сводится к разнице между полами, причем эта разница воспринимается как нечто само собой разумеющееся и никак не проблематизируется. Используя широко известное выражение Д. Камерон, ведущей феминистской лингвистки из Великобритании, ученые «дожны принимать во внимание, что гендер – это и есть исследовательская проблема, но никак не ее решение» (Cameron 1995: 42). К сожалению, для многих постсоветских языковедов гендер был и остается именно решением проблемы (Pershai 2005).

В 2002 г. я назвал эту динамику «колонизацией наоборот», когда ресурсы, на первый взгляд, «сильной» стороны используются «слабой» стороной по своему усмотрению (Першай 2002а). На системном уровне отношения постсоветского языкознания и западной гендерной лингвистики можно сравнить с процессом колонизации. В начале 1990-х гуманитаристика в том виде, в котором она су-

ществовала в СССР, оказалась невостребованной. У постсоветской академии не было ресурсов, чтобы производить своевременный и конкурентоспособный научный продукт. Гендерные исследования же в то время были не просто актуальной областью исследований, они были приоритетным сектором демократических реформ и гражданского образования, что было подкреплено финансовой и институциональной поддержкой. Вроде бы как более «сильные» и активно продвигаемые западные гендерные исследования должны были поглотить и задать интеллектуальный тон в бывшем СССР, однако этого не произошло (см.: Гапова 2010; Здравомыслова, Темкина 2006; др.). Например, постсоветская лингвистика оказалась достаточно сильной, чтобы сопротивляться новому западному знанию, и в то же время достаточно гибкой, чтобы использовать новые ресурсы для развития своих традиционных областей. Пятнадцать лет назад я остановился на констатации этого концептуального и смыслового диссонанса, теперь же хочу рассмотреть, почему так происходит.

Деполитизация «чужого» знания и символический капитал лингвистики

Эдвард Саид в своей знаковой книге «Ориентализм» обращает внимание на то, что авторитет «источника» имеет ключевое значение в процессе производства и легитимизации знания. Есть знание легитимное, научное, правильное, а значит, нейтральное, а есть знание «чужое» – непроверенное, недостоверное, а главное, *политизированное*, т.е. которому нельзя доверять (Said 1984: 19–20). Именно авторитет академического знания определяет собой специфику развития постсоветской гендерной лингвистики. Гендерная тематика – это чужое знание, нагруженное своей «левой» идеологией, но оно предоставляло ресурсы. Языкознание, наоборот, постоянно подчеркивало не политический, а нейтральный характер языка. Но поскольку была потребность говорить о гендере, то были задействованы уже привычные формы лингвистического описания пола на условиях, что производить гендерное знание о языке необходимо в рамках лингвистики. Приоритет лингвистической традиции подчеркивается, например, в работах ведущей московской лингвистки А.В. Кирилиной:

> «Исследованию гендерного аспекта соответствующих языковых сущностей предшествует их анализ как единиц языка. Для изучения гендерных аспектов языка и коммуникации применяются лингвистические методы. Поскольку лингвистика включает разнообразные отрасли (психолингвистику, социолингвистику, лингвокультурологию и т.д.), используются методы этих направлений […] Работая в языковедческом научном поле, ученые применяют главным образом методы анализа, разработанные для лингвистических исследований, пользуясь, однако, и данными других научных дис-

циплин – как близкородственных (психолингвистики, социолингвистики и др.), так и других гуманитарных наук (психологии, социологии, истории, литературоведения и т.д.)» (Кирилина 2003).

Однако такому выстраиванию исследовательской траектории «мешает» политический потенциал гендерных исследований, т.е. то, что изначально давало толчок развитию этой дисциплины. Речь идет о борьбе за *social change*, о тех социальных изменениях, которые приходят с политическим в широком смысле признанием равных прав всех полов и гендерных идентичностей, признанием дискриминации в отношении женщин и других маргинализированных гендерных идентичностей. Для западной гендерной лингвистики именно политическо-социальная нагруженность позволила показать, что язык андроцентричен – ориентирован на мужчину – и обслуживает общество, в котором мужчина признается социальной нормой, а женщина невидима или ущербна, равно как и остальные неконвенциональные гендеры. В бывшем СССР политизированность гендерных исследований оценивалась отрицательно и приписывалась радикальному феминизму, что позволяло подчеркнуть «ненаучность» этой позиции. Например, в 2000 г. об этом так писали Д.О. Добровольский и А.В. Кирилина:

> «Не отрицая того, что феминизм является реальностью и имеет право на существование, как и любая другая идеология, следует все же сделать два важных замечания: исследователям, имеющим опыт жизни в СССР, весьма хорошо известно, какие ограничения накладывала на свободу научного поиска марксистская идеология, поэтому нет никаких оснований утверждать, что любая другая идеология (в том числе феминистская) скажется на развитии науки более благотворно, чем марксизм-ленинизм» (Добровольский, Кирилина 2000: 21).

Похожую позицию занимает лингвист В.И. Коваль из Гомельского государственного университета; он признает присутствие гендера в языковой системе, но при этом языковед полностью исключает ту традицию, в рамках которой было разработано понятие *гендер*, являющееся объектом его исследования:

> «…с точки зрения гендерной лингвистики язык как система и речь как реализация языка наделяются "гендерными параметрами". Ошибочным при этом было бы впадать в крайность и полагать, к примеру, что язык "закрепляет" дискриминацию женщин или что существует специфический "женский язык" или "мужской язык" как самостоятельные коммуникативные системы. В языке, объективно отображающем реальную действительность, представлены сложившиеся на протяжении многих веков устойчивые сте-

реотипы, поэтому язык в принципе не может "дискриминировать" или, напротив, "возвышать" кого-либо» (Коваль 2007: 6).

Хотя, по большому счету, если язык отражает реальность, а реальность – это патриархатное общество, то каждая гендерно маркированная номинация как раз таки «возвышает» или «дискриминирует» своего объекта в зависимости от ее или его соответствия гендерной норме. Сами же носитель_ницы языка могут воспринимать такую имплицитную гендерную семантику в качестве «здравого смысла». Но суть проблемы здесь не в том, что лингвист_ки не видят или не вовлекают эти связи; в этом контексте важнее обозначить другой процесс, который происходит на институциональном уровне. Подчеркивая политическую ангажированность гендерной теории и нейтральность языка, постсоветские лингвист_ки «проговаривают» те условия, на которых можно включить гендерный материал в лингвистическое исследование. Поэтому «отцензурированная» гендерная проблематика в лингвистическом контексте подчеркнуто носит *не политический*, а чисто *языковой* характер. То есть производится то «научное» знание, которому можно «доверять». Например, вот как об этом пишет беларусская исследовательница Т. Артишевская, ссылаясь на работу А.В. Кирилиной (2000):

> «Термин *сексизм* возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен – в нем зафиксирована, главным образом, мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводится второстепенная маргинальная роль и статус объекта. На наш взгляд, применение понятия *сексизм* в научном описании может быть заменено более нейтральным термином *гендерная асимметрия*, под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т.д., так как понятие *сексизм* предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение – и тем более злое – у языка, разумеется, отсутствует» (Артишевская 2003: 366).

Замена терминов в приведенной цитате хорошо иллюстрирует смысловой «сдвиг» с проблемы гендерной дискриминации в языке на нейтральное описание мужских и женских признаков и стереотипов. А раз нет проблемы дискриминации по признаку пола, то незачем смотреть на социальные связи и говорить о неравенстве полов, определяющих использование гендерно маркированных единиц. Другими словами, игнорируется тот интеллектуальный импульс, который в свое время дал толчок к осмыслению роли языка в формировании и ретранслировании патриархатных структур.

В этом контексте важен еще один момент: в восточноевропейской филологии существует «аксиоматическое», т.е. не требующее объяснений, восприятие языка как нейтральной, но в то же время гибкой, всеохватывающей и всепоглощающей структуры. С одной стороны, язык всегда идет в ногу со временем, меняется, отражает картину мира и сохраняет на имплицитном уровне следы ушедших культур. С другой стороны, все эти процессы происходят нейтрально, сами собой, поскольку язык собственных целей не имеет. При таком подходе просто не возникает вопрос, почему какое-то слово закрепилось, а какое-то устарело и вышло из обращения или почему какой-то ритуал потерян, а его фрагмент «считывается» носитель_ницами языка спустя многие поколения и т.д.? Но вопросы о нейтральности языка начинают возникать с привлечением гендерной теории, которая вырастала из другой философской традиции. Например, французские мыслители-постструктуралисты, такие как Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др., анализировали влияние языка на мышление и поведение человека, на возможность говорить и быть услышанным, наличие «нужных» языковых средств, а также на способность различать и «производить» смыслы, важные в рамках какой-то социальной формации. Их работы сильно повлияли на формирование дисциплины гендерных исследований, равно как на развитие западной гуманитаристики в целом (см., например: Барт 1994; Фуко 1996; Деррида 2000 и др.). Интересно, что многих из них не считают лингвистами или филологами, хотя исследуют эти авторы именно язык.

Если же говорить о гендерной лингвистике в частности, то знаковая работа Д. Спендер «Язык, созданный мужчиной» (в некоторых переводах «Мужчина создал язык») во многом является полемикой с американским лингвистом Д. Болинджером, который в 1960-е гг. задал вопрос о том, насколько язык говорит своим носителям правду? Другими словами, можно ли рассматривать язык в качестве не нейтральной, а репрессивной и манипулятивной структуры (см.: Spender 1980; Болинджер 1987)? Болинджер обращал внимание на то, что при анализе языковых структур мы смещаем акцент на отдельн_ую носитель_ницу языка, на социальные учреждения, политические технологии или критерии нравственности и моральности порождаемых ими текстов. Но язык как система, в рамках которой отдельные носители языка, равно как и социальные институты, получают возможность говорить неправду, остается в тени (с. 27). Д. Спендер продвигает эту мысль дальше и говорит о том, что язык – структура прогрессивная, открытая и восприимчивая к социокультурным изменениям. Но поскольку мы не можем выйти за пределы языка, то любые «новые наименования систематически описывают старые убеждения, которые уже ограничены существующими правилами, и не видится выхода из данной ситуации, даже если эти правила неадекватны и ложны» (Spender 1998: 98). Спендер обозначает эту двойственность языка – даруемой свободы и одновременно ее ограниченности – как *языковую западню*: «Как только определенные категории скон-

струированы языком, мы продолжаем организовывать мир уже согласно этим категориям. Все, что не соответствует этим категориям, остается за рамками нашего понимания» (с. 96). Далее исследовательница задает вопрос о гендерной нейтральности языка и приходит к выводам о том, что язык ориентирован на мужчину и предлагает своим носителям выстраивать реальность из «мужских» значений и смыслов (Spender 1980).

Это лишь один пример «репрессивной» трактовки языка, но он указывает на то, что в основе западной гендерной лингвистики лежит совсем другое понимание языковой сущности – смысл понятия *гендер* выстраивается на основе дискурсивности языка, а дискурс всегда связан с социальными структурами, (само-)цензурой, нормативностью и т.д. То есть в той системе язык не нейтрален, а «завязан» на воспроизводство социальных иерархий, пусть через «мягкое» навязывание предпочитаемых речевых практик для девочек и женщин, например, как это раскрывает в своих трудах Р. Лакофф, или через противопоставление гендерлектов и поисков взаимопонимания между полами в работах Д. Тэннен (см., например: Lakoff 1975; Tannen 1986, 1990; др.). Вопрос в том, как совместить два столь разных подхода к пониманию сущности языка – как нейтральной и дискурсивной субстанций – в рамках одной дисциплины и при этом избежать упрощенного понимания гендерной проблематики. Приоритет нейтрального или дискурсивного понимания языка и гендера связан с тем, как исследователь_ницы позиционируют себя в профессиональном сообществе в профессиональном лингвистическом сообществе.

Нарочитая деполитизация исследований и усечение социальной составляющей гендера как категории анализа является своего рода цензурой, что связано с авторитетом дисциплинарного знания и пониманием того, что академия – это социальный институт, организованный по своим законам. Французский социальный теоретик П. Бурдье рассматривает такие системные отношения с помощью категории *символического капитала* – принципа, организующего социальную ткань общества на уровне символических ценностей и статусов. Символический капитал вовлечен в отношения стратификации и доминирования между различными группами, однако эти отношения натурализированы и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (Bourdieu 2001: 40). Принадлежность к научной дисциплине превращает исследовательское «население» этой дисциплины в профессиональную группу или класс, что, в свою очередь, придает членам этой группы символический статус, позволяет им получать социальные «дивиденды», но в обмен на это делегирует их защищать суверенитет своей дисциплинарной территории:

> «Принадлежность к профессиональной группе действует как цензура, которая простирается за пределы институциональных и личных ограничений: есть вопросы, которые ты не задаешь и не можешь задавать, по-

скольку они затрагивают суть основополагающих постулатов, лежащих в корне этой дисциплины, и того, как она функционирует» (p. 9).

Другими словами, упрощенное понимание гендерной проблематики, «отсечение» тех социальных связей и опытов, которые составляют суть гендерного анализа языковых структур, могут быть связаны с тем, насколько та или иная трактовка этой заимствованной методологии может быть признана научным сообществом в качестве лингвистического исследования.

В случае если гендерные критерии языкового анализа не узнаются в качестве лингвистических, может происходить вытеснение исследования из дисциплинарной территории языкознания. Например, мое стремление объяснить, каким образом фразеология как полевая структура отражает гендерные нормы и тем самым стимулирует воспроизводство традиционной семьи (см.: Першай 2002b, 2014), получило следующую оценку профессионального сообщества беларусских лингвист_ок (здесь я привожу цитаты из отзывов на мою кандидатскую диссертацию в качестве культурного свидетельства). Одна из рецензенток написала:

> «Такая работа, несомненно, представляет ценность для культуролога, этнографа, социолога, психолога... Однако имеют ли эти выводы собственно лингвистическую ценность? Можно ли считать их новаторскими для теории языка? Что нового мы узнаем из работы о языке как таковом?.. Необходимо сдвинуть акцент на изучение собственно лингвистических аспектов гендера» (Из личного архива автора, 2001).

Другая рецензентка отозвалась о работе следующим образом:

> «В методе не хватает логики, точнее, эта логика не лингвистическая: автора интересует гендерная ситуация в культуре, в психологии, но не в языке, т.е. он исследует внеязыковые феномены, обращаясь к языку, а языковые данные для него – только вспомогательный материал. Это подход культуролога, а не лингвиста. Поэтому в работе есть целые абзацы, содержащие разного рода характеристики гендерных взаимоотношений, но не имеющие отношения к лингвистике» (Из личного архива автора, 2001).

Можно привести больше примеров, но смысл будет примерно тот же: специалисты, делегированные своей дисциплиной, пытаются обозначить границы «своей» дисциплинарной территории. И дело не в том, что какие-то смысловые аспекты можно условно отнести к «широкому» или «узкому» подходу к лингвистическому исследованию, фразеологии и т.д., а в том, чтобы показать, кто и на каких условиях имеет право называться лингвист_кой, а значит, имеет доступ

к ресурсам дисциплины как социального института, т.е. возможности трудоустройства в качестве лингвист_ки, публикации работ, получения исследовательских грантов и голоса в профессиональном сообществе. Интересно также, что подход и логика, которые рецензентки называют «нелингвистическими», вытекают из понимания дискурсивной сути языка, которая была заимствована вместе с западным, дискурсивным пониманием гендерной проблематики. В той системе язык выступает в роли социального агента; т.е. такой подход валиден в рамках «другого» языкознания. Вопросов не возникало там, где язык был частью нейтральной «картины мира», а исследователь проводил компаративный анализ. Отмечу, что я описываю свой опыт не в упрек коллегам, а потому, что он отражает внутреннюю динамику развития дисциплины гендерной лингвистики, так как на основании рецензий можно отследить признание и включение новых методологий.

В этом контексте важно задать вопрос о том, насколько принадлежность к профессиональной группе лингвист_ок определяет видение языка как основного предмета исследования и гендера как категории, которая привлекается для его исследования. Чем является гендер – объектом исследования или методологией? Чаще гендер понимается как объект, который в виде конкретных языковых единиц анализируется с помощью традиционных лингвистических методик, в то время как гендер как методология, которая позволяет рассмотреть дискурсивную значимость этих единиц, может восприниматься как идеологическое «наслоение», деполитизироваться и исключаться из исследования. Это, в свою очередь, обусловливает приоритет гендерных по форме и лингвистических по содержанию работ, которые пусть и не раскрывают суть гендерных проблем и отношений, зато «безопасны» с точки зрения их дисциплинарного признания.

Для меня такой компромисс достаточно проблематичен, потому что «пассивное» описание или сопоставление мужских и женских языковых единиц, может быть, и валидно с точки зрения лингвистики, но этот подход полностью упускает суть гендера как категории анализа. Такие исследования не анализируют механизмы социального нормирования и разделения, они не вскрывают суть патриархата – той системы, для деконструкции которой и была разработана категория гендера в западной лингвистике. Другая опасность таких исследований в том, что постсоветские лингвист_ки путем перечисления «типично женских» или «мужских» форм высказывания, паремий, наличия/отсутствия женских единиц и пр. в очередной раз проговаривают гетеросексистские нормы и тем самым воспроизводят существующую систему гендерной стратификации, выраженную в языке (см.: Першай 2013: 303–311; 2014: 69–72).

Выводы

Деполитизированное, «усеченное» понимание категории гендера является одной из важных причин, по которой постсоветская гендерная лингвистика не может полноценно развиваться. С. Ушакин отмечает, что гендер как заимствованная категория в постсоветской философии и социальных науках опирается на то, что пол *как таковой* существует и относительно стабилен (Ушакин 2007: 188). Другими словами, «межполовые различия» и «отношения между полами» оперируют мужчинами и женщинами как «целостными», универсальными и существующими сущностями. Гендер в лингвистике редуцируется до «культурной данности»: исследователь_ницы пишут о мужчинах и женщинах, но не принимают во внимание то, *что делает их* мужчинами и женщинами. Нарочито деполитизированная трактовка гендера ведет к «каталогизации» мужских и женских характеристик и таит опасность иного рода. Редуцированное понимание гендера, т.е. оторванное от изначального импульса социальных изменений, не нейтрально: постсоветская гендерная лингвистика ретранслирует нормы традиционного гетеронормативного общества.

Критика в адрес постсоветских лингвист_ок не звучала бы так часто, если бы гендерная лингвистика в бывшем СССР имела другую форму, например в меньшей степени оперировала гендерными терминами, которые в новом контексте не несут той нагрузки, которой от них ожидают в соответствии с их «родной» западной традицией. Гендерная проблематика, в том числе в западной гендерной лингвистике, всегда политизирована: она нацелена на социальные изменения и искоренение гендерной дискриминации, включая язык. Проблемы гендерного неравенства, сексизма, циснормативности становятся все более актуальны в бывшем СССР, а значит, их анализ востребован. Например, феминитивы, речь/язык вражды, сексистская лексика по отношению к женщинам достаточно часто и широко обсуждаются (см.: Лихачев 2015; Гапова и др. 2015; др.). А поскольку в контексте постсоветской гендерной лингвистики гендер полностью лишается своего критического потенциала и производит совсем другое знание, то ответа на насущные социальные вопросы гендерная лингвистика, как она есть сейчас, дать не может. На это обращают внимание гражданские активист_ки, занимающиеся гендерными вопросами. Например, при обсуждении внедрения небинарных языковых практик транс-активистка Я. Ситникова уточняет: «Обычно при выборе между стратегиями феминизации и нейтрализации языка учитываются исключительно лингвистические факторы, при этом не проговариваются социальные факторы» (см. в: Андреевских и др. 2017).

Для того чтобы найти выход из этой ситуации, необходимо задавать вопросы о том, какую роль играет гендерная проблематика в конкретном исследовании. Чем она обогащает конкретное исследование и т.д.? Оставив в стороне кочующие и часто никуда не ведущие тезисы о том, что гендер отражается в язы-

ковой системе и является одним из основных компонентов языка и культуры, о значимости гендера в коммуникативных стратегиях или лексике и фразеологии и т.д., необходимо разобраться с тем, какую версию гендерной теории постсоветские лингвист_ки готовы принять в свое профессиональное сообщество.

Литература

Алпатов, В.М. Женский язык. В: *Языкознание. Энциклопедический словарь*. М.: БРЭ, 1998. С. 153.

Андреевских, О., Першай, А., Ситникова, Я. Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? Makeout.by. 27.02.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://makeout.by/2017/02/27/genderno-neytralnyy-yazyk.html.

Артишевская, Т. Гендерная асимметрия в современном английском языке. В: *Женщина. Образование. Демократия*. Мат-лы 5-й междунар. науч.-практ. конф. Ред. Г.И. Шатон. Минск: Энвила, 2003. С. 366–368.

Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* М.: Универс, 1994.

Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 23–43.

Гапова, Е. Классовый вопрос постсоветского феминизма или об отвлечении угнетенных от классовой борьбы // Гендерные исследования. Вып. 15. 2007. С. 144–164.

Гапова, Е. Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии. В: *Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования.* Т. II / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 64–85.

Гапова, Е., Воронков, В., Костерина, И., Тартаковская, И., Гусейнов, Г., Зигерт, Й. Нечаянный сексизм, или Как перенастроить язык. Фонд Генриха Бёлля. 01.04.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.boell.org/ru/2015/04/01/nechayannyy-seksizm-ili-kak-perenastroit-yazyk.

Гапова, Е., Усманова, А. Предисловие. В: *Антология гендерных исследований* / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 7–11.

Деррида, Ж. *О грамматилогии*. М.: Ad Marginem, 2000.

Добровольский, Д.О., Кирилина, А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности. В: *Гендер как интрига познания* / Сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35.

Здравомыслова, Е., Темкина, А. Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // Гендерные исследования. Вып. 15. 2006. С. 77–91.

Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи. В: *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993. С. 90–136.

Кавинкина, И. Гендерный дисплей в концептах «девочка», «мальчик». В: *Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці.* Зб. навук. прац / Пад рэд. С.П. Мусіенкі. Гродна: ГрДУ, 2003. С. 275–279.

Кирилина, А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // *Филологические науки*. 2000. № 3. С. 18–27.

Кирилина, А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах. Лекция. Летняя школа «Общество и гендер». Рязань, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina.htm

Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. 217 с.

Кронгауз, М.А. Sexus, или проблема пола в русском языке. В: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка*. М.: Индрик, 1996. С. 510–525.

Лихачев, Н. Сам ты телочка. Электронный журнал TJ. 25.03.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tjournal.ru/p/meduza-rappoport

Лотман, Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. М.: Языки русской культуры, 1996.

Лотман, Ю.М. *Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах.* Т. I. Таллинн: Александра, 1992.

Малахова, О. Гендерночутлива мова vs дискурсивні влади: актуальні питання гендерної лінгвістики в Україні // *Гендерный журнал «Я»*. 2015. № 1. С. 35–37.

Маслова, В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001.

Паўленка, М.А. Нарысы по беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове. Мінск: БДУ, 1978. 136 с.

Першай, А. (a) Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. Вып. 7–8. 2002. С. 236–249.

Першай, А. (b) Репрезентация гендерных отношений во фразеологии: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Бел. гос. ун-т. Минск, 2002. 173 с.

Першай, А. Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 178 с.

Першай, А. Феминистская языковая реформа как ресурс беларуского национализма: частный случай «феминизации беларуского языка» // *Ab Imperio*. 2013. № 1. С. 303–327.

Пушкарева, Н. Гендерные исследования в истории и этнологии: пока только «воображаемое»? // Гендерные исследования. Вып. 15. 2006. С. 165–173.

Савкина, И. Факторы раздражения: О восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // Новое литературное обозрение. Вып. 86. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/579/592

Синельникова, Л.Н., Богданович, Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. Материалы к спецкурсу. Симферополь, 2001. 40 с.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Толстой, Н.И. (a) Бинарные противопоставления типа *правый-левый*, *мужской-женский* // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 151–166.

Толстой Н.И. (b) Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 167–184.

Ушакин, С. «GENDER» (НАПРОКАТ): полезная категория научной карьеры. В: *Гендерная история: pro et contra.* СПб.: Нестор, 2000. С. 34–39.

Ушакин, С. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 320 с.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.

Barchunova, Tatyana. The Selfish Gender, Or the Reproduction of Gender Asymmetry in Gender Studies. *Studies in Eastern European Though*. № 55. 2003. P. 3–25.

Bourdieu, Pierre. Practical Reason. Cambridge: Polity Press, 2001.

Cameron, Deborah. Feminism and Linguistic Theory. New York: St. Martin's Press, 1992.

Cameron, Deborah. Rethinking Language and Gender Studies: Some Issues for the 1990s. In: *Language and gender: Interdisciplinary perspectives.* S. Mills, ed. London & New York: Longman, 1995. P. 31–53.

Bergvall, Victoria L., Bing, Janet M., Freed, Alice F., eds. Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice. London, New York: Longman, 1996.

Cameron, Deborah, ed. The Feminist Critique of Language: A Reader. London; New York: Routledge, 1998.

Gal, Susan. Between Speech and Silence: the Problematics of Research on Language and Gender. In: *Gender and the Crossroads of Knowledge*. M. di Leonardo, ed. Berkley: University of California Press, 1991. P. 175–203.

Gramsci, Antonio. Selections from the Prison Books. New York: International Publishers, 1971.

Lakoff, Robyn. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975.

Pershai, Alexander. Language in Woman's Place: Gender and Language Research in Post-Soviet Countries. In: *Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications.* Ö. Odağ, A. Pershai, eds. Frankfurt: Peter Lang, 2005. P. 33–46.

Said, Edward. W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1984.

Spender, Dale. Man Made Language. London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Spender, Dale. Man Made Language. In: *The Feminist Critique if Language: A Reader.* Ed. by D. Cameron. London & New York: Routledge. P. 93–99.

Tannen, Deborah. That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. New York: Harper Collins, 1986.

Tannen, Deborah. You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. New York: Morrow, 1990.

Temkina, Anna, Zdravomyslova, Elena. Doing Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Frameworks. *Studies in Eastern European Though*. № 55. 2003. P. 51–61.

Гендерная академия/активизм: cases

Наталья Павлович

«МЫ ПРИШЛИ, ЧТОБЫ НАДЕЛИТЬ ВАС ВЛАСТЬЮ»: ВСТРЕЧА ЛИБЕРАЛЬНОГО ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСА С ПОВСЕДНЕВНЫМ ОПЫТОМ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ

Natallia Paulovich

“We Came to Empower You”: Liberal Feminist Discourse Meets Everyday Experience of Women in Modern Georgia

When I first came to Georgia as part of my dissertation research on the transformation of the position of women in Georgian society, I immediately became acquainted with non-governmental women’s organizations as the most accessible field for me as a young anthropologist. The NGO-activists shared a liberal feminist discourse concerning the position of women in the country. At the same time, after spending time with ordinary Georgians, from whom I rented housing, I heard completely different narrations about understanding themselves as members of society, which had nothing to do with the discourse offered by the representatives of the non-governmental sector. The longer I spent in Georgian families confirmed my conviction that the views of local NGOs on the situation of the Georgian woman in the post-Soviet context are a reflection of the expectations of their Western donors. The everyday life of the modern Georgian woman possesses qualities that can be characterized as agentic. In this essay, I present the dilemmas I was confronted with after learning about the two different narratives during my stay in the field. My analysis will be based on criticism of liberal feminism. I will achieve this by offering an approach that can make a contribution to understanding the position of woman in post-Soviet society.

Keywords: anthropology, donors, liberal feminist discourse, NGOs.

Впервые Южный Кавказ мой научный интерес привлек в 2008 г. И хотя в тот период основной упор я делала на историю – исследовались теории происхождения абхазского народа, – уже тогда меня не покидало ощущение, что любая информация, которая касалась региона, неизменно характеризовалась принадлежностью к одному из двух несогласных друг с другом «лагерей», а именно прогрузинскому либо проабхазскому[1]. Похожее ощущение превалировало и когда я впервые приехала в Грузию в 2011 г. в целях пилотного исследования для своей диссертации в Институте философии и социологии Польской академии наук[2]. Однако, несмотря на то что уже тогда я имела дело не с безмолвными письменными источниками, а с живыми людьми, так как исследование должно было носить антропологический характер, мне снова пришлось встретиться с противоречиями, представленными в данном случае голосами женщин.

В ходе полевых исследований я планировала изучение социальной позиции современной грузинской женщины, базирующееся на проведении интервью с грузинками самых разных профессий и социального статуса. Предполагалось также проведение встреч с представительницами женских неправительственных организаций, которые, как предусматривалось, помогли бы мне разъяснить ключевые моменты в поставленных мной первоначальных исследовательских вопросах. Образ, который успел сложиться за первый месяц, характеризовался своей противоречивостью в первую очередь по той причине, что наррации женщин из неправительственных организаций и те, которые были услышаны на семейных кухнях, имели двойственную природу.

С одной стороны, наррации представительниц неправительственных организаций казались мне отстраненными, представленными не от своего имени, так как они говорили со мной главным образом не о своем личном опыте, а старались описать положение женщин в Грузии в общем, что было связано в первую очередь со спецификой их работы, которая предполагала создание коллективного субъекта, т.е. «грузинских женщин», и высказывание от их имени. С другой стороны, в беседах с ними прослеживался и другой мотив, который перекликался с мотивом высказываний самих «грузинских женщин», о которых мне как раз и стремились рассказать представительницы НПО, женщин, не вовлеченных в гендерную повестку, которых я встречала на протяжении своего пребывания в Грузии.

Ощущение двойственности после разговоров со всеми этими женщинами и натолкнуло меня на написание данной статьи, в которой в первую очередь хотелось бы обратиться к наррациям женщин из неправительственных организаций и понять, что та информация, которую они преподносили мне, говорит о них

1 Речь идет о грузино-абхазском конфликте, причиной которому стали межэтнические противоречия, приведшие к войне 1992–1993 гг.

2 Тема диссертации: «Позиция женщин в контексте социально-культурных изменений в Западной Грузии с перспективы антропологии питания».

самих, об отношениях, в которые они оказались вплетены, и об общей ситуации в стране, где такого рода отношения оказались возможными. Кроме того, я планирую неоднократно обращаться к опыту женщин, не связанных с работой в неправительственном секторе, – женщин разного происхождения. Обе эти перспективы, а также схожие моменты жизненного опыта этих женщин помогут, я надеюсь, понять природу двойственности в рисуемых ими картинах действительности.

Вместе с тем предлагаемая мной перспектива не может рассматриваться в качестве универсальной и отражать все возможные проявления сложной социальной структуры. Являясь антропологиней, я понимаю, что антропологический взгляд микроскопичен (Гирц 2004) и всегда есть место для множества интерпретаций, тем более что в ходе своего исследования я взаимодействовала с определенной группой. Кроме того, вероятно, многое мной просто не было услышано или сознательно замалчивалось собеседницами.

Моими собеседницами были гетеросексуальные женщины, не сомневающиеся в своей «женскости» и не ставящие разделение мира на мужчин и женщин под вопрос. В результате я имела дело с весьма определенным женским субъектом, который был привилегирован во многих смыслах. Кроме того, из моего исследования исключен ряд других возможных критериев, как, например, сексуальность и гендерная идентичность, появление которых могло привести к иным нарративам.

Как покажет представленный материал, именно специфика функционирования неправительственного сектора в постсоциалистическом регионе привела к тому, что многие женщины в определенном смысле оказались по разные стороны дискурсивного поля, так как работа части из них как раз и была связана с тем, что они обязаны были говорить от лица других, пытаясь найти финансирование для своих организаций с привлечением иностранных доноров и конструируя таким образом некого коллективного субъекта, характеристиками которого, как впоследствии окажется, они сами обладали, будучи все теми же «грузинскими женщинами». Именно это и являлось причиной двойственности, которая имеет свои функции и производит некоторое напряжение в дискурсивном поле. Функциональность может быть обусловлена в первую очередь социально-экономическими условиями, в которых оказалась Грузия и весь постсоветский регион, когда работа в неправительственном секторе представлялась многим хорошей возможностью трудоустройства со стабильным заработком, превышающим средние показатели по стране, что влекло за собой последующую адаптацию к предлагаемым к предлагаемым в этой сфере нарративам. В то же время цель данной статьи – обратить внимание на проблематичность распространения/применения универсализированного феминистского дискурса на конкретный локальный контекст. Я уверена, что эта проблематичность должна вызвать активные дебаты, в том числе по той причине, что в последнее

время она активно используется в политических дискуссиях, особенно тех, что связаны с функционированием НПО в отдельных странах Центрально-Восточной Европы. Осознавая это, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что предлагаемое противопоставление «обычных» женщин и женщин из НПО условно, и впоследствии в статье будут освещены моменты, когда видение теми или иными организациями и их целевыми группами определенных проблем в обществе совпадало, и я лишь намеренно в ряде случаев заостряю различия, полностью осознавая собственный стратегический эссенциализм.

Феномен «гражданского общества» в постсоветском контексте

Становится понятным, что данный анализ не обойдется без акцента на самом явлении гражданского общества, развитие которого стало одной из основных задач после распада Советского Союза. Эта идея начала активно поддерживаться западными донорами. Продвижение повестки извне, а также низовая потребность в ГО, вызванная появлением возможности для самовыражения в освободившейся от вмешательства прежней государственной власти с ее репрессивными методами контроля общественной сфере, привели к возникновению огромного количества неправительственных организаций, в том числе на территории Грузии, где дополнительным фактором стали войны в Абхазии и Южной Осетии в начале 1990-х с волной беженцев из этих бывших автономных республик и отдельной группой НПО и гуманитарных организаций, основной объем работы которых был направлен именно на эту уязвимую группу.

Западные антрополог_ини уже в 1990-х гг. стали обращать внимание на необходимость детального рассмотрения всего спектра взаимоотношений, которые выступают в практиках субъектов, вовлеченных в реализацию проектов, финансируемых западными донорами, отвергая односторонний позитивный взгляд на «проникновение» гражданского общества в бывший тоталитарный уклад (Phillips 2005; Hann and Dunn 1996; Rivkin-Fish 2000, 2004; Hemment 2004; Helms 2003; Fisher 1997; Abramson 1999; Lewis 1999; Turbine 2015). Несмотря на это, подходы и стратегии иностранных доноров и НПО-активист_ок продолжали следовать прежним парадигмам, отражающим цивилизационную логику существующих между ними отношений, которая предусматривала нескончаемые стремления Запада «модернизировать» восточного «недоразвитого» соседа и часто характеризовалась нечувствительностью в отношении к реальным социально-экономическим и политическим предпосылкам функционирования общества, где осуществляется реализация проектов. О причинах такой сознательной «слепоты», а также характере оперирования одолженным у западных доноров дискурсом и будет идти речь в данной статье.

Постсоветский «НПО-бум», как его назвала Филипс (Philips 2005: 493), характеризовался значительными финансовыми вливаниями в бывшие социалистические государства со стороны американского правительства, различных структур Европейского союза и таких меценатов, как Джордж Сорос, с целью ускоренного строительства демократии посредством построения местного гражданского общества. С этой целью в Восточную Европу направились (или же осуществляли свою поддержку дистанционно) эксперт_ки и консультант_ки, вдохновлявшие на создание все большего количества неправительственных организаций в регионе, среди которых был целый спектр женских организаций: женские правозащитные группы, гендерные think-tank, приюты для женщин, горячие линии для жертв насилия, кризисные центры, центры по оказанию помощи жертвам траффикинга и т.д.

Некоторые из этих организаций имели свои корни в такой официальной советской структуре, как женсоветы, другие же, наоборот, старались отгородиться от каких-либо связей с идеологией прошлого. Среди последних отдельную группу представляли женщины с академическими степенями, часто обучавшиеся в западных университетах и знакомые с феминистской академической литературой. Эти представительницы неправительственного сектора отличались достаточно высоким уровнем знания английского языка, много путешествовали, а потому их диалог с иностранными донорами оказывался наиболее успешным, что отражалось в стабильном финансировании их проектов (Hemment 2004: 822). Вместе с тем в связи с отсутствием возможности получения для реализации проектов ресурсов из локальных источников практически все женские организации в регионе оказывались зависимыми от иностранного финансирования, которое определяло будущее существование этих организаций, где для многих из их членов работа в рамках проектов была единственной занятостью в сложный переходный период. Бывая в Грузии с 2011 г., я часто сталкивалась с жалобами работниц и лидерок местных женских НПО на трудности получения финансирования для своих проектов, что являлось для них серьезной проблемой, сказывающейся на повседневном функционировании самих этих женщин.

В случае Грузии в этот период (это же можно было наблюдать и в других странах региона) происходило заметное сокращение финансирования, что явно ставило отдельные НПО на грань прекращения их существования и требовало лавирования в рамках реализуемых проектов с целью привлечения доноров. Об изменениях идейной парадигмы в рамках женских НПО в России упоминала и Хеммент, описывая пример работы одного из кризисных центров в Твери. По словам создательницы центра Октябрины, созданный в 1998 г. «Женский свет» выступал «под маркой» кризисного центра исключительно из прагматических соображений. Он занимался реализацией запланированных проектов в рамках зонтичной инициативы (Hemment 2004: 832) и таким образом практически не работал с вопросами, касавшимися домашнего насилия, а занимался акту-

альными потребностями местных женщин, концентрировавшимися главным образом вокруг материальных проблем. Впоследствии же, в начале 2000-х, работа кризисного центра все больше стала сосредотачиваться на разнообразных аспектах семейных отношений, куда уже было включено насилие со стороны членов семьи, на что, несомненно, повлиял целый спектр локальных факторов, среди которых Октябрина называла установку телефонной линии в их офисе, что сразу же позволило запустить телефон доверия (Hemment 2004: 833). Вместе с тем, будучи с очередным визитом в Твери, исследовательница встретилась с недовольством представительниц организации, выдвигавших претензии в отношении доноров, которые выражали неудовлетворенность работой «Женского света», его актуальными проектами и давили на организацию с целью переключения ее фокуса на вопросы торговли людьми (trafficking) (Hemment 2004: 834).

Отсюда можно сделать вывод, что зависимость от иностранного финансирования во многих случаях становилась причиной приведения программ локальных организаций в соответствие с либеральными идеями о содержании концепции гражданского общества и актуальными «продемократическими» дискурсами, переносимыми на восточноевропейский контекст, в чем местные актор_ки оказывались непосредственными ассистент_ками. Вместе с тем такое поведение последних нельзя назвать нерефлексивным, о чем свидетельствует тот факт, что те же работницы «Женского света», например, сами рассказывали исследовательнице о своих проблемах во взаимоотношениях с донорами.

В своей статье Наяк и Сачленд называли гендерное насилие и траффикинг гегемонными дискурсами неолиберализма. Исследовательницы вкладывали в это понятие идею о том, что в определении характера работы локальных организаций участвуют западные политические институции, навязывая свое понимание остальным актор_кам, из чего, как ожидается, должны следовать их конкретные действия: «...настоящие гегемонные практики неолиберализма и неоколониализма ограничивали понимание того, как должны выглядеть демократия и права человека до строго определенных форм и дефиниций, определяли допустимость действий, предпринимаемых во имя демократии и прав человека, а также параметры справедливости и политического участия» (Nayak and Suchland 2006: 470). Тверская организация «Женский свет» – лишь один из многих примеров такого взаимодействия. Вместе с тем понятия «гендерного насилия» и «насилия в отношении женщин», предлагаемые транснациональными группами адвокации, основываются на репрезентативности понимания гендерного насилия, которое исключает насилие в отношении мужчин и других маргинализированных групп (Nayak and Suchland 2006: 471–472), что не всегда находит отклик в локальном контексте. Это, в частности, наблюдалось на постсоветском пространстве, где как мужчины, так и женщины в равной степени ощущали себя жертвами тех или иных насильственных действий обеих систем – репрессивной советской и пришедшей ей на смену необузданной свободно-рыночной

экономики. Результатом этих навязанных сверху интерпретаций стали стратегии локальных актор_ок, которые в своих инициативах редко использовали такие термины, как гендер/гендерный либо феминизм, за что часто оказывались обвиненными в неправильном понимании (false consciousness) тех или иных явлений гендерной действительности (Suchland 2011: 850).

Проблемы с пониманием локального контекста

Часто глобальные акторы, выступавшие в качестве ключевых игроков в рамках реализации проектов и определявшие таким образом правила игры, оказывались не в состоянии учитывать локальную специфику и руководствовались универсальными представлениями о том, в чем люди в кризисное время ощущают наибольшую потребность. Не учитывался также такой ключевой фактор, как условия формирования гражданского общества, взращивание которого на местной почве в соответствии с западными либеральными идеалами ставилось в качестве первоочередной задачи, и отличие локальных условий от среды, в которой оно зарождалось первоначально. Как результат, превалирующее большинство неправительственных организаций на постсоветском пространстве возникало не как следствие определенных низовых потребностей, а под влиянием стремлений доноров стать первопроходцами на ниве зарождения гражданского общества в регионе (Ghodsee 2004: 739), что превращало на первый взгляд положительные намерения в навязанные извне механизмы воздействия.

Недавно возникшие местные НПО, что неудивительно, тут же оказались вплетенными в тесную систему взаимоотношений как с донорами, так и с другими транснациональными организациями, отрываясь таким образом от локального контекста и забывая о потребностях, которые члены этих НПО, возможно, еще совсем недавно сами испытывали, и идеалах, руководимых ими на начальном этапе ангажирования в работу организации. В результате создавалась новая биполярная система взаимоотношений, оба полюса которой на этот раз находились в пределах одной страны. Один из них был представлен активист_ками НПО, а второй – большинством граждан_ок, не ощущавшим, что их интересы учитываются в проектной деятельности третьего сектора.

Хотелось бы, однако, нюансировать мои предыдущие утверждения в том, что представленная биполярность достаточно условна и, без сомнений, имеет отношение к конкретному исследовательскому полю. Как Годси, так и другие автор_ки приводили примеры ограниченного круга организаций и двусторонних отношений, которые представляют НПО, работающие с определенными темами и финансируемые фондами, что имеют схожие с ними представления и идеологию.

Критика такого биполярного подхода была представлена Элиссой Хелмс в книге «Theorizing NGOs». Исследовательница на примере послевоенной Боснии

и Герцеговины писала о том, что в конце 1990-х именно ОБСЕ стало основным инициатором переключения внимания иностранных доноров на внутренние процессы в стране в рамках реализуемых ими проектов (Helms 2014: 25). В этот период местные НПО стали ассоциироваться у населения со всем западным, подразумевающим многие современные атрибуты, включая космополитичность, права человека, а также вполне материальные вещи, такие как мобильные телефоны, компьютеры, красивые офисы, а также банальную хорошо оплачиваемую работу (Helms 2014: 27, 30). В реальности же, если говорить о функционировании именно женских НПО, они в полной мере отличались своим разнообразием и в разной степени затрагивали вопросы изменения гендерных норм, которые в зависимости от организации понимались по-разному, продвижения женских прав и феминизма (также интерпретируемого по-разному). Были среди этих организаций и такие, которые помощь другим женщинам совершенно не связывали с необходимостью ликвидации патриархатного гендерного порядка и уж тем более не приписывали себе принадлежность к феминистскому движению. Группы же, характеризовавшие себя как феминистские, приобретали такую направленность под влиянием отдельных своих активисток, часто имевших твердую политическую и феминистскую позицию, а также личных контактов с другими активистками и донорами (Helms 2014: 30–31). Хелмс называла такое функционирование женских НПО в стране смесью стилей, утверждая, что все намного сложнее, чем простое приписывание одним лишь донорам и международным агентствам решающей роли в продвижении неправительственных организаций в регионе. Упрощением является также представление о НПО как о чем-то гомогенном, тогда как только в одной Боснии и Герцеговине исследовательница наблюдала разнообразие форм организации женщин, видение которых иногда кардинально отличалось. То, что неизменно присутствовало, это номинальное декларирование принадлежности к главной группе «агентов социальной трансформации», что обеспечивало их финансированием со стороны иностранных институций.

Это свидетельствует о многообразии отношений в неправительственном секторе всего постсоциалистического региона, и понятие бинарности, которое я использую в данной статье, носит скорее стратегический характер.

В среде женских НПО данная поляризация прежде всего находилась в тесной взаимосвязи с финансированием одних проектов и отсутствием средств на реализацию других, когда доноры отдавали предпочтение идеям, предлагаемым феминистскими группами либеральной направленности, и отвергали проекты традиционалистских женских организаций, искавших, например, средства на обучение женщин новым профессиям (McIntosh Sundstrom 2002: 222). Ключевую роль здесь стал играть именно глобальный актор, которого Майндри охарактеризовала как транснациональная гендерная политика, в основе своей оперирующая понятиями власти, определяющими, какие женщины заслуживают,

а какие не заслуживают поддержки (Mindry 2001). Антропологиня Онг, опиравшаяся при анализе ситуации на данные исследований из Индонезии, Китая и Малайзии, использовала менее радикальные утверждения, отмечая, что главной ошибкой глобальных актор_ок, руководствующихся по своей сути конструктивными стремлениями оказания помощи, является в первую очередь игнорирование локальной специфики и культурных ценностей людей «не-запада» (Ong 1996), а также рассматривание всех локальных актор_ок в качестве однородной группы, какого бы мирового региона это ни касалось. Такая нечувствительность в результате могла оказаться причиной игнорирования реальных потребностей людей в конкретном регионе, когда средства вкладывались в сферы, не считавшиеся приоритетными в понимании местных житель_ниц.

В своем исследовании, посвященном работе гуманитарных организаций в Грузии с временно перемещенными лицами из Южной Осетии после последнего конфликта в 2008 г., Элизабет Данн приводила множество примеров, когда НПО не оказывались теми, кто прислушивается к реальным потребностям нуждающихся групп, а лишь использовали «готовые модели, разработанные ранее в штаб-квартирах НПО в субсахариальной Африке или юго-восточной Азии» (Dunn 2014: 298). Следствием такого подхода становились совершенно неуместные проекты, реализовывавшиеся в Грузии в лагерях с временно перемещенными лицами. Так, один из них предусматривал реализацию программ поддержки женщин по кормлению грудью в качестве ответа на предположение, что война станет причиной отказа местных женщин от грудного вскармливания (к этому прибавлялась также помощь в виде детских смесей от американских военных). Предполагалось (и это действительно могло иметь место в некоторых других регионах мира), что в кризисных ситуациях ввиду отсутствия чистой проточной воды, с которой должно смешиваться детское питание, такой вид кормления мог стать причиной серьезных заболеваний младенцев. Однако в Грузии, стране с длительной историей индустриализации, где чистая проточная вода не была проблемой, как не был проблемой и доступ к детским смесям, использовавшимся наравне с практикой кормления грудью, во введении данных программ не было никакой необходимости, чего нельзя было сказать о постоянном доступе к докторам и медикаментам, в которых временно перемещенные лица действительно нуждались и с чем действительно имелись проблемы (Dunn 2014: 298).

Это один из примеров, приводимых Данн и позволяющих представить, какая атмосфера имела место в лагерях для беженцев. В то же время апатия, в определенной степени являвшаяся причиной оставляемых без ответа нужд временно перемещенных лиц, работни_цами гуманитарных организаций оценивалась как лень и отсутствие желания к сотрудничеству (Dunn 2014: 299), что тут же было подхвачено грузин_ками, работающими в неправительственных организациях, которые отмечали, что такое поведение бежен_ок-грузин_ок из Южной Осетии

объясняется спецификой их характера, а именно их пассивностью и флегматичностью (Dunn 2014: 300). Эти их черты, по мнению обеих сторон (доноров и активист_ок), являются причиной бездействия и постоянного недовольства целевой группы проектов, которая не ценит оказываемую помощь по улучшению положения в лагерях и не пользуется в полной мере предлагаемыми возможностями, среди которых, конечно же, присутствуют стратегии по наделению властью – хорошо всем известное «empowerment» – местных женщин. Посредством приписывания якобы характерных определений одному из участников этих трехсторонних отношений, а именно так называемым бенефициариям, они оказывались лишенными права голоса, а значит, и права озвучивать/называть/оценивать/критиковать/выносить на обсуждение, оказываясь в ситуации украденной у них агентивности («robbed agency», Dunn 2014: 300).

Локальный контекст прежде всего

В этом контексте понятными становятся рассуждения, ведущие к обвинению локальных актор_ок в пассивном принятии иностранных материальных средств в качестве само собой разумеющихся, и объяснения неудач в ходе реализации определенных проектов «советским мышлением» целевых групп, которое якобы не позволяет им принять предлагаемый «прогресс». Однако именно опыт советского периода во многом определяет нынешние взгляды части житель_ниц региона, влияющие на восприятие предлагаемых извне нововведений. И здесь антропологическая перспектива может помочь в понимании того, как именно люди интерпретируют советское наследие, как его утилизируют в новых условиях и каким видят свое место, а также как в связи с этим представляют реализацию предлагаемых иностранными актор_ками проектов.

Несмотря на неоднозначные оценки эмансипационной политики советских властей, нельзя отвергать того факта, что со вступлением в силу ряда законов, которым сопутствовал тотальный контроль со стороны соответствующих структур, положение женщин во многих регионах Советского Союза существенно изменилось. Достаточно упомянуть их массовый приход в производство, что, несомненно, шло в паре с двойной занятостью. Оценки моих грузинских собеседниц своего советского опыта (и в моем случае это были как активистки неправительственных организаций, так и женщины, не вовлеченные в такую деятельность) характеризовались, однако, достаточно позитивным отношением к своему месту на рынке труда в то время, когда ситуация во многих случаях кардинально ухудшилась именно с распадом системы. Вспоминая свой прошлый опыт, собеседницы практически единогласно подчеркивали отсутствие, по их мнению, различий в трактовании человека на рабочем месте в связи с ее/его полом.

Были случаи, когда женщины достигали высоких должностей, в том числе в партийных структурах, как, например, мои собеседницы Нана и Нанули, в настоящее время работницы неправительственного сектора, которые в своих рассказах о восхождении по партийной лестнице – первая была секретарем партийной организации в Институте древней истории Грузинской Академии наук, а вторая секретарем комитета комсомола – выражали уверенность в развитии своей карьеры в результате справедливых выборов и не приписывали ее существовавшей в тот период системе квот. Свою уверенность в функционировании системы грузинки часто подкрепляли замечанием, что их страна отличается от других тем, что в Грузии равенство полов было «естественным» явлением, отвергавшим любые предпосылки к дискриминации, доказательством чего являются многочисленные грузинские княжны и царицы, появлявшиеся на всем протяжении истории региона. Кроме того, многие собеседницы были уверены, что после распада СССР «Грузию спасли женщины на своих плечах» (Ия, историк по образованию, Тбилисская НПО), зачастую работая больше по сравнению с мужчинами и полностью содержа собственные семьи.

В связи с такой оценкой реальности либеральный дискурс западных организаций о необходимости освобождения женщин в постсоветских странах и предоставления им прав не всегда находил отклик в грузинском контексте. Здесь женщины как никто другой чувствовали себя участницами процесса трансформации, которому предшествовал советский опыт эмансипации с его доступностью образования и возможностью заниматься карьерой, что в последующий период не отодвинуло этих женщин в сторону, а, наоборот, позволило активно включиться в экономические процессы, имевшие место в обществе. Вместе с тем данное положение вещей не исключало статуса этих женщин как жертв новой системы, которая пришла на смену советского проекта с его, пусть и ограниченными, социально-экономическими благами, возможностью свободного трудоустройства и профессиональной реализации с учетом общедоступности, например, детских дошкольных учреждений.

Расхождения в понимании гендерной дискриминации иллюстрируют данные другой постсоветской страны, а именно России. В своей статье Макинтош Сандстрем ссылалась на данные опроса 2001 г., проведенного в Москве, где на вопрос, какие группы в обществе испытывают на себе наибольшую дискриминацию, только 2,8% опрошенных согласились с утверждением, что этой группой являются женщины (McIntosh Sundstrom 2002: 224). За десять лет исследований среди российских женщин Макинтош Сандстрем часто слышала от респонденток, что именно они считают себя более сильными и способными по сравнению с мужчинами, отвергая наличие дискриминации по отношению к ним (McIntosh Sundstrom 2002: 223).

С похожей наррацией в ходе исследования столкнулась Хеммент, только в ее случае респондентками были сами НПО-активистки, работавшие с вопросами

гендерного насилия. Некоторые из ее собеседниц отрицали взгляд на насилие в отношении женщин как на наиболее актуальную проблему, затрагивающую российских женщин, и не разделяли идеи об инвестировании в нее такого большого количества средств со стороны западных доноров (Hemment 2004: 823). Наиболее актуальными, с точки зрения женщин региона, – и этот аспект занимает также ключевое место в моих исследованиях – являются системные социально-экономические проблемы, затронувшие после распада социалистического строя в равной степени и мужчин, и женщин, но именно женщины, как впоследствии оказывалось, во многих случаях более успешно справлялись с ними.

Согласно статистическим данным по Грузии, 39% женщин являются основными кормилицами в их семьях, и, для сравнения, роль кормильцев возлагают на себя 36% мужчин (Japaridze 2014: 104). Часть мужчин не смогла найти своего места в условиях новой экономической реальности и в отличие от грузинских женщин не так часто искала возможность открыть собственный бизнес или же найти работу в новой для себя сфере. Грузинки же оказывались более мобильными (статистика по стране говорит, например, о феминизации миграции с целью заработка), готовыми на кардинальные изменения профессии и согласными на работу на более низких должностях за меньшую зарплату. На протяжении своего исследования я многократно встречала десятилетиями не работающих мужчин и активных женщин, часто имевших несколько работ одновременно.

Эмблематичным является случай семьи Майи, которая после успешного удаления у нее опухоли в начале 1990-х на долгие годы стала основной кормилицей в их нуклеарной семье (следует отметить, что ее семья составляет часть расширенной семьи, куда входит многодетная семья брата ее мужа вместе с матерью семейства и незамужней сестрой обоих братьев), тогда как ее муж более десяти лет не имел постоянной работы, объясняя это в том числе тем, что не может устраиваться на должность, не соответствующую его основной специальности. Майя же, сохраняя за собой должность учительницы в средней школе, постоянно старалась заработать дополнительные средства, будь то выпечка пирожков, которые женщина впоследствии продавала в школьной столовой, или проведение тренингов для учителей в разных городах Грузии. Пример Майи, многих других собеседниц, а также тех, с кем мне не довелось встретиться, но данные о которых отражены статистикой, свидетельствует о том, что в грузинском контексте именно женщины выступали теми социальными акторками, которые смогли быстрее адаптироваться к новым условиям и взяли на себя полную ответственность по обеспечению собственных семей самым необходимым. Вместе с тем сами женщины не приписывали вину за сложившуюся ситуацию исключительно одним мужчинам. Для них такая ситуация являлась лишь симптомом комплексной проблемы, с которой столкнулись они, их семья и вся страна. Ряд исследовательниц региона также обращали внимание на этот аспект постсоци-

алистической действительности, отмечая, что как женщины, так и мужчины в равной степени оказались затронуты негативными последствиями трансформации, однако женщины, как это было, например, в случае Болгарии и ее Черноморского побережья, о которых писала Годси в «The Red Riviera», предстали более адаптированными индивидами, сохранив и укрепив за собой позиции в сфере обслуживания в туристической индустрии после распада соцлагеря.

Задача выживания постсоциалистических семей, легшая на женщину, решение которой зависело от ее способности найти работу, как утверждает Киблитская (2000), имела свою генеалогию в предыдущих эпохах и формировалась под влиянием рабочей этики, навязываемой женщинам советским государством. И, несмотря на то что с течением времени понимание этой ситуации претерпевало изменения, к переходному периоду сформировалось отношение женщины к работе за пределами дома как к ее неотъемлемой обязанности, не зависящей уже от позиции государства по этому вопросу. Ее основной мотивацией было поддержание собственной семьи, которую как раз и оставило то самое государство, а также, в некоторых случаях, отсутствие работы у трудоспособных мужчин данной семьи. Такое отношение к семейным потребностям толкало женщин на активные действия и адаптацию на рынке труда, что иногда приводило к новым, достаточно успешным карьерам (Kiblitskaya 2000: 55). И мои грузинские примеры в полной мере соответствовали этим наблюдениям исследовательницы.

Одолженные наррации

Представленная выше оценка ситуации идет вразрез с картиной грузинской постсоветской действительности, которую мне рисовали некоторые из активисток неправительственного сектора. Важным моментом их высказываний являлась однозначная отрицательная оценка социального положения женщин, констатирующая его патологический характер ввиду отсутствия трудовой активности со стороны грузинских мужчин. Хатуна, занимающаяся оказанием помощи жертвам траффикинга: «Труднее женщинам, чем мужчинам. Мужчины уезжают [речь идет о миграции с целью заработка], но реже. Женщинам легче найти работу… Мужчины не хотят работать, но они громко не говорят, что не хотят. Наверное, не хотят. Им легче так жить». Вместе с тем другие мои собеседницы, не принадлежащие к неправительственному сектору, не считали исключительно грузинских мужчин лично ответственными за эту ситуацию. Такое поведение последних интерпретировалось как всеобщая проблема, являющаяся лишь симптомом того неблагоприятного периода, в котором, как считалось, они все оказались.

Еще одним примером патологизирующей интерпретации стал разговор с представительницей организации из Зугдиди Экой. Прежде чем обратиться к

словам женщины, следует подчеркнуть, что регион Самегрело, столицей которого является Зугдиди, в наибольшей степени по сравнению с другими ощутил на себе последствия конфликта с Абхазией, граничащей с Самегрело, в начале 1990-х. В связи с этим общая ситуация здесь несколько отличается от общегрузинской. Вместе с тем статистические данные по стране не указывают на какие-либо существенные отличия этого региона. Например, случаи насилия в отношении женщин (факт, который использует Эка), согласно данным по региону за 2007 г., существенно ниже по сравнению с общими показателями по стране (Women and Men in Georgia 2008: 52). Позволю себе привести развернутое высказывание Эки: «Многие женщины, которых я знаю, сидят дома на протяжении более 15 лет. У них появились серьезные заболевания, в том числе депрессия. И многие из них стали полагать, что одна стирка и уборка, воспитание детей – это очень хорошо. Но знаете, в то же самое время, готовя и убирая каждый день, 25-летние женщины выглядели как 65-летние. Они начали выходить замуж в очень раннем возрасте, потому что у них не было других вариантов. Они не были знакомы со своими мужьями достаточно хорошо: они просто один раз встречались и решали выйти замуж. Нам известно много случаев домашнего насилия… В семье ты, женщина, молчи, ничего не говори. Не обязательно ходить в школу, читать не обязательно… В семье отец говорит, что ты все время должна сидеть дома и ты имеешь право выходить из дома только два раза – если кто-то умер и если свадьба. Если ты разведенная, они говорят, что ты должна умереть в семье, ты должна терпеть все… В Зугдиди каждый день каждая сидит дома, у них нет столько потребностей».

Ряд фактов, приводимых Экой, следует подвергнуть сомнению, как, например, о договорных браках. Само явление договорного брака было характерно для грузинских регионов вплоть до начала XX в. Беседуя с женщинами, я иногда встречала истории о договорных брачных союзах, но касались они женщин, рожденных самое позднее в 1950–1960-х гг., и не распространялись на более молодое поколение. Спорным является утверждение и об утрате значения образования для молодых грузинок, так как Грузия все время имела высокие показатели по уровню высшего образования среди женщин, установившиеся еще в советский период, что, однако, не всегда было связано с высокими доходами и высоким социальным статусом в обществе. Сам же образ бесправной грузинки в семье, каким он был нарисован моей собеседницей, в своей основе больше напоминает портрет американки, представленной Бетти Фридан в ее «Загадке женственности», нежели современной жительницы Грузии, пусть и в постконфликтном Самегрело.

В связи с данными аргументами я склонна предполагать, что наррации, которые предлагают представительницы неправительственных организаций, являются своего рода *одолженными наррациями*, взятыми у либерального феминистского дискурса с целью нахождения общего языка с их донорами. А так

как для них я также являлась своего рода человеком извне, в беседах со мной была избрана стратегия представления образа всесторонне угнетенной женщины и своевольного грузинского мужчины-патриарха. Будучи зависимыми от иностранных доноров и их средств, локальные НПО перенимали их язык и концепции, с помощью которых они стремились интерпретировать собственное общество (Sampson 1996: 125), конструируя некий коллективный субъект и предполагая, что только такими средствами возможна трансформация, забывая, однако, о разнице контекстов.

Как и в других постсоветских странах, в Грузии группа хорошо образованных местных женщин, часто из академической среды, постоянно выезжавшая за границу с целью участия в организуемых донорами обучающих семинарах, свободно владевшая английским языком, за короткий период времени превратилась в своеобразную элиту в рамках неправительственного сектора. Адаптация ими либерального дискурса о женских правах и разрыв с использованием локальных понятий, в свою очередь (Hrycak 2006: 97), тут же отдалили их от опыта и потребностей многих женщин, на которых по сути должна была быть направлена их деятельность.

Большая грузинская семья как объект критики грузинских НПО

Вооружившись знаниями о том, какой должна быть «современная empowered (определение, при переводе которого до сих пор возникают трудности) женщина», международной публичности можно представить образ постсоветской женщины-жертвы, положение которой после краха прежней системы существенно ухудшилось. Одной из причин этого представительницы женских НПО называли локальные практики, которые они характеризовали как проявление традиционализма, однозначно носившее, по их мнению, окраску угнетения, что вписывалось в дихотомию традиционный vs модерный, разделяемую их заграничными партнерами (Abramson 1999).

Одной из таких практик Хатуна, представительница НПО, назвала совместное проживание нескольких поколений родственников, т.е. расширенный тип семьи, распространенный в Грузии: «И знаете, в грузинских семьях у нас традиция такая, что большие семьи у нас: родители, предки, и все вместе живут. Вот всем этим занимается уже одна женщина, например невестка. Им трудно уже со столькими людьми справляться. И они бегут от своей жизни, тяжелой жизни, нелегкой… У нас в основном все молодые семьи живут с родителями. Нет возможности жить отдельно… И семейное насилие как раз идет от этого. Семьи живут табором – это уже не семья».

Образ расширенной семьи и положения в ней женщины, нарисованный НПО-активисткой, представляет однозначно подавляющую природу отно-

шений, которые имеют место в таких семьях. Однако если действительно возможны ситуации, когда на одной женщине лежит груз исполнения всех работ по дому, то такое положение вещей скорее всего характерно для нуклеарных семей. В случае же расширенной семьи, что предполагает ее характер, в доме обычно проживает большее количество женщин – мать, дочь, бабушка, незамужняя сестра, между которыми и происходит разделение работ по дому.

Для понимания взаимоотношений, что имеют место в расширенной грузинской семье и которые Хатуна описала как устаревшие и патриархатные, необходимо понимать механизмы ее функционирования на уровне всего общества. В случае Грузии расширенная семья стала ответом на неспособность нового государства обеспечить стабильный уровень социально-экономического функционирования после распада социалистической системы. Именно родственные отношения и персональные связи, которые имеют место в расширенной семье, создали условия для преодоления трудностей и поддерживали прежнюю репродукцию, не позволив восторжествовать социальной энтропии, предпосылки к которой в стране явно существовали в начале 1990-х гг. Сконцентрированность грузин_ок на семье и родственных отношениях позволила людям справиться с трудностями переходного периода и поддерживает многих из них до сих пор; расширенный тип проживания родственни_ц, а также тесные контакты с соседями и ближайшим окружением становятся гарантом утраченной стабильности.

Распространенной становится работа на себя, в последнее время ставшая одним из часто встречающихся способов зарабатывания средств. По статистике шесть из десяти человек работают сами на себя или же являются семейными работни_цами (Baumann 2012: 264). Вместе с тем повсеместными становятся стратегии самообеспечения, выражающиеся в том, что более половины трудоспособных грузин_ок питаются овощами и фруктами собственного производства, что в два раза превышает данные советского периода (MacPhee 2005: 144). Однако многим технологический уровень такого производства позволяет рассчитывать лишь на обеспечение собранным урожаем собственной семьи и, в некоторых случаях, ближайших родственни_ц. При этом последнее не сопряжено с финансовой выгодой и часто осуществляется на бесплатной основе. В ситуации, когда государство оказывается неспособным взять на себя ответственность в сфере социального обеспечения, происходит реактивация межличностных связей, приоритет начинает отдаваться персональным контактам и непосредственной коммуникации, способным как создать условия для частных бизнес-коалиций, так и заменить отсутствующие отношения «человек – государство» на интимные, родственные союзы, способные дать чувство уверенности и нужности.

Потоки людей, которые проходят на протяжении всего дня через конкретный грузинский дом (и здесь под словом «дом» я понимаю не определенную постройку,

а семейную структуру со всеми ее правилами, распорядком дня, членами семьи), характеризуют не только родственный компонент, но также определенный уровень более расширенных межличностных отношений. Принимающую сторону отмечает чувство обязательства принять любого, несмотря на отношение к человеку и материальные возможности. Со стороны гостей существует четкое понимание того, в какое время и в какую именно семью они могут прийти, где им может быть предложен обед (если такая цель первоначально преследовалась). Для подобного рода отношений в грузинском языке существует специальное слово – «pativiscema», которое означает приглашение человека в гости, являющееся само по себе знаком уважения и предусматривающее впоследствии своего рода ответные действия со стороны гость_и. Таким образом, данное выражение имеет два значения, присутствующих одновременно: уважение и выгода. Похожий смысл содержится также в выражении «valshi ar darche» – «не быть в долгу», смысл которого: попытаться сделать/дать что-то взамен человеку, оказавшему тебе определенную услугу (из беседы с грузинской коллегой).

В такой вплетенности грузин_ок в обязательства по отношению к оказавшим тебе услугу, а также между людьми, имеющими родственные связи, в добровольном принятии на себя отношений зависимости можно заметить параллель с функцией семьи и околосемейных институтов в советское время, когда сосредоточение на семье и отношениях, имеющих в ней место, давало возможность отгородиться от репрессивной политики государства, сконцентрировавшись на потребностях этой небольшой социальной единицы (Tarkowski 1994). Благодаря тесным семейным и родственным контактам люди имели возможность доступа к труднодоступным товарам, желаемой должности, а также просто-напросто находили в семейных отношениях отдушину в условиях неопределенности вовне. Семья для многих стала прообразом убежища, в котором можно было отгородиться от «большого» мира и жить в своем небольшом пространстве, где те или иные товары, продукты питания курсировали по каналам знакомых, и ты четко знал, к кому следует обратиться, чтобы получить все необходимое; когда ты был в курсе, кого следует попросить, чтобы тво_я родственни_ца получил_а работу или путевку в санаторий. Но что существенно в сегодняшнем контексте, так это тот факт, что современная грузинская семья, как расширенная, так и нуклеарная, даже в условиях отделения от остальных родственни_ц в жилищном плане поддерживает с ними тесные отношения, сохраняя характеристики семьи-убежища. В нынешних нестабильных социально-экономических условиях семья остается тем институтом, который дает ощущение стабильности как в моральном плане, так и в его материальной составляющей. Люди по-прежнему стремятся окружить себя целым рядом отношений как родственного характера, так и на уровне соседей, что в случае необходимости позволит обратиться к ним с той или иной просьбой, а это, в свою очередь, культивирует у людей чувство обязательства по отношению к окружающим. И хотя сами грузин_ки в беседах неоднократно

отмечали, что чувство того, что ты можешь обратиться к человеку с любой просьбой, ушло по причине ухудшения положения в стране и сменившего его ощущения недоверия между людьми, я неоднократно была свидетельницей того, как сосед_ки либо друзья делились друг с другом теми или иными продуктами питания, родственни_цы передавали близким часть собственного урожая слив, из которого получившая подарок семья могла приготовить, например, соус ткемали на весь следующий год для домашнего потребления и крупных застолий.

Расширенная грузинская семья вне зависимости от существующего политического режима находила возможность укореняться в системе социально-экономических отношений прежде всего благодаря стремлениям входящих в нее людей, которые видели в поддержании существующих отношений иногда единственную возможность справиться с трудностями по ежедневному обеспечению себя всем необходимым. Современные же разделившиеся нуклеарные семьи характеризуются стремлением поддерживать эти отношения, способные заменить прежнее функционирование в рамках расширенной семьи, дополнительно окружая себя сетью взаимосвязей с сосед_ками, друзьями и дальними родственни_цами. И здесь взаимоотношения, которые строятся между женщинами, выступают неотъемлемым элементом функционирования строящейся на взаимопроникновении родственными связями системы. Не всегда, даже будучи связанными биологическими узами, в расширенных семьях женщины строят отношения на основании эмоциональных связей и моральных обязательств. Стабильным компонентом их повседневного функционирования становится разделение обязанностей по дому между женщинами в зависимости от наличия у них свободного времени, забота о детях друг друга, эмоциональная поддержка, которая создает чувство уверенности в том, что ты не должна справляться со всем одна. По причине сопричастности к жизни грузинки целой группы женщин для нее становится реальным совмещение воспитания детей и профессиональной деятельности без какого-либо существенного ущерба для нее и ее семьи.

Такие заключения являются результатом моих наблюдений во время проживания в расширенной семье на протяжении достаточно длительного периода времени в ходе полевых исследований. Все они свидетельствуют о семья-центричном характере грузинского общества, где часто именно семья для женщины выполняет эмансипаторские функции, что само по себе исключает представление грузинской женщины о себе как об **автономном индивидууме**, так как на каждом этапе жизнь грузинки переплетается с целым рядом других социальных актор_ок, которые непосредственно оказывают влияние на ее повседневное функционирование и от которых она зависит. Привержен_ками же данного концепта (нео)либерального феминизма как раз и являются отдельные международные организации, пришедшие в регион после распада социалистической системы и утверждающие необходимость продвижения здесь женских прав и наделения местных женщин властью в соответствии с собственными представ-

лениями. Его в свою очередь охотно перенимают местные НПО, общаясь с первыми на одном языке и часто не обращая внимания на то, что им о самих себе говорят другие женщины.

Еще несколько слов об одолженных наррациях

Вместе с тем наряду с одолженными наррациями среди женщин, представительниц грузинских НПО, можно заметить присутствие нарраций, которые они разделяют со многими женщинами, что указывает на схожий опыт обеих групп и искусственность заимствования нарраций. Примером такого согласия является дискурс об абортах, которые в советский период были основным средством контроля фертильности среди женщин. В рамках проекта Магдалены Грабовской «Осколки свободы: активная субъектность женщин и гендерное равенство в социалистической Польше и Грузии», в котором я принимала участие до основного этапа собственных полевых исследований, в беседах с женщинами, в том числе с представительницами неправительственных организаций, часто появлялось упоминание о прерывании беременности, иногда неоднократном. Подчеркивая важность выбора женщины, многие собеседницы говорили о трагизме такого решения, так как считали эту процедуру однозначным убийством неродившегося ребенка.

О похожих наррациях в среде российских активисток, участвующих в борьбе женщин за репродуктивные права, писала Ривкин-Фиш (2004). Для ее собеседниц активизм состоял главным образом в поддержке идей планирования семьи и сексуальном образовании, которые, по их мнению, смогли бы повысить уровень национального здравоохранения и поддержать моральные ценности традиционной семьи (Rivkin-Fish 2004: 282). Как отмечала одна из собеседниц исследовательницы: «Мы не отрицаем материнства!», добавляя, что аборт – это в первую очередь большая потеря для женщины, а не выбор (Rivkin-Fish 2004: 287). Осуждающие высказывания в отношении абортов со стороны грузинских женщин, в том числе из неправительственного сектора, также свидетельствуют о травматичности для них такого опыта, в первую очередь связанного с нереализованным материнством, которое само по себе играет важную роль в семьяцентричном габитусе грузинки.

Данные примеры подтверждают наблюдения Годси и Боровой о том, что в постсоциалистических реалиях либеральная риторика «pro-choice» не всегда срабатывала, так как ее введению предшествовало определение аборта как социальной необходимости в советский период ввиду, например, отсутствия средств на воспитание еще одного ребенка либо отсутствия возможности совмещения работы и материнства, что отличалось от вновь предложенного определения прерывания беременности как права женщины (Borovoy and Ghodsee 2012: 160–161). И, несмотря на то что риторика «pro-choice» была знакома в кругах непра-

вительственных организаций и озвучивалась местными феминистками, она так и не превратилась в слоган более широкого социального движения (Borovoy and Ghodsee 2012: 161). По крайней мере, не в таких странах, как Россия и Грузия. В качестве исключения можно упомянуть Польшу, где аборты так и не были полностью легализированы, а значит, местные женщины могли ощущать существование угрозы своим базовым правам. В этом контексте понятными становятся рассуждения собеседниц Ривкин-Фиш, для которых активизм рассматривался не как борьба за индивидуальные права женщин, а являлся частью социальных стремлений женщин как группы и касался вопросов здравоохранения и надлежащей атмосферы для воспитания будущих детей.

Все это указывает на выборочность в адаптации либеральных нарраций со стороны представительниц НПО, свидетельствующую прежде всего о функциональной природе таких стратегий. В то же время они продолжают одалживать наррации, предлагаемые им некоторыми западными донорами с целью «модернизации» Востока и продиктованные представлением о грузинском обществе как о патриархатном, где женщины рассматривались постоянно карабкающимися «вверх по ступеням модернизма»: начиная от традиционного общества к советской модели и заканчивая образом западной освобожденной женщины (Шакирова 2005). Данная «ловушка», в которую попали активистки местных НПО, а также сами западные доноры, свидетельствует о том, что нерефлексивное заимствование либеральных феминистских нарраций может оказаться неэффективным и требуется разработка новых стратегий активизма, которые бы опирались на детальное изучение всех аспектов функционирования общества, включающее большее внимание к голосам женщин разных возрастов и социального положения, в чем антропологическая перспектива может оказать непосредственную помощь.

Заключение

Как уже упоминалось, антрополо_гини, занимающиеся исследованием постсоветского региона, уже в конце 1990-х гг. в своих работах обращали внимание на важность антропологической перспективы при анализе эффектов деятельности международных актор_ок, изучающих адаптацию западных либеральных моделей гражданского общества в регионе. Вместе с тем на практике имело место дальнейшее игнорирование локальной перспективы при реализации все новых и новых проектов. «True empowerment» (здесь ассоциации с названием брошюры «True empowerment of women in the public sphere in Georgia», появившейся в 2014 г. как следствие начала реализации проекта польскими НПО), предложенное западными донорами и тут же подхваченное местными НПО, как оказалось, не имело ничего общего с его пониманием локальными актор_ками, которые источники власти женщины неизменно наблюдали именно в стабиль-

ности функционирования собственного дома, что не отвергало параллельной ее реализации за его пределами.

Феминистскую теорию долгие годы характеризовало представление об универсальности гендерной иерархии вне зависимости от контекста, а также гендерная асимметрия, предписывающая западноевропейским женщинам и колониальным представительницам разные роли, что лишало колониальный субъект возможности построения собственной позитивной идентичности (Tlostanova, On post-soviet: 6). Еще в 1984 г. Чандра Моханти писала о том, что в западных феминистских текстах того времени женщины «третьего мира» выступали в качестве монолитного субъекта, характеризуя западную научную мысль как этноцентричную и опирающуюся на ложное понимание вклада этой мысли, что в свою очередь вело к угнетению женского субъекта в других географических контекстах (Mohanty 1984: 333, 335).

Деколонизация же гендерного подхода предполагает повторное рассмотрение традиций, ассоциировавшихся с патриархатным порядком, унижением, отсталостью, невежественностью и отсутствием когерентной гендерной субъектности (Tlostanova, On post-soviet: 6), и предусматривает использование локальной перспективы для анализа содержания гендерных практик. Это может стать началом процесса по деколонизации образа постсоветской женщины, который варьируется в зависимости от локального контекста и социально-экономических условий. Первостепенным в данной перспективе является использование критического подхода, который бы принимал во внимание локальный контекст и находил параллели с уже существующими концепциями, что дало бы возможность найти новый интердисциплинарный язык для выражения иного гендерного мышления (Tlostanova, On post-soviet: 13).

Вместе с тем я отдаю себе отчет в том, что в современном контексте создание очередной дихотомии – в данном случае местные женщины vs западный либеральный феминистский дискурс – становится достаточно проблематичным и сенситивным элементом настоящей статьи. Такое противопоставление некоторыми может быть интерпретировано как поддержание паники и атмосферы враждебности вокруг деятельности НПО, на что оказывают влияние тенденции, наблюдаемые в современной России, Венгрии и Польше, и характеристика связей последних с международными партнер_ками как вражеских по отношению к собственному государству.

Дебаты вокруг деятельности неправительственных организаций в этих странах (куда можно отнести также последние события вокруг Центрально-Европейского университета в Будапеште) приобретают явно политизированный характер, а аргументы, используемые в этих дебатах, могут напоминать отмеченное мной разделение на элиты, находящиеся под влиянием западных доноров, и локальных индивидов, на чьи насущные потребности они отказываются обращать внимание, будучи поглощенными собственными материальными ин-

тересами. Однозначно не преследуя своей целью поддержание паники по поводу существования неких глобальных западных сил, которые якобы стремятся контролировать локальных актор_ок посредством имеющихся у них материальных ресурсов, я в первую очередь пытаюсь обратить внимание на двойственность дискурса, существующего в грузинских неправительственных кругах, и его соотношение с другими наррациями, присутствующими в обществе, опираясь на инструментарий, который имеется в распоряжении у антрополог_инь, а также предлагаю анализ стратегии поведения НПО-активисток, их мотивы и системно-исторические предпосылки имеющих место нарраций.

Литература

Гирц, К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

Шакирова, С. Женщины.SU – женщины.KZ: особенности перехода. В: *Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям.* Под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 92–135.

Abramson D. A Critical Look at NGOs and Civil Society as Means to an End in Uzbekistan. *Human Organization.* 58(3). 1999. P. 240–250.

Baumann E. Post-Soviet Georgia: It's a Long, Long Way to «Modern» Social Protection... *Economies et Societes.* 46(2). 2012. P. 259–285.

Borovoy A., Ghodsee K. Decentering Agency in Feminist Theory: Recuperating the Family as a Social Project. *Women's Studies International Forum.* 35. 2012. P. 153–165.

Dunn E. G. Humanitarianism, Displacement, and the Politics of Nothing in Postwar Georgia. *Slavic Review.* 73 (2), Summer. 2014. P. 287–306.

Einhorn B., Sever C. Gender and Civil Society in Central and Eastern Europe. *International Feminist Journal of Politics*. 5(2). 2003. P. 163–190.

Fisher W. Doing Good? The Politics and Antipolitics of NGO Practices. *Annual Review of Anthropology*. 26. 1997. P. 439–464.

Hann C., Dunn E. (eds). Civil Society: Challenging Western Models. London: Routledge, 1996.

Ghodsee K. Feminism-by-Design: Emerging Capitalisms, Cultural Feminism, and Women's Nongovernmental Organizations in Postsocialist Eastern Europe. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 29 (3). 2004. P. 727–753.

Ghodsee K. The Red Riviera: Gender, Tourism, and Postsocialism on the Black Sea. Durham, NC: Duke University Press, 2005.

Helms E. The Movementization of NGOs? Women's Organizing in Postwar Bosnia-Herzegovina. B: *Theorizing NGOs: States, Feminisms and Neoliberalism.* Ed. by V. Bernal and I. Grewal. Durham, London: Duke University Press, 2014. P. 21–49.

Helms E. Women as Agents of Ethnic Reconciliation? Women's NGOs and International Intervention in Post-war Bosnia-Herzegovina. *Women's Studies International Forum*. 26(1). 2003. P. 15–33.

Julie Hemment. Global Civil Society and the Local Costs of Belonging: Defining Violence against Women in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture & Society*. 29. 2004. P. 815–840.

Alexandra Hrycak. Foundation Feminism and the Articulation of Hybrid Feminisms in Post-Socialist Ukraine. *East European Politics and Societies*. 20 (1). 2006. P. 69–100.

Japaridze, E., Barkaia, M., Zhghenti, N., Amashukeli, M. The Study of Georgian Youth's Awareness, Perceptions and Attitudes of Gender Equality. Tbilisi: Nekeri, 2014.

Kiblitskaya, M. R*ussia's Female Breadwinners*: The Changing Subjective Experience. В: *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Под ред. S. Ashwin. London: Routledge, 2000. С. 55–70.

Lewis D. Revealing, Widening, Deepening? A Review of the Existing and Potential Contribution of Anthropological Approaches to «Third-Sector» Research. *Human Organization.* 58(1). 1999. P. 73–81.

MacPhee C. R. Roll over Joe Stalin. Struggling with Post-Soviet Reform in the Caucasus. New York: Universe Inc. 2005.

McIntosh L. Sundstrom. Women's NGOs in Russia: Struggling from the Margins. *Demokratizatsiya*. Vol. 10 Issue 2, Spring. 2002. P. 207–229.

Mindry D. Nongovernmental Organizations, «Grassroots», and the Politics of Virtue. *Signs: Journal of Women in Culture and Society.* 26(4). 2001. P. 1187–1212.

Mohanty C. T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Boundary 2*. 12(3). On Humanism and the University I: The Discourse of Humanism. Spring – Autumn. 1984. P. 333–358.

Nayak M., Suchland J. *Gender Violence* and Hegemonic Projects. *International Feminist Journal of Politics*. 8 (4). 2006. P. 467–485.

Ong A. Strategic Sisterhood or Sisters in Solidarity? Questions of Communitarianism and Citizenship in Asia. *Indiana Journal of Global Legal Studies.* 4(1). 2006. P. 107–35.

Phillips S. D. Civil society and healing: Theorizing women's social activism in post-soviet Ukraine. *Ethnos*. Vol. 70: 4, dec. 2005. P. 489–514.

Rivkin-Fish M. «Change Yourself and the Whole World Will Become Kinder»: Russian Activists for Reproductive Health and the Limits of Claims. *Medical Anthropology Quarterly.* 18(3). 2004. P. 281–304.

Rivkin-Fish M. Health Development Meets the End of State Socialism: Visions of Democratization, Women's Health, and Social Well-Being for Contemporary Russia. *Culture, Medicine and Psychiatry.* 24(1). 2000. P. 77–100.

Sampson S. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania. В: *Civil Society: Challenging Western Models.* Под ред. C. Hann, E. Dunn. London: Routledge, 1996. P. 119–39.

Suchland J. *Is Postsocialism Transnational? Signs: Journal of Women in Culture and Society.* 36(4). 2011. P. 837–862.

Tarkowski J. *Socjologia świata polityki. Tom 1. Władza i społeczeństwo w systemie autorytarnym.* Warszawa: Instytutu Studiów Politycznych PAN, 1994.

Tlostanova M. From Biopolitics and Necropolitics to Geo-politics and Body-politics of Knowledge. *Вестник РУДН. Серия Философия*. № 1. 2011. P. 39–48.

Tlostanova M. On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/1761213/On_Post-Soviet_Imaginary_and_Global_Coloniality_a_Gendered_Perspective

Turbine V. Women's Human Rights in Russia: Outmoded Battlegrounds, or new sites of contentious politics? *East European Politics*. Vol. 31. No. 3. 2015. P. 326–341.

Women and Men in Georgia. Statistical Booklet. Tbilisi: Ministry of Economic Development of Georgia, Department for Statistics, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.parliament.ge/files/670_11253_663836_1-eng.pd.pdf.

Надя Гусаковская

МЕЖДУ СО-ПРИЧАСТНОСТЬЮ И НЕ-ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ: ОТРАЖАЯСЬ В ЖЕНЩИНАХ МАРИКАНЫ

Nadzeya Husakouskaya

Witnessing Marikana's Women: Notes on Implication and Belonging

This essay can be read in many different ways. One of the possible readings suggests that the essay reflects on the regimes of inequality in contemporary South Africa as witnessed and perceived by a white queer female scholar from Belarus. Another mode of reading invites the reader to explore the (im)possibility of translation of and connection to ostensibly similar experiences of oppression in different localities. At the core of the essay is Nadya's photographic art project, which was developed three years after she witnessed Women's March in Marikana in September 2012. The themes of alienation and familiarity, inequality and solidarity, individuality and collectivity, oppression and resistance, and race, class and gender intersectionality are explored in the text through the juxtaposition of the field notes, personal diary entries, researcher's reflections, photographs, and Facebook posts. The essay represents an alternative academic writing, disrupting classical academic requirements for references and predefined text structure, which is yet another way of interpreting the incentive behind the essay.

Keywords: South Africa, Belarus, gender, class, race, inequality, oppression, resistance, alternative ways of social exploration, ethnography, art and academia.

***

23 августа 2012 г., из письма к Т.
Йоханнесбург, ЮАР

«…Вчера были на встрече с шахтерами из Мариканы. В прошлый четверг шахтеры на этом прииске по добыче платины устроили забастовку. Около 3000 шахтеров. Требование: повысить заработную плату, которая сейчас составляет 4000 ранд (это около 390 евро), до 12 500 ранд. Живут они в само-выстроенных поселках – без электричества и водопровода, без школ. Приехавшая полиция открыла огонь. 34 (официально) убитых, под сотню раненых, больше 200 арестовано. Шахтеры продолжают бастовать – соседние шахты начинают поддерживать comrades. В левых кругах – да и в целом в критически антиправительственных – говорят о том, что это начало большого рабочего движения и – событийно – "водораздел", схожий с 1994-м, когда пал режим апартеида. Я слышала об этом от Тони, левака, с которым я познакомилась в кампусе в первые свои дни здесь. О нем я тебе писала. О Марикане он рассказал мне в пятницу, по свежим следам. Говорил, что мариканская резня напомнила многим

в ЮАР о Шарпевиле[1] *и кровавой расправе в Соуэто*[2]*. Но "в те времена" смерти черных рабочих и студентов были на совести белого апартеидного режима, а в этот раз черные рабочие были расстреляны черными же полицейскими с согласия черной правящей партии*[3]*.*

Вчера Полин, моя сокурсница из Франции, которая живет здесь уже 8 лет, сказала, что будет встреча с шахтерами и организациями, которые их поддерживают. "Miners from Marikana" становятся той же риторической фигурой, как и "те, что стояли на площади"[4] *для нас и для вас. Все отдают дань мужеству "комрадс", поддерживают их и их семьи, но в то же время считают критически важным использовать ситуацию для организованной борьбы с неравенством и коррумпированностью власти.*

---

1 Расстрел мирной демонстрации протеста в Шарпевиле произошел 21 марта 1960 г. Мирный протест был направлен против усиления закона об «учетной книжке» (так называемый «pass law»). Закон ограничивал передвижение «черных» южноафриканских граждан/гражданок внутри страны через систему «учетных книжек». По закону, «черное» население страны (с 1960 г. как мужчины, так и женщины) обязывалось иметь при себе «внутренние паспорта» при выходе за пределы установленных для «черных» людей зон проживания и предъявлять эти «паспорта» по требованию полицейских или других представителей власти. При разгоне мирной демонстрации в Шарпевиле было убито 69 и ранено 180 человек.

2 Имеется в виду жестокое подавление протестов «черных» учащихся в Соуэто в июне 1976 г. Учащиеся протестовали против введения африкаанс как обязательного языка обучения в южноафриканских образовательных институциях. Африкаанс как самостоятельный язык развился на базе голландского языка в XVIII в. в среде голландских поселенцев. Таким образом, африкаанс, будучи к тому же государственным языком при апартеиде, воплощал наследие «белых» поселенцев и соответственно колониализм. При разгоне демонстраций в Соуэто погибло от 176 (по официальным данным) до 700 человек. Соуэто являлось группой поселений (townships) в южно-западной части Йоханнесбурга (сокращенно от South Western Townships). Во времена апартеида поселения (тауншипс) представляли собой принудительно сегрегированные места для проживания «черного» населения.

3 Я употребляла (и оставляю это в данной статье) слово «черный/черная/черные» для обозначения расы, переводя таким образом англоязычное Black. Осознавая, что эта терминология является наследием расистской расовой категоризации, принятой во времена апартеида, я стараюсь удерживать критическую дистанцию к данной категоризации и в то же время опираюсь на само-идентификацию и само-название многих знакомых, коллег и друзей, с которыми я общалась во время своей работы в Йоханнесбурге.

4 Имеются в виду протестные акции в Беларуси и Украине – Плошча и Майдан.

Полин забрала нас на машине из Витса, и мы поехали в UJ[5]*. Мне кажется, UJ по духу левее. Встречу организовывал Питер Александер*[6]*, профессор в UJ, который сразу же выехал на шахты и по горячим следам начал проводить независимое расследование. Он передал политическое приветствие от вице-президента университета: "университет должен быть таким местом, где можно свободно обсуждать и критиковать происходящие события". Такое странное и сильное чувство. Как когда-то в 2004-м, когда закрывался ЕГУ и я верила, что университет может и должен быть таким "местом".*

Я сидела и впитывала каждое слово, каждый звук. Записывала все на диктофон. Но сегодня, когда мне понадобились отрывки записи для завтрашней презентации и я переслушивала, что записала, я снова с горечью осознала, как ограничена техника: передает сухую информацию, но беспомощна хоть сколько-нибудь передать атмосферу. Только плоские ленточки речей. Ни запаха скученных возбужденных тел, ни напряжения лиц и мышц, ни тем более накала отчаяния и воинственности, с которыми после объявления, что шахтеры задерживаются, один из присутствующих, крепкий, хорошо одетый мужчина, встал и затянул песню. И я вздрогнула. В моем контексте (это осознание "откуда я" ошарашило), когда у тебя/нас есть полчаса и кто-то задерживается, народ расходится поговорить, потягать бутерброды со столов, запить назревающее возбуждение. А здесь – запели. И после того, как затянул первый, второй и третий подхватили, и через несколько секунд это было нестройное, но могучее пение. Вторая половина зала начала как будто совсем иную мелодию, и эти две мелодии – наливались и крепли – и шли словно бы параллельно, а все это – и песня, и люди – казалось единым могущественным превозмогающим телом. Через несколько минут в центре зала меж двух рядов расставленных стульев начали танцевать, продолжая петь повторяющуюся – уже единую – ухающую мелодию. Коллективное тело это состояло из молодых и старых, женщин и мужчин – единство по признаку черноты, бедноты и солидарности. Так продолжалось 15 минут. И после, пока мы ждали, еще дважды темная радостная улюлюкающая песня разрезала зал. В этот момент я почувствовала себя предательски неисправимо белой. Поняла про белые привилегии и черный протест, уловила тяжелейший исторический контекст – не головой, а кожей. Увидела это почти животное черное многоголовое тело глазами белого "цивилизованного" человека и стала этим "цивилизованным" взглядом, не успев его избежать. Вдруг заметила подкатывающий, как тошнота, страх, смешанный с отвращением. Страх такой силы и такого единства, которым нечего мне-

[5] Витс – сокращенное название Университета Витватерсранда (University of Witwatersrand). UJ – аббревиатура для University of Johannesburg, Университет Йоханнесбурга. Оба университета расположены в Йоханнесбурге.

[6] Питер Александер (Peter Alexander) – белый (по расовой принадлежности) британский (по национальности) профессор социологии в Университете Йоханнесбурга.

такой-белой противо-поставить. Я никогда не видела тела рабочего класса, такого тела, в котором бурлит ярость и сила. Никогда еще с такой силой не ощущала себя расисткой (как это принять?) – с восхищением и верой в нечеловеческое железное черное тело.

А потом говорили – и говорили многие и говорили много. Каждая речь начиналась возгласом – amandla, comrades! И каждый спикер трижды провозглашал кличем ниспровержение капитализма – и толпа рычала в ответ. Amandla на зулу значит "power". Но это мне объяснили позже. А тогда я интуитивно, нутром переводила этот возглас как «пролетарии всех стран, объединяйтесь» – и часть меня, рожденная в 1980-м, а может, та часть, что была передана мне рожденными еще до меня, солидаризировалась с неясным криком. Все во мне было

POLICE HAVE BLOOD ON THEIR HANDS
DON'T LET
THE POLICE
GET AWAY
MURDER

голо и трепетало. Я не понимала толком, что происходило. Это были не учебники, не теория, не научные работы. Это было живое, и это живое беспрепятственно вливалось в меня, несмотря на основополагающую расовую разницу…».

***

29 сентября 2012 г., женский протестный марш Марикана, северо-западная провинция ЮАР

На женский марш в Марикане я попала благодаря Полин, моей сокурснице из Франции. У нее была машина, она живо интересовалась политикой, работала с мигрант(к)ами в ряде международных организаций, была вовлечена в левые академическо-политические круги Йоханнесбурга. Когда она предложила поехать, я согласилась не раздумывая. К тому времени я уже видела, что пространство в ЮАР остается чрезвычайно сегрегированным. Попасть в «не-свои» места сложно – нужно прикладывать осознанные усилия, находить доступ к информации, людям и местам, заниматься логистикой (так, без машины передвигаться в Йоханнесбурге было нелегко и небезопасно), постоянно выходить из зоны комфорта. Ощущалась острая нехватка понимания юарского контекста изнутри. К тому же мариканские противостояния с полицией откликались минскими событиями 2006 г.[7]

---

[7] Под минскими событиями я имею в виду протестные акции, которые прошли в центре Минска 19–25 марта 2006 г. и стали реакцией части населения на результаты президентских выборов в Беларуси (Александр Лукашенко был переизбран на третий срок). Иногда эту серию беларуских протестов условно называют «джинсовой революцией», таким образом отсылая к «оранжевой революции», произошедшей в Украине двумя годами ранее. Митинги начались 19 марта на Октябрьской (Кастрычніцкай) площади. Там же 21 марта спонтанно организовался «палаточный городок», где часть протестующих оставалась до разгона «городка» 24 марта. В День Воли, 25 марта (неофициальный праздник, посвященный годовщине провозглашения независимого белорусского государства, «Беларускай Народнай Рэспублікі», 25 марта 1918 г.), спецназ жестоко разогнал колонну людей, двигавшихся от парка Янки Купалы к спецприемнику-распределителю на улице Окрестина. По итогам разгонов митинга, палаточного городка и шествия было арестовано более 400 человек, включая кандидатов в президенты Александра Козулина и Александра Милинкевича. Я участвовала в мартовских протестах наряду с моими соратниками/соратницами из Европейского гуманитарного университета, который был закрыт по политическим причинам летом 2004 г. Чуть больше о мартовских событиях можно прочитать в моем предисловии к переводу переписки Сартра и Мерло-Понти («Сартр и Мерло-Понти: история одной переписки. Политика, ангажированность и позиция интеллектуалов в ситуации социо-политических потрясений»:

К тому моменту в Йоханнесбурге я жила уже два месяца. В конце июля я приехала в качестве приглашенной исследовательницы в Африканский центр миграции и общества университета Витватерсранда[8] писать магистерскую диссертацию о трансгендерных и интерсексуальных внутренних мигрантах в провинции Гаутенг[9]. Камеру в руки я брала очень редко, обычно фотографируя виды из окна моего небольшого бунгало в Мейфеер Вест, одном из районов Йоханнесбурга. В публичное пространство с камерой я не выходила. Не столько потому, что было небезопасно, сколько потому, что не могла понять, уловить, как можно снимать людей без объективации, без соскальзывания в ловушку «белого человека с фотоаппаратом». Женский марш в Марикане стал первым из трех социально-политических событий, на которые я взяла фотоаппарат, а вместе с ним и право стать свидетельницей. Два других мероприятия проходили в Йоханнесбурге: гей-прайд в октябре 2012 г. и протестный марш секс-работниц/работников в марте 2013 г.

Женский протестный марш состоялся в Марикане 29 сентября 2012 г. Мирная акция протеста стала ответом на введение двумя неделями ранее чрезвычайного положения в Рустенберге и Марикане. В поселения были введены усиленные наряды полиции и войска, массово проводились несанкционированные обыски и аресты, любые собрания были запрещены, полиция для устрашения использовала слезоточивый газ и резиновые пули (часто стреляя в людей, когда те шли в магазин или просто передвигались по поселению). Женский марш задумывался как протест против полицейского произвола и выражение солидарности с бастующими шахтерами. В марше приняло участие более 200 женщин. Они собрались в неформальном поселении Бокогон-2 близ места, где месяцем ранее были расстреляны шахтеры, и направились в Марикану к полицейскому участку, что находился в семи километрах от поселения.

Одним из центральных лейтмотивов марша стала смерть одной из женщин, Полины, из-за осложнений от пулевых ранений. Многие самодельные постеры напрямую отсылали к ее смерти, вскрывая методы работы полиции и указывая на особую жестокость полицейского произвола. Но была и другая тема – гендерное насилие и прекарное положение черных женщин в сельских поселениях

https://www.academia.edu/13285326/Сартр_и_Мерло-Понти_история_одной_переписки._Политика_ангажированность_и_позиция_интеллектуалов_в_ситуации_социо-политических_потрясений).

8 Больше о Центре (African Centre for Migration & Society) можно посмотреть здесь: http://www.migration.org.za

9 В магистерской работе я исследовала опыт гендерного «перехода» и мобильности черных (Black) экономически непривилегированных (underpriviledged) трансгендерных и интерсексуальных внутренних мигрантов в ЮАР, т.е. тех, кто передвигался внутри границ страны (например, из деревень в города) для того, чтобы получить доступ к необходимым медицинским услугам в Йоханнесбурге и Претории. Мою магистерскую работу можно почитать здесь: https://uib.academia.edu/NadzeyaHusakouskaya/Thesis

в ЮАР. Тема эта звучала немного тише, и все же она звучала – ощутимо, ярко и яростно, прорываясь не только через надписи на плакатах о Зуме-насильнике[10], но и через реальность того, как был организован протест и каковы были условия его проведения.

В организации мариканского марша активную (и во многом центральную) роль играли женские организации из Йоханнесбурга – FEW (Forum for the Empowerment of Women) и 1in9Campaign. В то время FEW в основном работала в черных районах (townships) Йоханнесбурга, создавая безопасное публичное пространство для озвучивания, продвижения и защиты прав черных лесбиянок. 1in9Campaign среди ЛГБТ-организаций Йоханнесбурга позиционировалась как инициатива, следующая феминистским принципам и уделяющая внимание разнообразным формам насилия над женщинами, особенно сексуальному насилию. Обе организации, безусловно, привнесли гендерный компонент в протестный марш, в то же время пытаясь укрепить солидарность и выстроить связи, основываясь на общей идентичности «черных женщин» (нивелируя разницу по признакам места проживания и сексуальной ориентации). Женское (в том числе лесбийское) движение в ЮАР видимо, многочисленно и очень артикулированно, что неудивительно, учитывая преемственность антиапартеидного сопротивления и беспрецедентный размах насилия над женщинами в стране.

Уровень изнасилований в ЮАР остается одним из самых высоких в мире: по данным исследования, проведенного в 2010 г.[11], каждая третья женщина в стране была изнасилована, каждая четвертая – подверглась физическому насилию со стороны партнера. При этом только одна из 9 женщин заявляет в полицию об изнасиловании (отсюда название, в частности, организации 1in9Campaign). Исследование 2011 г. показывает[12], что в Гаутенге (наиболее густо населенной провинции ЮАР) половина опрошенных женщин испытывали физическое, сексуальное, экономическое или эмоциональное насилие; три четверти мужчин признали, что совершали акты насилия (в одной из форм) над женщинами. К

---

10 Джейкоб Зума – президент Южно-Африканской Республики с 9 мая 2009 года по 14 февраля 2018 г. В 2005 г. он был обвинен в изнасиловании 31-летней женщины – дочери своего коллеги по партии и активистки в борьбе против ВИЧ/СПИД. В 2006 г. Зума был оправдан: судья подтвердил заявление Зумы, что секс произошел по взаимному согласию, и обвинил женщину в даче ложных показаний. Дело против Зумы получило огромный резонанс в мире, а также внутри страны, спровоцировав дебаты вокруг культуры изнасилований и ситуации с ВИЧ/СПИД в ЮАР. Подробнее о деле против Зумы: https://en.wikipedia.org/wiki/Jacob_Zuma_rape_trial; о реакции организованного женского движения: http://www.pambazuka.net/en/category.php/letters/33434; о культуре и политике изнасилований через призму «дела Зумы» в ЮАР: http://concernedafricascholars.org/bulletin/issue84/waetjen-mare/ (все статьи – на английском).

11 «Crime Injustice: Violence against Women in South Africa», 2010, a shadow report in Beijing.

12 «The War at Home: Gender Based Violence Indicators Project, Gauteng Research Report», Gender Links and Medical Research Council, 2011.

тому же ЮАР занимает лидирующее положение по количеству людей, живущих с ВИЧ/СПИД. Две трети из 5,6 млн людей, живущих с ВИЧ/СПИД в ЮАР, – женщины и дети[13].

Безусловно, класс, раса, возраст и место жительства привносят свои коррективы. Высокий уровень безработицы (в целом по стране среди черного населения), экономическая зависимость женщин от мужчин, нормализация гендерного насилия, невозможность и часто бессмысленность обращения в полицию в случаях домашнего насилия и изнасилований, страх повторного насилия, необходимость прибегать к различным стратегиям выживания для поддержания семьи и детей, недоступность медицинской помощи в сельской местности – все это добавляет свои оттенки в сложную картину положения женщины (черной / бедной / из сельской местности) в ЮАР.

И хотя я понимала и принимала во внимание всю подоплеку мариканского протеста, окрашенного противостоянием бедных черных рабочих и прокапиталистического неоапартеидного государства, мне хотелось (и тогда, и сейчас) отдельно обозначить гендерное измерение мариканского женского протеста – измерение, которое часто затирается и остается второстепенным в освещении мариканских событий (как, в целом, и любых других протестных движений)[14].

---

13 «We were never meant to survive». Violence in the Lives of HIV Positive Women in South Africa, 2012, 1in9Campaign.

14 Этот текст был частично опубликован в левом украинском журнале «Спільне» (№ 6, 2013: http://www.eurozine.com/journals/spilne/issue/2013-05-21.html) и на беларуском портале MakeOut (http://makeout.by/2015/08/19/vystavka-o-zhenschinah-marikany.html). В осмыслении ситуации в Марикане мне помогли статьи из газеты «Workers Vanguard», № 1007, 1009, 1011, 1016; дискуссии и встречи после Мариканской резни, в разное время организованные Международной коммунистической лигой, Университетом Витватерсранда и Университетом Йоханнесбурга; (не)формальные встречи и интервью с женскими и гей-лесбийскими организациями в Йоханнесбурге (в частности, с Золекой Лусвази, директором FEW, и Кари Шелвер, основательницей 1in9Campaign).

High Performance

WHEN
WE
SEE THE POLICE-
MEN WE SEE THE
CRIMINALS

SAPS
PROTECT
PEOPLE
OR
MONEY?
CREW
today
POLICE
HAVE
BLOOD
TO DISASTER
SAPS

ZUMA
ASiMY
Sabi yi
RaPist

JUSTICE
FOR
PAULINA

***

30 марта 2016 г., открытие выставки
Вильнюс, Литва

Организовать выставку в сотрудничестве с Центром гендерных исследований, привезти ее в ЕГУ означало для меня вернуться. Вернуться туда, откуда я уехала в 2011 г., но в другом качестве, и через это новое качество понять, что изменилось во мне. При перевозке и переводе на русский выставка изменила название – «Напротив: отражаясь в женщинах Мариканы»[15]. Мне хотелось подчеркнуть, что она – не о женщинах Мариканы. Она – о нас, кто кадрирует «их» и кто приходит на выставку, чтобы прочесть нечто важное через лица и тела тех, кто смотрит на нас с фотографий. Основой выставки стали фотографии, которые я сделала 29 сентября 2012 г. во время женского протестного марша в марикански шахтерском поселке. Фотографии (как свидетельство марша) сопровождались моими дневниковыми и полевыми заметками. Мне хотелось, чтобы на пересечении визуального и вербального возник диалог между Беларусью и ЮАР, диалог о политическом, репрезентации, сопричастности, расе и гендере.

Идею выставки я вынашивала более трех лет. Просто показать фотографии казалось мне недостаточным, неточным и поверхностным жестом. Ведь история за этими фотографиями – это не только история протеста (уже неизбежно мною репрезентированного, воспринятого выборочно через необъективный объектив фотокамеры), это и рассказ о тех смыслах, которые приоткрылись для меня благодаря тому, чему я оказалась свидетельницей. Так родилась идея использовать дневниковые и полевые заметки, чтобы зрители имели возможность прожить и пройти выставку по-своему (через визуальное к текстовому, через текстовое к визуальному, челночным движением или любыми другими способами). Было важно, чтобы заметки не становились «контекстом», а говорили наравне с фотографиями. Записи, как и фотографии, я не редактировала, чтобы сохранить расфокусировку, слепые места и неточности там, где они имели место, и избежать влияния моего теперешнего, уже более взвешенного и во многом иного взгляда на события, произошедшие со мной и прошедшие через меня в ЮАР. Хронологию я также опустила – и в записях, и в фотографиях (и в этой статье, и в том, как они были смонтированы на выставке).

15 Впервые выставка под названием «Colour of Protest: Witnessing Marikana Women» открылась 19 августа 2015 г. в Бергене в Центре женских и гендерных исследований.

***

***Сентябрь – октябрь 2012 г.,
заметки после женского марша: часть фотопроекта
Йоханнесбург, ЮАР***

«Вертолеты летают. Два пролетели низко в саду у Марлиз. Всякий раз – звук узнаваем – это напоминает о Марикане, а Марикана, в свою очередь, отзывается Минскими событиями 2006-го».

«Марикана запомнилась долгой пыльной медленной дорогой от informal settlement Bogokon-2 до полицейского участка в Марикане. "Уровень жизни" не поразил меня так, как я этого ожидала: картинки в воображении (возможно, из теленовостей и документальных фильмов) нисколько не противоречат реальности. Бедная жизнь, но жизнь – люди обустраиваются и создают семьи и дома. Есть участки почище, украшенные, облагороженные; каждая/ый имеет хоть какой-то свой "двор"; чудовищной скученности не видно».

«Во мне не возникло сострадания и желания помочь – вроде приехать и социально работать или бороться за их права… Важно работать среди своих – белых, искореняя стереотипы, автоматизм мышления, дискриминаторные практики. Но нельзя, будучи белой, работать с не-белыми – именно из-за неизбежной интериоризированной привилегированной позиции. Я ощущаю ее реакционно, реагируя на их отношение…».

«Когда полицейские стояли напротив протестующих женщин – бездвижно и спокойно, десять против ста, молча, выжидающе, – я распознала в себе классовый гнев в первую очередь… Раса здесь не работала, напротив черных женщин стояли черные полицейские. Гендер работал причудливо: в итоге оттеснять женщин вышли женщины-полицейские (тоже черные). В линейке стояли только полицейские-мужчины. Так же как в поселении около баров стояли черные мужчины-рабочие, иногда угукая и поддерживая женский марш, иногда наблюдая скорее с превосходством и насмешкой. Это выраженное (хоть и по-разному и с разных классовых позиций) патриархатное видение женщины как невнятной, неартикулированной и не на своем месте в публичном пространстве роднит этих мужчин across their class».

«Единственная позиция, оказавшаяся комфортной, уместной для меня на марше, – фотографа. Та, что была определена и моей расовой принадлежностью. Репрезентировать, но не быть частью. И еще – в белых людей не стреляют. Будучи там, я была гарантом того, что стрелять не начнут. Такая "простая" и честная роль – быть белым телом».

«Я не просто белая, я белая молодая женщина для них. Уже на подходе к полицейскому участку ко мне пристраивается молодой разухабистый парень с задранной майкой – приобнимает меня и спрашивает, как меня зовут. Я мягко отстраняюсь. Он сжимает меня крепче. Тогда я говорю прямо – смотря ему в

лицо – “you cannot touch me”. Он словно трезвеет, говорит “я понял” и уходит. На пути назад на taxi rank Полин улавливает – говорят о нас – употребляют пренебрежительное слово, означающее на зулу “белый”. Слава Богу, я не понимаю язык. В поселение мы возвращаемся ближе к 17.00 – уже порядком подвыпивший мужчина лет между 20 и 30 цепляется сначала ко мне, после быстро переключается на Полин. Enough is enough не действует на него. Он еле стоит на ногах – его легко можно было бы сбить с ног, ударив. И это желание назревает. Народ кругом глазеет на нас – белые идут по деревне. Мы здесь не на своей территории. Смеются, наблюдая за пьяными “заляцаннями” своего товарища. Дискомфорт происходит от физического ощущения непереваренных эмоций – насмешливости, сдержанного гнева, презрения».

«Я все еще не чувствую в себе инаковости, той инаковости, которую иногда испытываю в компании благоустроенных well off западноевропейцев или даже белых юарцев. Классово – несмотря ни на что – я чувствую себя ближе к ним. Но между нами расовая пропасть. Мое значение расы не совпадает с их значениями. Не только потому, что я белая, а потому, что у нас разное историческое наполнение этого опыта. Для них белый – это колонизатор; это гнев от памяти поколений об угнетении и отсутствии языка и места; для меня все это – быть беларуской – в отношении России и Западной Европы. Я разделяю этот опыт, который для меня развертывается в моей национальной принадлежности, для них – в расовой. И все же я не в состоянии до конца разделить их опыт. И как я оказываюсь беспомощна в их контексте распознать не национальные, но племенные и языковые различия, обобщая их, так и они присовокупляют меня к “белым”, не оставляя мне шансов на детализацию и разнообразие моего опыта».

«Марикана что-то подвинула во мне – я словно застыла. Aftereffect. Я вдруг стала чужой – по отношению к тому, что здесь, и к тому, что там. Провалилась наконец-то в безвременье и безместье. Как Алиса – полетела. Больше не чувствую земли под ногами».

«По возвращению белые южноафриканцы, мои знакомые, много ахали – для них поехать на марш было безумием, невообразимой ситуацией. Ведь там была вооруженная полиция, даже если и всего лишь резиновыми пулями. Будь осторожной – говорили мои знакомые мне. А у меня был минский привкус во рту: для меня это было так знакомо – знать, что полиция против тебя. Для меня это было редким моментом возвращения в этом совершенно чуждом для меня контексте в какое-то место, где я чувствовала себя собой, где я распознавала что-то, что возвращало мне понимание себя»[16].

[16] Я сохранила орфографию и языковые формы моих дневниковых записей, в том числе английские (well of, aftereffect) и беларуские («заляцанні») слова. Я решила не прибегать к переводу (ни в тексте, ни в сносках), доверяя читателям сделать это самим в тех случаях, когда (и если) они почувствуют в этом необходимость.

DON'T LET
PRESIDENT

MANDELA
ANC

WITH
MURDER
MARIKANA SUPPORT CAMPAIGN
POLICE

POLICE

MARIKANA
Women Unite

DON'T LET THE POLICE GET AWAY WITH MURDER

MARIKANA WOMEN
UNITE!
Don't let the Police get away with murder-
Justice Now!

***

4 апреля 2017 г., предисловие
Лондон, Великобритания

Села писать статью о со-причастности и не-принадлежности. Долгожданный и заслуженный перерыв в кропотливой работе над англоязычной диссертацией. Пишу для «Перекрёстков», журнала исследований восточноевропейского Пограничья. Как странно (и закономерно), что журнал называется так же, как и бар, в котором я работала в Минске в 2004 г., пытаясь преодолеть назревающее недовольство той формой соприкосновения с действительностью, что предлагала академия. Номер посвящен 20-летию Центра гендерных исследований в ЕГУ. Там я получила свою гендерную степень в 2003 г. Потом ЕГУ закрыли. Так же как закрывают сейчас Европейский университет в Питере и Центрально-Европейский университет в Будапеште. Надеюсь, они выстоят. Мы стояли, но не отстояли. Мы вынуждены были уехать.

После ЦГИ и закрытия ЕГУ ничто уже не было прежним. Там случилось очарование гендерной теорией, там же развернулась реальная жизнь. Очень редкий момент – всего пару лет, когда то и другое существовало в гармоничном (хоть и противоречивом) переплетении. Потом все распалось, раскоординировалось и сошлось вновь десять лет спустя, совсем в ином контексте, за 11 000 километров. Потому из всех тем для статьи, роящихся в голове, я остановилась на своем опыте жизни и работы в ЮАР. Пограничный опыт, к осмыслению которого я все никак не могу приблизиться. Проговариваю его раз за разом: выступлениями в Вильнюсе и Минске, выставками в Норвегии и Литве, и вот сейчас статьей (статья ли это?).

Залезла в многочисленные записи, чтобы вспомнить и отобрать то, что «нужно». Обнаружила, что писала много писем. Письма эти, в отличие от дневников, сохраняют множество обыденных деталей. Дневники я писала для себя – и пропускала многое, что казалось само собой разумеющимся или что варилось внутри днями, к чему я привыкла и думала, что уже давно об этом «сказала». А письма были адресованы немногочисленным «другим» – в них нужно было разворачивать незнакомую жизнь, уходить в объяснения, снабжать деталями. Там все это есть, все это там осталось. И я только сейчас понимаю важность отсутствия интернета в моем юарском доме: невозможно было спрятаться в социальные сети, растерять еще не накопленное в разговорах по скайпу. У меня была только я и медленно распускающееся время. И там, в тишине своего дома-угла, с зарешеченными окнами и наведывающими меня в одно и то же время птицами, я сидела и писала в ворде письма, чтобы «отправить-их-завтра». То, что ощущалось как невыносимое (долгие одинокие вечера без разговоров, без человеческого контакта и иногда, казалось, без контакта с реальностью) вдруг обрело плоть. Сотни написанных писем – с бытовыми подробностями, случай-

ными заметками, эпизодическими историями, из которых спустя четыре года выстраивается все то значительное, что случилось там и тогда.

Об этом всем я размышляю сейчас, когда письмо больше «не идет», когда каждая запись в дневнике откликается фантомной болью того, что «могло-бы-быть-написано» или «написано-быть-не-может», когда совершенно неясно, как запечатлеть то, что происходит (ведь если не запечатлеть, то все пропадет в беспамятстве – разве не так?). Что-то происходит с языком как формой. Возможно, я выросла из языка, как вырастают из одежды. Слова становятся малыми, узкими, неуместными. Наступает этот ужасающий момент поиска формы, поиска стиля, когда можно кроить самой, а ты не научена. В таком пограничном состоянии сажусь писать. Может, это «пограничье» и есть неотъемлемая часть письма, это чувство со-причастности и всегда-уже-не-принадлежности (ни меня письму, ни письма мне). Сколько бы я ни «начинала-писать», всегда есть это сомнение: дойду ли я до конца, найду ли подходящие слова, оставлю ли само это жгучее желание – выразить и быть понятой?

***

4 июня 2017 г., послесловие
Лондон, Великобритания

Редактор_ки гендерного номера «Перекрёстков» спросили у меня, каково мое отношение к протестам в перспективе происходящих социально-политических потрясений – от победы Трампа на выборах в США до закрытия университетов, которые в той или иной степени стали пионерами в институализации гендерных исследований в Центральной и Восточной Европе. Протест как форма выражения гражданской позиции вызывает у меня беспокойство, схожее с языковым беспокойством в случае с практикой письма. Я задаюсь теми же вопросами. Насколько эта форма – форма протеста – уместна и доходчива в смысле выражения общественного негодования? Стоит ли рассчитывать на то, что негодование будет распознано и требования услышаны? И если нет, то в чем смысл протестного жеста? Какие форматы протеста доступны? И нужно ли находить новый язык для коммуникации с властями?

Каждый раз, когда я присоединялась к тем, кто выходил на улицы, я спрашивала себя, что может быть достигнуто через такую публичную манифестацию и что достигнуто-быть-не-может. Демонстрации против закрытия ЕГУ в Минске в 2004-м. Палаточный городок на минской Площади Независимости в марте 2006-го. Первый гей-прайд в Вильнюсе в 2010-м. Гей-прайд в Йоханнесбурге в 2012-м. Мирный протест женщин в Марикане в 2012-м. Участие в каждом из этих событий отзывалось во мне горечью (чувством и послевкусием): что-то оставалось недосказанным, кто-то оказывался исключенным, где-то разворачивалась очередная несправедливость. Но присоединиться к протестующим также

означало стать частью большего, утвердить свою принадлежность. В 2004-м я была студенткой и преподавательницей, в 2006-м – беларуской, в 2010-м в Вильнюсе – частью ЛГБТ-сообщества, в 2012-м в Йоханнесбурге – исследовательницей, в Марикане в том же году – белой свидетельницей-фотографом.

Для меня смысл протеста, как и письма, заключается в самом творческом радикальном акте артикуляции. Протест делает видимым и осязаемым нечто, что было спрятано, стерто, забыто, подавлено, стигматизировано. Протест вырабатывает свой собственный язык донесения сообщения и эмоций. Однако есть и подводные камни в практике выхода на улицы. Сам протест (как и текст, появившийся в итоге письма) не принадлежит полностью тем, кто принимает в нем участие. Протестные движения и их посылы могут искажаться и присваиваться различными группами: украинский Майдан 2014 г. с последовавшим националистическим сдвигом «вправо» и гей-прайд в Йоханнесбурге 2012 г. с тотальной невидимостью черной (black) бедной части ЛГБТ-сообщества могут послужить тому примерами. Поэтому для меня особенно важной представляется критическая дистанция и саморефлексия, которые уравновешивают вовлеченность в событие.

Еще одним сильнейшим эффектом участия в протесте, который я наблюдала и испытывала не раз, является укрепление сообщества. Возникающее чувство принадлежности становится движком для дальнейшего развития форм социального и политического действия. Но сама протестная форма («против», «вопреки») также обусловливает необходимость поддерживать сообщество через позитивные цели и установки и вырабатывать адекватные, чувствительные и разнообразные формы солидаризации.

Наконец, я верю, что протест – не единственная легитимная форма публичного высказывания и политического жеста. Критическое осмысление социальной реальности, самого протестного движения и собственной социально-политической позиции остается востребованной и неотъемлемой формой со-участия. Отдельное место занимает акт свидетельствования. В том числе – через тесты, образы, память. Для меня акт свидетельствования неотделим от протеста как события и со-бытия.

Разговор с Надей Плунгян

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ФЕМИНИСТСКОЕ ИСКУССТВО: ТОЧКИ НАПРЯЖЕНИЯ, КОНТЕКСТЫ И ОТНОШЕНИЯ

Contemporary Feminist Art in Russia: Tensions, Contexts, and Relations
Conversation with Nadia Plungian

Nadia Plungian, PhD, art historian, research fellow at the State institute of art history (Moscow)

From the editors

In contrast to the difficulties Gender Studies has encountered in post-socialist academia, discussed extensively in this volume, contemporary art in Eastern Europe can seem to have emerged as a rather bright and lively alternative. For it is a field in which feminist and gender-oriented art, ideas, artists, activists and curators have had a profound, albeit varied and sometimes explosive, influence. Although not without conflicts, scandals and gendered power hierarchies, contemporary art across the region in the period since the fall of communism has developed as a field where the intersectionality between the personal and politics, between ideas, affect and aesthetics, between the body, subjectivity and technology, or between western influence and local specificity have all been energetically explored and exhibited. The varieties and commonalities in how this has occurred have been documented in such art/research projects as Gender-Check: Femininity and Masculinity in the Art of Eastern Europe (http://gender-check.erstestiftung.net).

This is not to suggest contemporary art as a remedy for all that is wrong in post-socialist academia. Questions about the facilitating role of western funding and of the ambivalent impact of market-relations in the development of contemporary art in

the region go at least as deep as they do with regard to gender studies. There are far-reaching questions to be asked when institutions of contemporary art emerge as hotbeds of radical political ideas at a moment when this art has little meaningful impact on societies (outside the gender or religious taboo-related scandals through which a wider public generally now becomes excited about contemporary art). Moreover, the intersection between gender activism and contemporary art is an area where meaningful protest is, as Nadia Plungian comments, or as examples such as Femen or Pussy Riot illustrate, often difficult to distinguish from a gesture of attention seeking.

It was in order to gauge something of the specificity of how gender studies emerges in, and in relation to, the field of contemporary art, that we invited Nadia Plungian to discuss the connections and conflicts between gender studies and art in the specific context of the Russian art field. This single interview by no means offers a full picture of the relations between art and gender across the region, but we hope that the range of issues Nadia touches on open up interesting avenues for reflection on the development of art and gender studies in the region. The interview facilitates a clearer view of what connects and distinguishes these inter-connected but distinct fields, and how both are implicated in and divorced from the societies which they reflect and on which they seek to impact. It is in keeping with the tone of the volume as a whole that the interview enables a critical retrospective reflection on what has been achieved, and offers pointers for potential ways forward.

Надя Плунгян, историк искусства, кандидатка искусствоведения, старшая научная сотрудница Государственного института искусствознания (Москва)

От редактор_ок номера

В сравнении с ситуацией, в которой пребывают гендерные исследования в постсоциалистической академии, находящиеся в фокусе нашего номера, современное искусство в Восточной Европе, кажется, представляет собой во многом альтернативное пространство. В художественном поле, на первый взгляд, феминистское искусство, идеи, художни_цы, активист_ки и куратор_ки имеют особое влияние. Будучи далеко не лишенным конфликтов, скандалов и (вос) производства гендерных иерархий, современное искусство в регионе, тем не менее, активно работает с вопросами пересечений личного и политического, аффекта и эстетики, тела, субъектности и технологий, а также обращается к проблеме взаимодействия западного влияния и местных особенностей. Общие тенденции и разнообразные формы воплощений обозначенных выше тем были задокументированы, например, в рамках такого художественно-исследовательского проекта, как «Gender-Check: Femininity and Masculinity in the Art of Eastern Europe» (http://gender-check.erstestiftung.net).

Это не означает, что современное искусство совершенно свободно от тех сложностей, которые испытывает постсоциалистическая академия: влияние за-

Надя Плунгян на фоне своих текстильных работ на выставке "Постсоветские Кассандры", Берлин, 2015.

падного финансирования и рыночных отношений – сложный и амбивалентный процесс как в сфере современного искусства, так и в отношении гендерных исследований. Почему именно институции современного искусства становятся плодотворной почвой для развития радикальных политических идей в момент, когда это искусство не имеет особого резонанса в обществе (кроме скандалов, связанных с религиозными или гендерными табу, которые парадоксальным образом становятся редкой возможностью для современного искусства стать видимым среди широкой публики)? Там, где феминистский активизм встречается с современным искусством, возникает поле, в которых трудно, как отмечает Надя Плунгян и показывают примеры «Фемен» или «Pussy Riot», разделить настоящий протест от эпатажных действий с целью привлечения внимания.

Чтобы понять, как гендерная проблематика возникает внутри и по отношению к сфере современного искусства, мы предложили Наде Плунгян обсудить вопросы отношений гендерных исследований и искусства в российском

контексте. Это интервью не претендует на то, чтобы дать исчерпывающую характеристику той ситуации, в которой оказывается феминистское искусство в регионе, но мы надеемся, что тот спектр тем, которые были затронуты Надей, открывает возможности для дальнейших рефлексий. Интервью проясняет, что связывает и разделяет эти два поля – искусство и академию, как они оба взаимодействуют с более широким социальным контекстом. В общей тональности этого номера интервью содержит критические рефлексии о том, что уже достигнуто, и намечает потенциальные возможности для дальнейшего движения.

– Что современное искусство смогло за эти годы (с 1991-го или раньше) привнести в феминистскую повестку и в какой степени оно оказалось наиболее активной областью для осмысления идей феминизма и квир-теории?

– Ответ на этот вопрос неоднозначен. Дело в том, что из феминистской перспективы «радикальное» искусство 1990-х, как и неофициальное позднесоветское искусство, видится скорее консервативным. Многие его деятели и сейчас высказываются в таком духе, что социальная чувствительность в искусстве – что-то вроде фальшивого пережитка марксистской теории, а феминизм не нужен, так как в СССР женщина получила ненужную свободу и, наоборот, хотела снова стать содержанкой. Есть отдельные исключения, когда художни_цы этой плеяды артикулируют в своих работах феминистские темы, – группа «Тотарт», Р. и В. Герловины и др. Но в целом советское/российское искусство 1970–1990-х заметно пронизано гендерной сегрегацией, а новый анализ этих проблем только начинает появляться.

Следом за советскими неофициальными кругами и российским искусством 1990-х пришел конструкт так называемого «актуального искусства», в котором также отсутствует независимая феминистская сцена. Это (авто)колонизованное пространство с максимально зависимым рынком, проваливающимся интернациональным диалогом и очень консервативным заказчиком, который не позволяет делать политических высказываний. Среди прочего, это объясняет, почему действующие в этой парадигме «Pussy Riot» или Петр Павленский в своих интервью предпочитали ограничиваться общими словами, не конкретизируя личные политические позиции: протест в «актуальном искусстве» может быть брендом, но не идентичностью, даже если эти автор_ки стали международными знаменитостями. Как максимум «актуальное искусство» предлагает довольно ксенофобный вариант союзничества в борьбе других социальных групп, но никогда прямо не поднимает проблемы своей среды или своей стигмы. Возможно, пограничным примером можно назвать В. Мамышева-Монро, но и ему было намного проще в «персонажной» стратегии.

– Каковы отношения между феминистским искусством и гендерными исследованиями как академической дисциплиной в России?

– Эти две сферы пересекаются очень мало. Гораздо теснее связь между феминистским искусством и активизмом – это сообщающиеся сосуды. Художницы-активистки обычно представляют себе и теорию, и политическое движение феминизма и при этом стремятся найти острое выражение для своих взглядов, чувств и истории своей идентичности. В академии такой подход в целом не приветствуется, я слышала иронию, сарказм, возмущение радикальными акциями, которые «подставляют» целое сообщество гендерных исследователь_ниц и должны быть прекращены. Впрочем, гендерные исследования в России – неоднородное пространство, и когда они приобретают международный вес, в них находится достаточно понимания и интереса к искусству. Поскольку работа моя междисциплинарная, я часто попадаю в «ножницы» между этими двумя сферами. Так было, например, на последней выставке так называемого «гендерного искусства» в московском музее «Рабочий и колхозница» (2013), когда кураторка и искусствовед Олеся Туркина выступила в российской и британской печати, обвинив меня в некомпетентности[1].

– Что проблематизируется на нашем пространстве, а что, с твоей точки зрения, скорее является слепым пятном в феминистском искусстве (темы, идеи, подходы)? В какой степени феминистское искусство в России работает с темой интерсекциональности?

– Российское феминистское искусство очень мало работает с темами гендерной истории. Думаю, причина в том, что российские художни_цы – независимо от пола – не ощущают историю искусства как пространство, которое бы им по-настоящему принадлежало и в котором они могли бы ориентироваться или выносить собственные оценки. Археология советского в активистских пространствах производится «с нуля», знание о русской истории XX в. находится в постоянном дефиците, так что в русском интернете сейчас в разы проще найти подробную информацию по активизму 1970-х в США, чем по советскому политическому протесту. Это отчуждение политической практики от политической истории является следствием и советского проекта, и опыта 1990-х гг., и оно подпитывает идею о том, что феминистский дискурс «занесен с Запада».

Вы спрашиваете, в какой степени феминистское искусство в России работает с темой интерсекциональности. Работы такие есть, но пока еще в них заметно чувствуется колониальный или самоколонизирующий подход: в статьях,

[1] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.calvertjournal.com/opinion/show/545/turkina-feminism-exhibition; http://artguide.com/posts/312-oliesia-turkina-sluchilas-provokatsiia-342; http://artguide.com/posts/313-nadia-plunghian-viktoriia-lomasko-i-umnaia-masha-otviechaiut-oliesie-turkinoi-343#

Виктория Ломаско. «Дочь художника-оформителя».
Временный мурал, 2017, Манчестер.

комиксах и мемах часто используются реалии других стран, так как людям сложно от первого лица говорить о собственных стигмах, от инвалидности до национальности. Есть даже такой феномен, что художницам проще использовать английские слова, чем русифицировать те или иные понятия, – это выглядит более безопасным, так как больше половины аудитории не понимает, о чем речь. Именно поэтому мы с Викторией Ломаско пропагандировали в наших проектах документальную графику. Например, вошедшая в экспозицию второго «Феминистского карандаша» графическая новелла Яны Сметаниной, где художница образно и подробно рассказывает о реалиях своего пребывания в российской женской психиатрической больнице с точки зрения феминизма, по своему социальному эффекту осмысленнее многих переводных материалов на ту же тему.

– Можешь ли ты привести примеры наиболее интересных для тебя как феминистки и профессиональной исследовательницы в области искусствоведения проектов/выставок, которые проходили в России?

– Мне кажется исключительно интересным опыт стрит-арт коллектива «Ганди» (сейчас «Гадина», Омск – Петербург), видеоперформансы и инсталляции Шифры Каждан (Москва), графические новеллы и станковые работы Хагры (Казань), комиксы, мультфильмы и особенно уличные акции Леды Гариной (Петербург), как и ее организация «Ребра Евы». Интересны граффити и рисованные новеллы Сони Ванеян (Москва), которая оформила книгу Лены Климовой «Дети-404», посвященную ЛГБТ-подросткам: она же несколько месяцев назад сделала выставку-инсталляцию о повседневности 1937 г. – во многом феминистское высказывание о личном и политическом, интерпретирующее историю сталинизма. Конечно, в Москве я всегда слежу за работой Виктории Ломаско. Недавно я была свидетелем ее большой работы над стенной росписью в Ман-

Соня Ванеян «Запомни, доча, ты просто упала...»
Городской трафарет, 2016, Москва.

честере, это автобиографическая композиция длиной 8 метров, где цитируются довоенные плакаты Декоративного института, рассказывается новелла об истории советского и постсоветского общества через призму семьи художников. Невозможно все перечислить. Среди того, что называется «артивизм», для меня большее значение имел перформанс Кадо Корнет «Ослепшая Россия с кровью на руках» (2013) и акции «Умылся кровью у ФСБ» и «Немытая Россия» (2014) арт-движения «Синий Всадник».

– Как включение гендерной/феминистской повестки в искусство повлияло на социальную резонансность искусства в России или на восприятие эстетической ценности произведений искусства?

– На мой взгляд, феминистская оптика – единственный инструмент, который может хоть как-то обеспечить российскому искусству широкий отклик и аудиторию. До того, как появились чисто феминистские инициативы, основным аккумулятором социального резонанса были уличные художни_цы и граффитчи_цы, которые с переменным успехом пытались осмыслить российские реалии, подверстывая в то же время свое искусство к образцам стрит-арта Америки и Европы. Интересно, что политическое содержание таких работ оставалось заметно сковано тисками советской идеологии. Например, в середине нулевых был очень популярен уличный художник Паша 183, который вынес на стены мо-

нументализированный образ Аленки с известной советской шоколадки и в интервью говорил, что она – «самый светлый человечек на земле, вечно наивный и вечно бескорыстный»[2]. История Аленки хорошо известна. Этот символ шестидесятых, созданный на следующий год после снятия Хрущева, продолжил галерею усредненных и колониальных образов «детей страны Советов», обнажая связь сталинской и брежневской визуальной культуры. Активная опора на него говорит о том, что активистское искусство нулевых не имело возможности ни хакнуть советский масскульт, ни создать собственный продукт, который составил бы ему конкуренцию. Чтобы создать новую форму, требуется переопределить политическую ситуацию, в частности задуматься о происхождении гендерной нормы: это трудная, но реализуемая задача.

– В нашем недавнем разговоре ты была скептична к некоторой части искусства, которое определяет себя как феминистское, но которое при этом просто апроприирует феминистскую повестку, деполитизируя ее при этом. Ты можешь рассказать подробнее об этой трансформации и о тех проектах, которые ты выделяешь как хороший пример? В чем их политическая составляющая? Почему они кажутся тебе важными?

– Такие проекты возникают по той же схеме, что и любые, пользуясь постсоветским лексиконом, «молодежные инициативы»: их создают существующие номенклатуры художественного мира, опережая новаторские дискурсы, которые могут поменять расстановку сил в этом пространстве. Феноменальным примером является, например, так называемый перформанс довольно кассовой московской художницы Александры Галкиной, которая изрисовала изображениями членов выставку «Феминистский карандаш», таким образом вандализируя ее. Этот жест однозначно выглядел как маркер отношения «актуального» сообщества к разного рода социальным проблемам, которые поднимались на выставке: проблемы миграции, вовлечения в проституцию, домашнего насилия, дискриминации ЛГБТ. Ее перформанс российская критика тех лет назвала настоящим, бесстрашным феминизмом. В статьях подразумевалось, что нарисовать член под изображением мигрантки – это не расизм или мизогиния, а гордый протест против «грязных» проблем, которым не место в искусстве, если не под маркой эстетизированного «трэша» для белой аудитории.

– У тебя есть опыт организации выставок за пределами России. Ты можешь рассказать немного о разнице подходов и отношения к феминистскому искусству и феминистской повестке в искусстве на основании своего личного опыта?

---

2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://streetartmuseum.ru/alyonka/

– У меня нет ощущения, что можно говорить о каком-то едином подходе на Западе. Там феминистское искусство – это огромный нарратив, который существует уже как минимум 50 лет, сменилось несколько поколений. Интерес к российским политическим художни_цам периодически возникает, но это не означает, что на Западе заранее выстроен какой-то дискурс именно для них, куда они могут немедленно вписаться, – это очень распространенная ошибка художниц. Дискурс только предстоит выстраивать, причем делать это нужно не только с помощью конкретных направлений и конкретных работ, но и с помощью действенного самоописания.

В России важно и невероятно ценно другое: здесь феминистское искусство до сих пор воспринимается эмоционально, оно шокирует и просвещает, оно работает как индикатор социальных изменений, и мне интересно следить за тем, какие изменения оно рождает само по себе. Уже этот факт говорит о том, что в ближайшие годы российские и западные художественные пространства будут тесно связаны.

– Какова позиция женщин в институциях в сфере искусства – музеях, частных галереях, на кафедрах искусствоведения и т.п.?

– Если говорить о России, сфера искусства и искусствознания действительно очень феминизирована. Женщины занимают почти все малооплачиваемые посты, не обладая при этом никаким правом принятия решений. Это создает тяжелую ситуацию, в которой сопротивление феминистскому искусству начинает исходить прежде всего от женщин, но в то же время дает надежду на некоторые изменения, потому что именно женщина в конечном итоге является максимально чувствительной к этому искусству группой, а значит, к ней можно каким-то образом найти подход. Это сложная задача – преодолеть рутину и косность сразу нескольких слоев социального пространства, объединенных общим знаменателем, но искусство не бывает простым делом.

– Феминистское искусство в России в частности и в регионе в целом не является гомогенной средой. Какие линии различения кажутся тебе важными и работающими в этом поле – поколенческие различия или региональные (центр – периферия), политические? Является ли это разделение продуктивным, таким, которое делает поле гетерогенным, создает пространство для диалога из разных перспектив? Или же, наоборот, эти разделения мешают солидарности?

– Думаю, в современной России не стоит игнорировать никакие различия, поскольку они являются политически важными факторами и объясняют развитие отдельных проблем и кластеров. Диалог из разных перспектив станет воз-

можен, на мой взгляд, в том случае, если люди будут признавать факты своего общего и личного исторического бэкграунда, которые нуждаются в рефлексии и анализе с любой точки зрения. Таким образом они сделают свой вклад в сложную мозаичную картину (пост)советской идентичности со всеми ее дискриминационными схемами, которые оказываются до сих пор не описанными до конца. Возьмем минимум: допустим, у нас есть диалог женщины в статусе постсоветского ученого, которая преподает гендерные исследования в университете, и молодой активистки, которая решает проблемы домогательств в университете, домашних побоев или патриархального насилия со стороны родственников. Обе они так или иначе переосмысляют социальную структуру современного общества, но с разными целями. Можно стремиться понять общество, чтобы занять устойчивое место в его структуре. Можно понять схемы взаимодействий, чтобы влиять на них, перестроить их, предложить новые паттерны. Не знаю, с какой стороны возможно понимание между этими двумя женщинами, но, безусловно, для обеих критично выстраивание идентичности, потому что непонятно, из каких идентичностей они общаются между собой. На мой взгляд, самое продуктивное общение – общение двух субъектов, которые могут определить политическую точку их диалога, позиции влияния и сопоставить степени собственной уязвимости. За пределами феминизма в российском обществе это вообще непринятая практика.

– В каких отношениях феминистское искусство находится с другими социальными и политическими институтами в России? Какие тенденции наблюдаются? Со своей стороны мы видим усиление влияния религии (например, разнообразные дела об оскорблении чувств верующих), а также рост милитаристских и имперских настроений. Как это влияет на возможности феминистских художниц и художников, отражается в том, что они делают? К каким социальным группам есть доступ у феминистских художниц и художников? Кто их аудитория?

– Феминистское искусство в России не вышло и не может пока выйти ни на какие рыночные мощности, оно остается полностью активистским пространством. Это значит, что у него есть две фокус-группы: одна из них – непосредственно активистская среда, которая продолжает рефлексировать и создает новые и новые ответы на собственные высказывания, и вторая – широкое пространство российского общества, как это бывает с уличным искусством, влогами и т.д. То есть феминистское искусство достаточно демократично. Безусловно, на активистскую среду, как и на любую другую, очень сильно влияют политические изменения в стране. Эти среды сокращаются, схлопываются, становятся более консервативными – процессы, которые были исключительно заметны в связи с войной и принятием законов о пропаганде. На мой взгляд, вопросы нацио-

нальной идентичности, как и проблема гомофобии, с этого времени стали практически непроговариваемыми в активистской среде, а квир-искусство осталось, за некоторыми исключениями, крайне обобщенной калькой с англоязычных субкультур платформы Tumblr, причем ориентированной на совсем молодую аудиторию.

– Современное искусство и гендер часто воспринимаются как политически заряженные, даже скандальные области. Видишь ли ты связь между «арт-скандалами» (вокруг отдельных выставок, публикаций, событий) и гендерной тематикой? Насколько идея скандала оказывается доминирующей в разговоре о современном искусстве и гендере?

– Думаю, эффект скандальности возникает как реакция на что-то новое, но ведь то, что вызывает скандал в обществе, в активизме обычно является вчерашним днем. Российскому искусству еще только предстоит столкнуться с более детальным и открытым исследованием спектра феминности и маскулинности, с проблемами небинарности, лесбийским гендером, с дискуссией о мачизме в партнерских отношениях любого гендера. В разговорах о современном искусстве совсем не обсуждаются возможности для прямой речи уязвимых групп и схемы возникновения неформальных сообществ, а также вопрос их политизированности.

Если говорить о гендере, то сообщества современного искусства, активизма и академии в целом живут по тем же законам, что и остальное российское общество. Везде в этих средах есть шантаж детьми, сексуальное и финансовое насилие, расизм, стеклянный потолок и многое другое, что есть в обществе в целом. «Гендерные» скандалы обычно связаны с тем, что вскрывается какая-то из этих проблем и сообщество начинает сопротивляться критике, выступая в защиту некорректного поведения.

– В какой степени гендерные исследования оказали влияние на поле искусствоведческой критики или она остается в русле более традиционного искусствоведения?

– Я пока не знаю, с большим интересом слежу за развитием этой ситуации. Сейчас я руковожу двумя диссертациями, обе они с разных сторон проблематизируют гендерные иерархии в советском искусстве 1970-х гг. – такое совпадение получилось случайно. За три года было множество невероятных реакций научного сообщества на эти темы, каждое новое обсуждение приносит волны «торга и отрицания». Но это всего лишь стадии. Я рада быть частью процесса изменений, важно, что такая работа ведется.

Жанар Секербаева

КВИР-АКТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Zhanar Sekerbayeva
Queer Activism in Contemporary Kazakhstan
This article is about the author's personal activist and feminist trajectory and deals with three main themes: personal and political activity, double colonization, activism marginalization and the search for solidarity.

Эта статья посвящена активистской и личной траектории Жанар как феминистки, основательницы «Феминиты». В тексте предпринята попытка осмысления этого выбора и актуализация трех основных сюжетов: 1) личное – политическое, 2) двойная колонизация и 3) маргинализация активизма и поиск солидарности.

Когда личное становится политическим

Когда я говорю об активизме в Казахстане, мне задают одни и те же вопросы: «Когда вы стали активисткой?» и «Что привело к этому?». Трудно объяснить, что это не произошло в одночасье и не связано с тем, что я не нашла «нормального» мужчину. Это было подспудное желание реагировать на несправедливость, которую замечала вокруг и для чего я изначально выбрала, как мне казалось тогда, эффективный инструмент – журналистскую профессию. Нежелание мириться с тем, что при тебе бьют того, кто младше и слабее. Нежелание в студенческие годы видеть несправедливое отношение к учащейся молодежи – от академического и административного домогательства до взяток. Журналистика сформировала мою гражданскую позицию. К примеру, я и несколько моих

друзей впервые выразили протест против изменения ставки образовательных кредитов в Казахстане. Мы являлись этими самыми «кредитниками», и нам в один прекрасный день объявили о том, что мы обязаны выплатить государству не зафиксированную в договорах сумму после завершения обучения, а «плавающую», привязанную к курсу доллара США, который на то время поднялся на несколько пунктов. Это означало, что мы переплачивали бы за учебу в два раза больше. Помню, как собирали подписи, просили «кредитников» не мириться с ситуацией, давали комментарии печатным СМИ и даже одному телеканалу. Самое неприятное, что администрация Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева в Астане заставляла любыми методами подписать согласие. Дошло до того, что нас по одной запускали в кабинет проректора по учебной части, где он тихим голосом объяснял, что вести себя так студенткам вуза не полагается и, чтобы избежать позора, мы должны подписать документы. Так я столкнулась с возрастной и статусной дискриминацией, которая является частью патриархатного порядка в Казахстане. Мне как студентке, девушке, указывали, что можно и что нельзя.

Источник: личный архив Жанар Секербаевой

Мой личный второй протест случился в феврале 2014 г. Это был день очередной девальвации в Казахстане, о которой не сообщалось ни в одном СМИ. За одну ночь сбережения, пенсионные отчисления, зарплаты граждан обесце-

нились по отношению к курсу доллара США. Наша экономика привязана ко всем колебаниям курса иностранной валюты, поскольку Казахстан экспортирует ресурсы: нефть, газ, черные и цветные металлы, руды, зерновые культуры. Я и моя подруга были вдохновлены видео в YouTube, где пожилая женщина в одиночном пикете у Национального банка Республики Казахстан призывала: «Народ, сколько ты будешь молчать? Сколько ты будешь терпеть это унижение? Это ужасно! Вот этот весь беспредел благодаря нашему молчанию, нашему унижению!» Этой женщиной оказалась известная в Казахстане оппозиционерка, лидерка Рабочего движения Казахстана, кандидатка экономических наук Сахиб Галиевна Жанабаева (на фото, в центре). Ее слова отозвались в нас!

Нам было невероятно стыдно за то, что пожилая женщина призывала к действию, взывала к чему-то, что должно было и так быть разбужено в людях разного возраста. Видео побудило нас пойти на митинг против девальвации, но он не получился массовым: многие боялись за свою работу, личную безопасность, за родителей и детей. Именно этот митинг стал катализатором того, что накипело внутри за все время. Несмотря на мирный характер мероприятия, во время которого люди общались друг с другом, произносили речевки, пели гимн, все завершилось насильственным разгоном и арестом людей. Хватали всех подряд – и случайных прохожих, и митингующих, и журналистов. Для массового ареста были пригнаны три специальных автобуса, несколько отдельных машин, которые отвозили людей в РОВД (районные отделения внутренних дел). Нарушения прав человека можно было наблюдать с самого начала и до самого конца – с момента ареста до момента сопровождения в суд без предоставления адвоката и телефонного звонка. Пострадавшие подавали жалобы в Комитет ООН по правам человека, который вскоре сделал заключительные комментарии в адрес казахстанского правительства, не признавшего правовые нарушения.

Неоднократно я становилась свидетельницей отсутствия коммуникации с властью: журналистская пятнадцатилетняя практика позволяет мне заявить, что это «общение» в одни ворота или же получение таких официальных ответов, которые скорее являются выдержками из законов или иных документов. Власть не умеет разговаривать с людьми, не научилась и не хочет этого делать. Патриархатная идеология не подразумевает переговоров, принятия решений с учетом всех сторон, стремления к построению горизонтальных отношений. Реакция на протест или мирную акцию в таком случае – всегда аресты, насилие и грубость полицейских, административные штрафы.

После митинга в Алматы, куда я вышла как гражданка прежде всего, я поняла, что моя журналистская гражданская активность – это не полностью все, чем я могу заниматься, она не до конца отражала то, что у меня наболело внутри, не позволяла выговориться на темы, которые могли быть табу для СМИ. Дело в том, что долгое время я не говорила о себе открыто – о том, что я лесбиянка. Были неприятие себя, полунамеки, молчание в кругу семьи и коллег. Как жур-

налистка я писала о проблемах молодежи, экологов и даже собственников кооперативов квартир, освещала кинофестивали, делала различные репортажи, но никогда мне не приходилось заниматься вопросами и нуждами ЛГБТИК-людей. Они были вычеркнуты из общественной повестки, словно их нет и никогда не существовало. В момент же осознания своей сексуальности я не думала о феминизме. Были попытки объединить людей, создать безопасное пространство, но все это проходило в формате кухонных посиделок – разговоров обо всем за приготовлением еды.

Митинг в Алматы показал, насколько важно актуализировать свой гражданский протест, вводить его в политическое поле. Кого представляю я, когда выражаю свой протест? Кто я? Только ли журналистка? Эти вопросы сподвигли на размышление о том, что необходимо говорить о себе не только через призму профессии, образования, но и через призму сексуальной ориентации. Потому что это уже не только личное, но и политическое в том самом смысле, о котором писала феминистка, публицистка Кэрол Ханиш[1]. Кроме того, после митинга появились комментарии в соцсетях о том, что я внешне похожа на парня, что моя прическа слишком коротка для женщины, что я вела себя с полицейскими слишком воинственно и резко. Получалось так, что добиться общественного одобрения за участие в митинге можно было только при условии, что моя сексуальная ориентация не вызывает сомнений или вопросов, что моя внешность не выходит за рамки конвенциональной женственности. По сути, мое участие в важном мероприятии обесценивалось, сводилось к нулю. Этот момент стал точкой невозврата – стало необходимым говорить публично от себя, от имени гомосексуальных и квир-женщин, которые не вписываются в патриархатную, гетеросексуальную матрицу.

Данное понимание пришло и после митинга, и после обучения в магистратуре в Европейском гуманитарном университете в Литве, куда поступила в 2015 г. Меня заинтересовала программа «Культурные исследования» с фокусом на гендерной проблематике. Именно она дала понять, насколько значимы теория и знание классических феминистских текстов. Личная позиция активистки, выступающей за женские права и права ЛГБТИК-людей, лишь усиливалась благодаря изучению квир-теории, теории феминизма, вопросов сексуальности, телесности. К сожалению, в Казахстане в настоящее время нет ни одного обучающего курса в университетах или летней школы, где была бы возможность получить эти знания. Исключением можно было назвать Первую летнюю школу по гендерным исследованиям для стран Центральной Азии, которая прошла в 2002 г. в Алматы. Она была профинансирована программой поддержки высшего образования Института открытого общества в Будапеште и цели школы были

---

1 Carol Hanisch. The Personal Is Political. Available from: http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html, 2 July, 2017.

другими. Как писала кандидатка философских наук, социологиня гендерных исследований Светлана Шакирова: «В целом, и это не секрет, ГИ (гендерные исследования. – *Прим. авт.*) у нас развивались как часть девелопментализма, проекта развития, с целью обеспечить правительство гендерной экспертизой для ежегодных отчетов ООН и другим международным организациям. С этой же целью в 2005 г. при поддержке ЮНЕСКО был открыт центр гендерного образования Казахского национального университета им. аль-Фараби»[2].

По возвращению в 2016 г. в Казахстан с дипломом ЕГУ мы вместе с подругой решили основать Казахстанскую феминистскую инициативу «Феминита»[3], которая бы продвигала женскую и ЛГБТИК-повестку. Мы также хотели объединить академический и низовой активизм. Хотя казахстанские активистки из женских НПО проделали огромную работу по принятию закона «О профилактике бытового насилия», а также по созданию Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике, оказалось, что среди них остается табу говорить о лесбиянках, геях, бисексуал_ках, трансгендерах, интерсекс и квир. Ясно чувствовалась некоторая дистанцированность женских НПО к ЛГБТИК и феминистским инициативам, выступающим за права ЛГБТИК-людей, актуализирующих вопросы гомосексуальной, бисексуальной ориентации и трансгендерной идентичности, различные формы семей (не только нуклеарные). Что касается ЛГБТИК-организаций, то нужно упомянуть «Амулет». Организация поднимала вопросы, касающиеся СОГИ (сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности), и занималась адвокацией. К сожалению, «Амулет» существовал лишь до 2012 г. И здесь также важно упомянуть исследования Сергея Скакунова (общественный фонд «Адали») и Виталия Виноградова (Центр исследования глобального здоровья Центральной Азии Колумбийского университета), поднимающие вопросы профилактики ВИЧ, а также здоровья мужчин, имеющих сексуальные отношения с мужчинами.

Из личных разговоров с женщинами, представлявшими НПО, я понимала: многие не затрагивают такие вопросы, потому что государство не имеет четкой позиции по отношению к ЛГБТИК-сообществу в Казахстане. С этим можно поспорить. Согласно исследованию правозащитной организации «Артикль 19»[4],

---

2 Шакирова, С. Доклад на международной научно-практической конференции «Гендерные аспекты социальной модернизации общества», Алматы, КазГосЖенПУ, 18 мая 2012 года // Гендерные исследования как часть большого политического проекта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/1BoKSX.

3 Сайт Казахстанской феминистской инициативы «Феминита» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.feminita.org.

4 «Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AUGd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG.

депутаты используют язык ненависти в своих высказываниях о ЛГБТИК-людях: «Если мы не предпримем никаких мер сегодня, мы не сможем остановить гомосексуализм. На сегодняшний день в Алматы насчитывается 20 гей-клубов, 4 в Астане. Это позор!!! Надо принять закон, который позволит считать их преступниками», – высказывался уже экс-депутат Мажилиса парламента[5] Алдан Смайыл[6]. Другой высокопоставленный чиновник Владислав Косарев заявлял, что появление и видимость людей ЛГБТИК представляет собой неоколониальный план, разработанный для уменьшения населения Республики Казахстан. «Почему вы протаскиваете мысль о реальном существовании этих убогих взаимоотношений в нашем обществе? Гомосексуалистов не должно быть, надо признавать как деформацию человеческого сознания. Ведь это насаждение человеконенавистнических отношений, которые неоколониализм проталкивает во все страны, чтобы сократить численность населения», – заявил он журналисту[7].

Эти высказывания свидетельствуют о дискриминационной позиции государства и общества по отношению к ЛГБТИК-людям в Казахстане. В таких условиях заниматься феминистским, ЛГБТИК-активизмом, возглавлять любое непрогосударственное политическое движение становится маргинализующей практикой. Среди казахстанских депутатов практически невозможно найти дружественн_ую депутат_ку, котор_ая бы поддерживал_а вопросы, поднимаемые активист_ками. Достучаться до высшего эшелона власти можно лишь через адвокационные механизмы, к которым мы и прибегли в своей деятельности.

Двойная колонизация

Очень важно, что активист_ки Центральной Азии, куда входят Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Казахстан, имеют общий советский опыт, смыслы, концепты. Знаменательно, что организация ILGA (International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association) на конференции в Бангкоке в конце 2016 г. приняла решение о переносе организаций-членов из Центральной Азии, из азиатской части ILGA в европейскую. Этого добивались мы все – активист_ки, феминистки из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, поскольку мы считаем свой опыт более близким к опыту стран бывшего Советского Союза. Это касается и калькирования российских законов. В Казахстане пытались принять закон, аналогичный Закону о запрете пропаганды гомосексу-

5 Нижняя палата парламента.

6 «В Казахстане предлагают преследовать геев и лесбиянок в уголовном порядке», 24 мая 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/05/24/1132907.html.

7 «Казахстанские геи жалуются на свою нелегкую жизнь», 13 марта 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tengrinews.kz/show/kazahstanskie-gei-jaluyutsya-naneprostuyu-jizn-230029/.

ализма среди несовершеннолетних Российской Федерации (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»[8]). Но, в отличие от России, в Казахстане он был признан неконституционным[9].

Процесс колонизации проявляется на различных линиях неравенства и в поле неправительственных организаций. Они выполняют задачи, соотносящиеся с планом организаций-доноров, которые в большей или меньшей степени формируют повестку НПО на местах. Кроме того, это перенос и адаптация ценностей западного либерализма с его фокусом на правах человека, институтах развития (например, ЮСАИД – Агентство США по международному развитию, ООН – Организация Объединенных Наций, ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Это влияние заметно и на уровне государства, и на уровне НПО, и на уровне повседневной жизни. Феминистки, активистки гендерных НПО – осознанно или неосознанно – принимают инструменты западного феминизма и используют их в целях реколонизации личного и политического пространства.

Маргинализация активизма и поиск солидарности

Феминистский и ЛГБТИК-активизм в Казахстане сопряжен со многими барьерами, поскольку в обществе превалируют гендерные стереотипы, сложившиеся еще в эпоху Советского Союза: с одной стороны, у женщин Центральной Азии, как и у всех женщин Советского Союза, был доступ к образованию, с другой стороны, они оказались заложницами советского гендерного порядка «работающей матери», который ставил в приоритет материнство и гетеронормативную модель. К этому добавляется специфика региона, в котором, несмотря на декларируемую Конституцией Казахстана светскость государства, преобладает религиозный дискурс. Причем заявления мусульманских организаций (запрет суррогатного материнства, рекомендуемые Союзом мусульман Казахстана

---

8 Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», 29 июня 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/70403756/paragraph/1:0.

9 «Закон о защите детей от вредной информации признан в Казахстане неконституционным», 27 мая 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/443895.

способы и скорость занятия сексом[10], предлагаемая полигамия, призывы отдельных имамов к возврату хиджабов для женщин[11]) государственные институции никак не комментируют. Молчание чиновников в этом случае может расцениваться как игнорирование повестки некоторых религиозных институций и, казалось бы, непоощрение такой повестки в условиях светского государства. Но это также может означать и молчаливую поддержку, создание щепетильной ситуации, когда тишина создает повод для тревоги и различных интерпретаций. Для «Феминиты» такая амбивалентность означает вызовы и риски, потенциальное преследование близких людей на основании СОГИ и рост стигмы в отношении ЛГБТИК-людей, которые, по мнению представителей религиозных организаций, угрожают самому главному – институту семьи и морали.

Рост популярности ислама в политической жизни Казахстана возможно объяснить тем, что преобладающее количество населения страны после развала СССР заполняло идеологическую нишу возвратом к религии, в случае с Казахстаном – к исламу. Как пишет кандидат исторических наук, профессор Института мировой экономики и политики, президент Фонда мировой экономики и политики в Казахстане Султан Акимбеков: «Кто-то ограничивался тем, что строил мечети, это стало массовым явлением еще в 1990-е годы, другие повышали собственную религиозность, посещали Мекку, держали уразу»[12]. Историк приводит в пример и приверженность исламу представителей политического истеблишмента: лидером коранитов был сын руководителя Администрации Президента Аслана Мусина. Также известен случай, когда кораниты читали лекцию в казахстанском Комитете национальной безопасности (аналог российской Федеральной службы безопасности).

В марте 2016 г. на площадке государственного Казахского государственного женского педагогического университета (КазЖенПУ) состоялся круглый стол с участием Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК), мечети «Толе би» на тему «Хочешь сохранить нацию – воспитывай девочек»[13], где женщинам приписывались традиционные роли, граничащие с дискриминацией. Например, одна из спикерок Зейнеп Ахметова сообщила, что «предназначение женщины – материнство, а кроме того, каждая уважающая себя келин[14] должна следить за

---

10 «Союз мусульман Казахстана: Сексом можно заниматься со скоростью не более 3 м/с», 27 января 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nur.kz/1389425-soyuz-musulman-kazakhstana-seksom-mozh.html

11 «Сохраняя веру. Монологи священнослужителей Казахстана», 26 июня 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://informburo.kz/stati/sohranyaya-veru-monologi-svyashchennosluzhiteley-kazahstana.html

12 «Ислам в Казахстане: от согласия до запретов?», 28 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asiakz.com/islam-v-kazahstane-ot-soglasiya-do-zapretov

13 «Укрощение строптивой», 23 марта 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.time.kz/articles/tulegennaya-inzheneriya/2016/03/23/ukroshenie-stroptivoj

14 «Келин» в переводе с казахского языка – молодые замужние девушки, невестки, снохи.

уютом в доме и почитать старших» [там же]. Кроме того, приглашенная исследовательница Айгумаль Исмакова отмечала, что женщинам сейчас «мало быть мусульманками, нужно углубленно изучать религию» [там же]. Также она поделилась идеей о том, что «если в мечетях будут служить заслуженные матери в специально отведенных комнатах, то было бы очень полезно для девушек, воспитателей будущего нации»[15]. Как соосновательница «Феминиты» я пыталась наладить связь с гендерным центром в КазЖенПУ, который является чуть ли не главным женским университетом в Алматы, но это удалось лишь на формальном уровне. Мне дали понять, что вузом не приветствуются темы сексуальности, телесности, однополых отношений. В таких очерченных границах найти точки соприкосновения представляется очень сложным.

Другой проблемой в квир-феминистском активизме в Казахстане является отсутствие солидарности и преемственности между инициативными группами и отдельными активист_ками. После истории с «Амулетом», существовавшим с 2009 по 2012 г., со стороны сообщества, на мой взгляд, было потеряно доверие к активизму. Мы знаем активист_ок и волонтер_ок, которые не получали зарплату от организации. Я и мои коллежанки не могли, таким образом, продолжить линию начатой политической борьбы. Такие истории и конкуренция между феминистскими НПО за ограниченные ресурсы создают сложные условия для эффективной деятельности новых феминистских инициатив в стране.

Чтобы не оставить за собой такую разорванную цепь, мы стараемся быть открытыми к любому партнерству и передаче опыта. За короткое время «Феминита» успешно кооперировалась и с трансгендерной инициативой, и с движением женщин «Немолчи.кз», выступающих против насилия, и с кризисными центрами, и с художницами из «Креольского центра». Что еще можно сделать для достижения солидарности? Активист_ки проводят крупные совместные проекты и активности, которые возможно реализовать сообща. Одним из таких проектов может стать шелтер для ЛГБТИК-людей на территории Казахстана.

Парадоксально, но активизм не высвобождает нас, активисток, а еще больше маргинализирует, создает больше внутренних сомнений, не всегда позволяет справиться со стигмой, оставляет наедине с самой собой и ставит больше вопросов, чем дает ответов. Помню, какое было разочарование у представитель_ниц групп оппозиционных инициатив, когда они узнали, что я выступаю за права женщин и ЛГБТИК-сообщества. Недавно гражданские активист_ки подняли в соцсетях вопрос о «послаблении» к феминисткам: им показалось, что марш 8 марта, организованный с целью объединить женщин для возвращения дате ее исторического, радикального наполнения, прошел без арестов и это несправедливо по отношению ко всем митинговавшим в прошлом. Дильнар Ин-

[15] «Ұлтынды сақтаймын десең, қызыңды тәрбиеле» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kazmkpu.kz/kz/media-ortaly-1/zha-aly-tar-2/4116-lty-dy-s-kt-jmyn-dese-kyzy-dy-tarbiele

сенова комментировала в «Фейсбуке»: «Жанар, я уважаю Вашу позицию, но почему нам нельзя, а Вам можно, с чем это связано? Может, мне тоже феминисткой стать? Так как-то безопаснее получается феминисткой»[16]. Конечно, мы сами были удивлены, почему полиция была так «благосклонна», однако это высказывание Дильнар наглядно показывает, насколько отношение к феминисткам в казахстанском обществе несерьезно не только со стороны властей, но и со стороны гражданских, оппозиционных активист_ок.

Блогерка Айжан Хамит высказалась о том, что марш был постановочным: «В прошлый раз на митинг 21 мая люди даже не дошли до площади, их уже «упаковывали» на Абая, гнали толпу вниз по Наурызбай батыра. Хватали всех подряд, особенно тех, кто снимал на мобильники. Так что все эти постановочные митинги с участием бизнесменов или феминисток больше смахивают на попытки себя "обелить" перед проведением ЭКСПО. Мол, посмотрите, какой разгул демократии в стране. Не удивлюсь, если завтра проведут марш секс-меньшинств, чтобы наверняка», – делилась она в комментарии для «Эксклюзив.кз»[17]. Слова блогерки иллюстрируют отсутствие солидарности гражданского общества с феминистским, где последнее низводится до уровня мифов или постановочной акции – чего-то, что не может существовать.

По словам социолога, директора исследовательского центра «Даму» Тимура Айсаутова, феминистки сместили фокус не на те проблемы, поскольку проблемы равноправия в Казахстане намного отличаются от того, что транслируют западные феминистки. «Феминистический марш в Казахстане не отражает реальных существующих проблем. Он призывает не к тем улучшениям и изменениям. Этот марш вообще поднимает не те вопросы», – сообщил Айсаутов[18]. Эти комментарии показывают, что к феминисткам не относятся как к автономному социальному движению, у которого могут быть своя повестка, идеология, принципы. И феминистки действуют, проводят мероприятия согласно своему видению и задачам, не артикулируя сторонние интересы.

Любопытен комментарий, где феминисток сравнивали с активистками из «Femen» в Украине. Цитирую с сохранением грамматики автора: «Где наше руководсьво страны, где силовики? Остановите это пока не поздно!!!!!!! На украине свё тоже начаналось с этих обнажённых девиц, и докатились до майдана и гражданской войны» (ссылка на комментарий не доступна). Интересно, что сравнение с Майданом в Казахстане стало часто употребляемым в публичном дискурсе в отношении любых протестных проявлений. Не избежал этого и фе-

16 Личная страница в «Фейсбуке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.facebook.com/zhanar.sekerbayeva

17 «Что позволено феминисткам, то не позволено оппозиции? (видео)», 9 марта 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exclusive.kz/chto_pozvoleno_feministkam

18 «Марш феминисток в Алматы поднял не те вопросы – ответ социолога», 10 марта 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/zpTk02

министский марш 8 марта, что парадоксально, учитывая нивелирование феминистской повестки в стране в целом. Даже на личном примере в РОВД, куда меня привезли после митинга против девальвации, помню до сих пор слова генерала в ярости: «Ты что, Майдана захотела?!» Майдан превратился в символ чего-то негативного, маргинального, несмотря на то что эта протестная акция была поддержана многими казахстанцами.

Казахстанское феминистское движение повторяет историю российского феминистского движения с его разделением на интерсекциональный и радикальный, трансэксклюзивный феминизмы, перевариванием и адаптацией терминов «гендер» и «феминизм» (им придают негативные коннотации, принимают за ругательство) к пониманию того, что борьба за независимость женщин – это не только борьба за высокий статус. О разностях феминизмов в российской действительности пишет Елена Георгиевская[19], которая прошла путь от TERF-активистки (trans-exclusionary radical feminism) до интерсекциональной феминистки. Во многом ее описание радфем очень схожи с тем, с чем приходится сталкиваться в казахстанской действительности. И пишу я это без всякого осуждения, поскольку понимаю, что не все имеют привилегии получить высшее образование, выучиться за рубежом, читать в оригинале классические тексты и пр. Таким же образом в Казахстане различные женские группы имеют разные приоритеты, доступ к разным организационным, символическим и финансовым ресурсам. Консервативные социально-политические условия, которые я описала, акцентируют эти разделения.

В этой статье я пыталась рассказать о становлении меня как феминистки и поднять актуальные проблемы квир-феминистского движения в Казахстане. Пока активист_ки похожи на разрозненные точки на карте, в разных сторонах и смещенных направлениях. Хотелось бы видеть сеть из соединяющих точки линий, которая показывала бы динамичность развития, стабильность, скоординированность действий. Я переживаю не только за «Феминиту» как соосновательница инициативы, но в целом за феминизм в моей стране, его вхождение в дискурс, адаптацию терминов и концептов на казахский язык, солидаризацию женских и квир-феминистских инициатив.

Наша задача – продолжение мониторинга, а также перевод и адаптация как можно большего количества материалов о феминизме и правах женщин на казахский язык. Такие вызовы показывают, что еще не сделано, но есть и то, чем мы можем гордиться. Казахстанская феминистская инициатива «Феминита» менее чем за год смогла добиться получения рекомендаций от Комитета ООН по правам человека по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в стране. Комитет вынес их после рассмотрения альтернативного доклада

---

[19] «Покидая транс-эксклюзивный феминизм», 10 января 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tovaryshka.info/leaving-terf/

«Феминиты» по выполнению Казахстаном своих обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП) в 2016 г.[20] Замечания международной организации усилили и актуализировали рекомендации о включении СОГИ в качестве запрещенных оснований для дискриминации и упрощении процедуры признания гендерной идентичности. Это было сделано впервые! До этого Казахстан еще не получал подобных рекомендаций.

Хотя опыт нашей феминистской инициативы пока ощущается единичным с точки зрения защиты прав ЛГБТИК-людей, в Казахстане есть положительные изменения. Казахстанские правозащитные неправительственные организации начинают работать с феминистками, защитни_цами прав ЛГБТИК-людей, пусть и не всегда лично им симпатизируя. На своем опыте приходилось сталкиваться с тем, что люди, имеющие юридическое образование и работающие во благо групп, которые подвергаются угнетению и давлению, не считают актуальным сейчас говорить о СОГИ. Тем не менее представитель_ницы правозащитных организаций проявляют неподдельный интерес к данным исследований о ситуации ЛГБТИК в Казахстане, и это показывает их готовность к солидарности.

В Международный день борьбы против гомофобии и трансфобии «Феминита» презентовала 17 мая 2017 г. в Астане и 19 мая в Алматы отчет предварительных данных первого в своем роде исследования, посвященного оценке потребностей лесбиянок, бисексуалок, квир-женщин (ЛБК) в 16 городах Казахстана. Исследование[21] позволило составить социологический портрет ЛБК-женщин в разрезе прав, потребностей здоровья, политической и гражданской активности. Правозащитни_цы, представитель_ницы государственных организаций получили возможность узнать: женщины различных ориентаций существуют, у них есть специфические потребности, их права нарушаются и об этом нужно говорить.

Источники

Hanisch C. The Personal Is Political. Available from: http://www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html, 2 July, 2017.

Шакирова С. Доклад на международной научно-практической конференции «Гендерные аспекты социальной модернизации общества», Алматы, КазГосЖенПУ, 18 мая 2012 года // Гендерные исследования как часть большого политического проекта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/1BoKSX

Сайт Казахстанской феминистской инициативы «Феминита». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.feminita.org

[20] С докладом на английском языке можно ознакомиться на сайте «Феминиты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared Documents/KAZ/INT_CCPR_CSS_KAZ_24058_E.pdf

[21] «Портрет в сумерках: Оценка потребностей ЛБК-женщин в Казахстане» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.steppeuca.info/single-post/portretvsumerkah

«Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AUGd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG

«Не провоцируйте, не создавайте проблем»: цензура и самоцензура в сообществе ЛГБТ в Казахстане», исследование правозащитной организации «Артикль 19», 2015 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stat.feminita.org/download.php?id=1&token=7AUGd8HZKh0CigVQpu9Z4ODpNkX2ICdG

«В Казахстане предлагают преследовать геев и лесбиянок в уголовном порядке», 24 мая 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/05/24/1132907.html

«Казахстанские геи жалуются на свою нелегкую жизнь», 13 марта 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tengrinews.kz/show/kazahstanskie-gei-jaluyutsya-na-neprostuyu-jizn-230029/

«Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», 29 июня 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.garant.ru/news/481391/#ixzz4lg8hFGAD

«Закон о защите детей от вредной информации признан в Казахстане неконституционным», 27 мая 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/443895

«Союз мусульман Казахстана: Сексом можно заниматься со скоростью не более 3 м/с», 27 января 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nur.kz/1389425-soyuz-musulman-kazakhstana-seksom-mozh.html

«Сохраняя веру. Монологи священнослужителей Казахстана», 26 июня 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://informburo.kz/stati/sohranyaya-veru-monologi-svyashchennosluzhiteley-kazahstana.html

«Ислам в Казахстане: от согласия до запретов?», 28 декабря 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asiakz.com/islam-v-kazahstane-ot-soglasiya-do-zapretov

«Укрощение строптивой», 23 марта 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.time.kz/articles/tulegennaya-inzheneriya/2016/03/23/ukroshenie-stroptivoj

«Ұлтыңды сақтаймын десең, қызыңды тәрбиеле». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kazmkpu.kz/kz/media-ortaly-1/zha-aly-tar-2/4116-lty-dy-s-kt-jmyn-dese-kyzy-dy-tarbiele

Личная страница в «Фейсбуке». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.facebook.com/zhanar.sekerbayeva

«Что позволено феминисткам, то не позволено оппозиции? (видео)», 9 марта 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exclusive.kz/chto_pozvoleno_feministkam

«Марш феминисток в Алматы поднял не те вопросы – ответ социолога», 10 марта 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.gl/zpTk02

«Покидая транс-эксклюзивный феминизм», 10 января 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tovaryshka.info/leaving-terf/

С докладом на английском языке можно ознакомиться на сайте «Феминиты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared Documents/KAZ/INT_CCPR_CSS_KAZ_24058_E.pdf
«Портрет в сумерках: Оценка потребностей ЛБК-женщин в Казахстане». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.steppeuca.info/single-post/portretvsumerkah

Полемика

Светлана Шакирова

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ЧАСТЬ БОЛЬШОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА: ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАХСТАНА[1]

Svetlana Shakirova

Gender Studies as a Part of the Big Political Process: a View from Kazakhstan[1]

From the standpoint of an insider who has devoted many years to the development of gender studies in Kazakhstan, the author reflects on the aims, results and long-term effects of the political project of the West for the development of the post-Soviet region. Gender studies, as a new area of scientific enquiry and a new discipline in higher education has been a part of this project. The author comes to the conclusion that the institutionalization of gender studies in the region has unfortunately failed.

Keywords: Gender Studies, democracy, international donors, USA, Europe, Kazakhstan, decolonial approach.

С позиций инсайдера, посвятившей много лет развитию гендерных исследований в Казахстане, авторка размышляет о целях, результатах и эффектах политического проекта Запада по освоению постсоветского региона. Частью этого проекта являлись гендерные исследования как новая научная область и дисциплина высшего образования. Авторка приходит к выводу, что проект институциализации гендерных исследований не увенчался успехом.

Трудности проведения в жизнь гендерной политики в Казахстане, с которыми столкнулось сначала женское движение,

---

[1] Этот текст является переработанной версией доклада, прочитанного на международной научно-практической конференции «Гендерные аспекты социальной модернизации общества». Алматы, КазГосЖенПУ, 18 мая 2012 г.

а затем правительство, в частности Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, объясняются целым комплексом причин институционального и личностного порядка. В данном тексте я рассмотрю часть этой проблемы – трудности институциализации гендерных исследований в Казахстане, внешние и внутренние причины неприживаемости этой области знания в локальном контексте.

Начнем с того, что гендерная политика, гендерное образование и гендерные исследования на постсоветском пространстве возникли не самопроизвольно, не из внутренних потребностей общества и науки, а были импортированы с Запада как часть большого модернизационного политического проекта, предложенного нам и другим странам транзита и «третьего мира». Роль международных доноров в появлении, укреплении и спаде женского движения и гендерных исследований в нашем регионе ни для кого не является секретом, их воздействию на Казахстан посвящена одна из моих работ (Shakirova 2015)[2].

Гендерные исследования на постсоциалистическом пространстве: борьба США и ЕС за влияние

В свое время меня поразила точка зрения немецко-австрийской исследовательницы Сюзан Циммерманн, профессорки Департамента гендерных исследований Центрально-Европейского университета в Будапеште. Ее статья (Zimmermann 2005) о становлении гендерных исследований в постсоциалистических странах как о целенаправленном западном проекте, осуществляемом при финансовом участии международных организаций и западных частных фондов, является, на мой взгляд, одной из самых проницательных на эту тему.

Скрупулезно проследив логику роста женских и гендерных исследований в регионе, исследовательница обнаружила, что первые центры гендерных исследований появились без влияния государственных и внешних политических акторов, к примеру, в Любляне (1986), Москве (1990), Бухаресте (1990), Лодзи (1992). Лишь в Праге (1991) такой центр возник при поддержке немецкого фонда ФрауэнАнштифтунг (см. Zimmermann 2005: 65–66). Во второй половине 1990-х на арене появляются американцы и создают, по словам Циммерманн, «теневую сеть высшего образования» (shadow network of higher education), имеющую англо-саксонский характер. Ее главным форпостом стал Центрально-Европейский университет, открытый Джорджем Соросом в 1991 г. в Будапеште. Благодаря энергии Ненси Стэпан, супруги тогдашнего ректора ЦЕУ, в 1996 г. там открылась академическая программа по гендерным исследованиям как междисциплинарная программа с выдачей сертификата (Zimmermann 2005: 70). По-

[2] Обзор литературы по данной теме в отношении всего постсоциалистического пространства Восточной и Центральной Европы см. в статье Натальи Павлович в этом выпуске. – *Прим. редактор_ок.*

следовали ряд семинаров по ГИ в самом ЦЕУ, недельные визиты в ЦЕУ преподавателей из постсоциалистического региона, летние школы и т.д. В основном появление гендерных исследований происходило в новых частных вузах, а параллельно с этим шло проникновение американских фондов в государственные вузы региона. Так, в 1992 г. фонд МакАртуров поддержал открытие «centers of excellence» в 25 госвузах России, годовой бюджет программы составил 7 млн долларов (Zimmermann 2005: 67).

Большую роль в становлении ГИ в регионе сыграли фонд Сороса, Институт Открытого общества и его Сетевая женская программа, которая поддерживала институциализацию гендерных исследований с 1997 г. При их поддержке в 1998 г. прошла первая конференция по женским и гендерным исследованиям в Белграде для 140 участниц из 30 стран, была издана директория женских и гендерных исследований этих стран. На постсоветском пространстве вторым центром после московского, который с 1994 г. начал работу по институционализации гендерных исследований, стал Харьковский ЦГИ. В 1997 г. при поддержке фонда МакАртуров был открыт ЦГИ при ЕГУ в Минске. При поддержке фонда Форда в 1997 г. в Европейском университете Санкт-Петербурга появляется магистерская программа по гендерным исследованиям. В Баку ЦГИ возник в 2000 г., в Бишкеке в Американском университете Центральной Азии – в 1993 г., хотя там и не было отдельного курса по гендерным исследованиям. В Алматы ЦГИ был инициирован Программой развития ООН и начал работу в 1998 г. Таким образом, полагает С. Циммерманн, теневая сеть престижных американских частных университетов установила гегемонию над дисциплиной гендерных исследований в регионе (Zimmermann 2005: 71).

Помимо становления гендерных исследований как университетской дисциплины правительства стран региона под влиянием новых международных стандартов стали нуждаться в гендерной экспертизе и статистике. Однако только этим невозможно объяснить, почему частные вузы, фонды и правительства оказались так заинтересованы в развитии женских и гендерных исследований в регионе. Глубинная коллизия состояла в асимметричной функциональности «гендера» как символа и инструмента политики транснациональных интересов в зоне конфликтных международных отношений. Международные акторы были заинтересованы в гендерных исследованиях не как в научной области, а как в способе распространения демократии и идеологии рыночной экономики. С середины 1990-х гг. связь гендерных исследований с дискурсом демократии становится неразрывной.

То, что гендер и гендерные исследования стали символами вестернизации, объясняется рядом факторов. Во-первых, полагает Циммерманн, права женщин всегда выступали методом политического доминирования Запада, еще со времен Британской империи, когда была озвучена проблема сати – ритуала сожжения вдов. Во-вторых, коммодификация женского труда и признание его

важности для капиталистического производства стали поводом для признания гендерного равенства как одного из основных аспектов либеральной демократии. Кроме того, гендер как категория социального анализа, не находившая при социализме права на существование, пытается заместить или вытеснить собой понятие класса и классового анализа. Таким образом, во второй половине 1990-х гг. феминистски ориентированные исследователь_ницы и политические активист_ки, продвигавшие гендерные исследования, сами того не осознавая, оказались связанными с большой политикой – сферой высокой конкуренции за мировую гегемонию (Zimmermann 2005).

Анализируя ситуацию появления гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве далее, Циммерманн указывает, что «с начала 2000-х пути развития гендерных исследований в трех регионах – Центральная и Восточная Европа, Россия и Центральная Азия – начали расходиться. В ЦВЕ шла EU-изация гендерных исследований, Болонский процесс. В России, Украине и Беларуси гендерная проблематика свелась к вопросам семьи, рынка труда и социальной политики, а в Центральной Азии и других неевропейских странах СНГ гендерные исследования поддерживаются донорами с целью "удержания в западной орбите"» (Zimmermann 2005: 78). Можно усмотреть в этой идее определенное упрощение и гомогенизацию анализируемого региона и целей западной финансовой помощи[3]. Действительно, то, о чем писала Циммерманн, например, в отношении европейской части постсоветского пространства, более характерно для России, чем для Украины и Беларуси. Ее утверждение может быть поставлено под сомнение одним лишь перечислением тематики номеров журнала ХГЦИ «Гендерные исследования», а также многообразием тем и методологических подходов диссертаций, монографий, статей, конференций по гендерным исследованиям в России, Украине и Беларуси. Однако ее виденье процессов, происходящих с гендерными исследованиями в Центральной Азии, кажется мне достаточно убедительным.

В подтверждение тезиса Циммерманн об особой роли западного влияния для развития гендерных исследований в Центральной Азии можно привести большое число проектов и программ различных европейских и североамериканских доноров, реализованных при активной роли НПО. Например, в 1999 г. начала работу программа «Уполномоченное образование» с офисом в Киеве. Сетевая женская программа фонда Сороса очень успешно, на мой взгляд, провела трехлетнюю программу поддержки гендерных исследований в вузах, включавшую международную конференцию в Бухаре в 2003 г., летние школы на Иссык-Куле, а также издание серии книг «Гендерная коллекция – зарубежная классика», создание документальных фильмов из серии «Гендерный маршрут».

[3] Я благодарна за этот комментарий редактор_кам номера и анонимному_ой рецензент_ке.

В странах Центральной Азии бурному развитию гендерных исследований способствовали ежегодные конференции и летние школы. В 2001 г. алматинский ЦГИ провел первую студенческую научно-практическую конференцию «ГендерСтарт» в университете иностранных языков (КазУМОиМЯ им. Абылай хана) при поддержке американской информационной службы USIS (United States Information Service). Первая летняя школа по гендерным исследованиям для стран Центральной Азии проведена была авторкой данной статьи с коллегами в 2002 г. в Алматы (при поддержке HESP – программы поддержки высшего образования Института открытого общества в Будапеште). В Кыргызстане прошла серия ежегодных летних школ по гендерным исследованиям. В 2005 г. при поддержке ЮНЕСКО был открыт центр гендерного образования в Казахском национальном университете имени аль-Фараби.

Другими словами, вывод, который предлагает Сюзан Циммерманн, таков: институциализация гендерных исследований может рассматриваться как часть большой геополитической игры, соревнования между США и Европейским союзом за влияние на постсоциалистический регион (Zimmermann 2005: 78). На мой взгляд, в настоящее время, в 2017 г., сущность этого противостояния воспринимается намного драматичнее, чем в 2005 г., поскольку после революции тюльпанов в Кыргызстане и других событий в Центральной Азии геополитическое значение нашего региона остается важным. В этой связи можно привести мнение российского исследователя Д. Попова о том, что «Центральная Азия если временно и выпадет из фокуса американской внешней политики, то в будущем будет неизбежно вновь и вновь в него возвращаться, а Вашингтон (хотя это официально и отрицается) будет играть здесь роль оппонента континентальным державам, аналогичную той, что ранее имела Британская империя» (Попов, 2016: 8). Поэтому высказываемая в этом тексте идея о включенности академической дисциплины «гендерные исследования» в более широкий геополитический аспект является, на мой взгляд, ключевой в понимании событий последней четверти века. К похожему заключению приходит и Елена Гапова в своем анализе развития гендерных исследований на постсоветском пространстве (Гапова 2010).

В то же время стоит отметить, что уже с середины 2000-х намечается спад интереса к финансированию гендерных проектов со стороны международных фондов. Например, в статье Елены Кочкиной «Гендерные исследования в России: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий» приводятся данные, согласно которым «Объем финансирования западными донорами гендерных проектов сократился в 2006 г. по сравнению с 2003 г. раз в 10» (Кочкина 2007: 113). Таким образом, процесс развития гендерных исследований и его связь с западной финансовой помощью являются более сложными, чем они представлены в тексте Циммерманн, особенно если читать его с перспективы сегодняшнего дня.

Гендерные исследования в Центральной Азии

Тема становления гендерных исследований в неевропейских республиках СНГ стала объектом внимания не только европейских ученых, но и ряда исследователь_ниц из России (Анна Темкина, Елена Здравомыслова, Ирина Тартаковская, Сергей Абашин), а также русскоязычных исследователь_ниц, аффилированных в западных университетах (например, Мадина Тлостанова, Сергей Ушакин).

Докторантка гендерной программы Центрально-Европейского университета Ольга Зубковская, проведя серию глубинных интервью с исследователь_ницами и лидер(к)ами женского движения Алматы, пришла к следующему выводу:

> «…я далека от того, чтобы искать некий "аутентичный" голос среднеазиатского феминизма, не замутненный советской и западной колонизацией. В равной степени я не склонна рассматривать феминизм в Средней Азии исключительно как результат деятельности интеллектуальных элит, осуществляющих посредничество между западными донорами и местным населением. (…) Феминизм в Средней Азии оказывается не следствием пробуждения некоего исконного феминистского начала, сколько ситуационной мобилизацией дискурсивных ресурсов здесь и сейчас. При этом особый "голос" среднеазиатского феминизма формируется не в осознанном противопоставлении или открытом сопротивлении влиянию локальных маскулинных элит, западных доноров или советских иерархий на ход производства знания, сколько возникает как результат локализации между различными дискурсами гендерного порядка – донорским, советским и националистическим» (Зубковская 2007: 396–397).

Вскоре о становлении гендерных исследований и женского движения в бывших республиках СССР писали известные российские исследовательницы Елена Здравомыслова и Анна Темкина. За 20 лет развития мы получили те же итоги, что феминизм на Западе за 40 лет – «маргинализация, геттоизация, поколенческие разрывы, демобилизация в женском движении, размывание политического субъекта в постмодернистской парадигме» (Здравомыслова, Темкина 2007: 76). Однако авторки не склонны к драматизации ситуации и демонизации международных акторов, что характерно для Сюзан Циммерманн. Ими принимается во внимание политический контекст (путинская Россия и ее отношения с ЕС и США), они считают, что феминисток и гендерных исследователь_ниц разных стран сближает критическая позиция. В целом все, на что Циммерман смотрит подозрительно, у российских авторок вызывает позитивные чувства (летние школы, виртуальные сети, информационные рассылки, печатные и онлайн-издания, новые курсы).

Столь же позитивно оценили развитие гендерных исследований в Казахстане и Кыргызстане И. Тартаковская и Л. Попкова:

> «Несмотря на все многочисленные препятствия и барьеры, gender studies, о которых еще 10 лет назад практически никто и не слышал ни в Казахстане, ни в Кыргызстане, все-таки вошли в какой-то форме в вузовские программы и продолжают развиваться» (Тартаковская, Попкова 2008).

Осмысливая структуру гендерных отношений, полагают они, исследователь_ницы «воздействуют на гендерный порядок своего общества». Среди проблем ими было отмечено следующее:

> «Неформальные высказывания влиятельных администраторов говорят о том, что gender studies не вполне уместны в контексте конструирования новой национальной гендерной идеологии, апеллирующей к “традициям” и “корням”» (Тартаковская, Попкова 2008).

Таким образом, настойчиво повторяется проблема восприятия гендерных исследований как части западной культуры, западной академической и политической идеологии, что особенно активно в последнее время стало конструироваться как конфликт с тем, что мыслится как «местное», «локальное», «традиционное».

Как привнесенное извне знание гендерные исследования всегда нуждались в поддержке – и финансовой, и моральной. Финансирование гендерного образования в Казахстане, особенно вузовского, никогда не было приоритетной задачей международных организаций, за исключением ПРООН. Для большинства доноров гендерные исследования относились к академической области, не влиявшей напрямую на эффективность внедряемых программ развития в силу ограниченности целевой группы. Однако все доноры признавали нехватку профессиональных экспертов в области гендерных отношений, особенно со знанием английского языка. Что касается финансирования образовательных и исследовательских проектов, можно уверенно констатировать, что наиболее благоприятные годы для их развития пришлись на конец 1990-х – начало 2000-х гг. (конкретные примеры представлены в предыдущем разделе).

Мне приходилось не раз описывать разные способы внедрения дисциплины «гендерные исследования» в наших вузах – сверху, снизу и посередине (Shakirova 2015; Шакирова 2005). Способ снизу, когда исследовательница инициирует преподавание гендерного курса в своем вузе, используя лишь собственные ресурсы и согласие руководства, очень хорошо известен в Казахстане. Такую ситуацию зыбкости и неустойчивости Жеребкина называет «непристойным дополнением» личного, телесного к университетской институциализации. «Суть этого

хрупкого контакта состоит в том, что он является *личным*, а не институциональным (…), а в личном контакте всё – как и в любви – непрочно» (Жеребкина 2003: 233–234). В случае же институциализации сверху имеет место «прямая непристойность» (Жеребкина 2003: 233–234), так как введение новых курсов при поддержке ПРООН и Министерства образования держится на открытой власти и авторитете мужчин – ректоров и деканов. И жизнеспособность новой дисциплины во многом обязана продолжению поддержки с их стороны.

Для продвижения новой дисциплины важно учитывать языковой ландшафт той или иной страны. В Казахстане, в отличие от России, стояла задача развития гендерных исследований на собственной национальной основе, на своем государственном языке. Эту особенность вовремя осознали украинские гендерные исследователь_ницы, одним из примеров этого стал перевод «Второго пола» Симоны де Бовуар, изданный в Украине раньше, чем в России.

Иная ситуация сложилась в Казахстане. Все защиты диссертаций по гендерной тематике у нас проходили на русском языке, монографии и статьи публикуются на русском языке, учебной литературы на казахском языке очень мало. Это было связано как с отсутствием социального заказа на издание такой литературы, так и с недостатком переводческого потенциала ученых, привыкших работать на русском языке. Но у этой задачи есть и другой ракурс.

В последнее время стало принято настаивать на преимуществе национального способа организации гендерных отношений в интересах возрождения традиций, определения национальной и культурной идентичности казахского народа. На протяжении 25 лет независимости идут процессы построения новой нации, выработки как общегражданской идеи единства народов страны (Казахстан – наш общий дом), так и этнически маркированной идеи священной земли казахов («Мәңгілік ел»).

Следовательно, гендерные исследования должны отвечать и на теоретические вопросы нациостроительства. Какие образы предлагаются казах(стан)скому народу в качестве национальных героев и героинь? Не слишком ли мифологизируется золотой век казахской истории в аспекте его гендерно-ролевых образцов? Не является ли поэтизация батыров, ханов и цариц попыткой закрепить вторичные, обслуживающие, незаметные роли обычных женщин в обществе? Вклад гендерных исследователей в критическое осмысление работ национал-патриотической интеллигенции, на мой взгляд, был бы сегодня как никогда своевременным.

О деколониальности в ГИ

Кроме этого, в наших географических и геополитических реалиях невозможно не поставить вопрос о гендерных исследованиях и феминизме с позиций деколониального поворота. В социально-гуманитарную сферу постсоветских

стран благодаря московской исследовательнице Мадине Тлостановой была введена концепция деколониальности. В ее книге «Деколониальные гендерные эпистемологии» (Тлостанова 2009) впервые в русскоязычной научной литературе поставлен вопрос об уникальности феминистского голоса стран Закавказья и Центральной Азии, проведена параллель феминизма нашего региона с феминизмами стран третьего мира – Мексики, Египта, Китая, Нигерии, ЮАР, стран Карибского бассейна (подробнее о книге см.: Абашин, Шакирова 2010).

Тлостанова полагает, что развитие женского движения на постсоветском пространстве явилось частью более глобального политического проекта, в котором на новом витке воспроизводится противостояние и логика взаимодействия бывшего первого, второго и третьего миров – в терминах деколониального проекта, «колониальности власти» и «колониальности гендера». Авторка задает вопрос: возможно ли внутри этого противостояния практиковать некую степень независимости и альтернативного выбора для центральноазиатского гендерного активизма? Наряду с комплиментами в адрес исследовательниц Казахстана и Узбекистана, производящих аутентичный гендерный дискурс своего региона, высказываются и критические оценки, относящиеся, в частности, к тому, что, как правило, все социальные, политические и экономические проблемы у нас интерпретируются в рамках дискриминации женщин вообще мужчинами вообще.

В чем может состоять для нас полезность знания из столь отдаленных и необычных культурных ареалов, как бывшие британские, испанские, португальские и иные колонии? Тлостанова уверена, что

> «представители пограничного мышления и деколониальные феминистки формируют новые транс-модерные гендерные дискурсы, переосмысляя как западный феминизм, так и точку зрения традиционных культур. Они построены на принципе диалогических знаний, курсирующих между Западом и не-Западом, открывающих точки соприкосновения между западной философией (чаще контекстного (т.е. бунтарского. – *С.Ш.*) толка) и космологиями, субъектностями и системами социальной справедливости коренных народов» (Тлостанова 2009: 359–360).

Неутешительное заключение

Логично задать вопрос: а что сегодня происходит у нас с гендерными исследованиями? Поддерживает ли их еще кто-нибудь?

Рыночная идеология утвердилась, геополитические игроки заняли свои позиции в регионе, ценности демократии никого уже, как прежде, не впечатляют, хотя и собирают под свои знамена верных правозащитников. Министерству

образования и науки Республики Казахстан гендерные исследования не были нужны раньше и не нужны по сей день. Феминизм, хотя и вошел в повседневный оборот, по-прежнему ассоциируется с его радикальной ветвью, которая в последние годы помолодела и носит открытый ЛБГТ-характер. В университетах гендерные курсы как проявление «непристойного дополнения» чахло доживают свое. Если они и существуют сегодня, так только в таких американских институциях, как Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), Назарбаев Университет и др. С чего начали, тем и завершили.

Литература

Kotkin S. Report on Western Support for Higher Education in the Russian Federation. 2006. Цит. по: Елена Гапова. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // *Ab Imperio*. № 4. 2011. С. 289–323.

Shakirova S. Gender Equality Policy in Kazakhstan and the Role of International Actors in its Institutionalization. In: *Institutionalizing Gender Equality Historical and Global Perspectives.* Ed. by Yulia Gradskova and Sara Sanders. L: Lexington Books. 2015. P. 209–224.

Shakirova S. Gender Policy and Nation-Building in Kazakhstan: Parallel or Opposing Processes? In: *Gender & Human Development in Central and South Asia*. Ed. by Mondira Dutta. New Delhi, India, Pentagon Press. 2013. P. 253–262.

Zimmermann S. Frauen und Geschlechterstudien in hoeheren Bildungswegen in Zentraleuropa und im postsowjetischen Raum / The Institutionalization of Women and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration. *L'Homme: Europäische Zeitschrift für feministische Geschichtswissenschaft.* № 16. 2005. S. 63–88.

Абашин С., Шакирова С. «Деколониальные гендерные эпистемологии» Мадины Тлостановой: новые академические вызовы гендерным исследованиям в России? // Гендерные исследования. 2010. № 19. С. 267–279. Электронный ресурс: http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/19/18.pdf

Гапова Е. Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии. В: *Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования.* Т. II. Отв. ред. и составитель Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010.

Жеребкина И. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003.

Здравомыслова Е., Темкина, А. Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // Гендерные исследования. 2007. № 15. С.75–91.

Зубковская О. Постколониальная теория в анализе постсоветского феминизма: дилеммы применения //Ab Imperio. 2007. № 1. С. 395–420.

Кочкина Е. Систематизированные наброски. Гендерные исследования в России: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 92–143.

Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США: 1991–2016 годы. М.: РИСИ, 2016.

Тартаковская И., Попкова Л. Gender Studies Curriculum Development (Cases of Kazakhstan and Kyrgyzstan). 2008.
Тлостанова М. Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2009.
Шакирова С. Интервью с Сюзан Циммерманн, профессором ЦЕУ. Информационная рассылка Центрально-азиатской сети гендерных исследований. Апрель 2004.
Шакирова С. Гендерные символы национальной идеи: современные дискуссии в Казахстане // Гендерные исследования. 2010. № 19. С. 186–202.
Шакирова С. Обзор гендерного образования в Казахстане // Гендерные исследования, гендерная политика и женское движение в странах Центральной Азии: попытка диагноза. Алматы: Фонд им. Ф. Эберта, Центр гендерных исследований, Центр гендерного образования КазНУ им. аль-Фараби, 2005. С. 96–130.

Создавая гендерные пространства

Юлія Батура

ГІД «ВІЛЬНЯ: ГАЛАСАМІ БЕЛАРУСКІХ ЖАНЧЫН»

Batura Yuliya
A Guide: "Vilnius Through Belarusian Women's Voices"
The guide "Vilnius through Belarusian Women's Voices" gives an opportunity to take a virtual walk in the footsteps of prominent Belarusian women: Ciotka and Zos'ka Veras. Accordingly, the first two parts of the guide contain general biographical information and personal stories that are told in connection with historical places and buildings of Vilnius. The third section familiarizes the reader with the poorly known Belarusian women's association in Vilnius, one of the first in Western Belarus in interbellum time, and introduces places where its press organ was edited and printed. This type of concept was suggested as a response to the problem of the traditionalist vision of the cultural heritage of Belarusian Vilnius in line with the current trend to find new approaches to the interpretation of heritage, including its gender dimension. The guide can be considered as an attempt to show that Vilnius heritage can communicate with us through Belarusian women's voices.
Keywords: Belarusian Vilnius, women's routes and guidebooks, gender dimension of heritage, Ciotka, Zos'ka Veras, journal "Zhanotskaya sprava".

Прадмова

Гід «Вільня: галасамі беларускіх жанчын» – гэта гісторыі дзвюх выбітных беларусак Цёткі і Зоські Верас, а таксама жаночага аб'яднання, аднаго з першых у Заходняй Беларусі міжваеннага часу. Гісторыі, якія будуць расказаны ў сувязі з гістарычнымі месцамі Вільні, будынкамі, якія могуць размаўляць з намі і галасамі беларускіх жанчын.

Ідэя стварэння гіда нарадзілася два гады таму, калі жаданне сумясціць у курсавой працы неабходнасць вывучэння спадчыны і інтарэс да феміністкіх даследаванняў прывяло да майго навуковага кіраўніка Уладзіслава Іванова. Менавіта ён прапанаваў мне звярнуць увагу на беларускіх жанчын Вільні. Пошукі інфармацыі пра іх спадчыну пачаліся з гідаў, – напэўна, найбольш распаўсюджанага сродку інтэрпрэтацыі. Таму спачатку проста, а потым праз гендарныя акуляры былі перачытаны ўсе існуючыя гіды па беларускай спадчыне Вільні: «Вандроўкі па Вільні»[1] Лявона Луцкевіча, «Беларускія старонкі Вільні»[2] Кірыла Атаманчыка; два віртуальныя, апублікаваныя на вэб-сайце – «Страчаная сталіца»[3] Кастуся Лашкевіча і «Беларуская Вільня»[4] Аляксея Лапо. У выніку атрымалася, што жаночаму досведу ў гэтых тэкстах адведзена мінімальнае месца[5]. Паслядоўна ўзнікае пытанне: няўжо ў тыя перыяды, што апісалі аўтары, жанчын не было? Ці іх унёсак, на погляд даследчыкаў, настолькі малы, што не заслужыў увагі? І калі адказ на апошняе – так, то чаму?

Вядома, што заканамернасці адбору аб'ектаў і постацяў для рэпрэзентацыі беларускай Вільні звязаныя з больш глабальнымі прычынамі маргіналізацыі жаночага. Аднак гендарныя пытанні сферы спадчыны пачалі задаваць нядаўна, таму і літаратуры па гэтай тэме няшмат, тым больш у руска-беларускамоўнай інтэлектуальнай прасторы. Гэта сведчыць пра актуальнасць праблемы, але робіць працу больш складанай, а рэзультаты эксперыментальнымі. Тым не менш тэксты заходніх даследчыкаў і даследчыц, у першую чаргу, адзначаюць, што гендар непасрэдна ўплывае на тое, што мы разумеем як спадчыну. Адсюль вынікае: гендарная нечуллівасць у падыходзе да інтэрпрэтацыі спадчыны – гэта адлюстраванне патрыярхальнага ўплыву на інтэлектуальнае поле. Да таго ж узгаданыя катэгорыі гендара, спадчыны і інтэрпрэтацыі заўсёды ідуць разам з адносінамі ўлады і выкарыстоўваюцца для яе ўсталявання[6]. Па сутнасці, ад гэтага залежыць, напрыклад, што будзе лічыцца спадчынай, колькі жаночых постацяў мы ўбачым ў чарговым гідзе і як пра іх (не)раскажа экскурсавод. Інакш кажучы, інтэрпрэтацыя спадчыны не можа быць гендарна нейтральнай.

---

1 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. Вільня: Выдавецтва Таварыства беларускай культуры ў Літве, 1998.

2 Атаманчык, К. Беларускія старонкі Вільні. Вільня, 2012.

3 Лашкевіч, К. Страчаная Сталіца 2009 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: http://klashkevich.com/vilniaby/ Дата доступу: 23 студзеня 2017; 14:45.

4 Лапо, А. «Беларуская Вільня», сайт грамадска-культурніцкай кампаніі Беларусі «Будзьма беларусамі!», 2014_[Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://budzma.by/news/bn-iq48-i-pomidoroff-skyemili-na-trokh.html> Дата доступу: 23 траўня 2017; 21:58.

5 Батура, Ю. Гендарная рэпрэзентацыя ў гідах па беларускай Вільні: курсавая праца. Вільня, 2017.

6 Shortliffe, S. Ellen. Gender and (World) Heritage: The Myth of a Gender Neutral Heritage. Master thesis, Brandenburg University of Technology Cottbus, 2008. P. 3.

Гэта вельмі парадаксальна, паколькі менавіта ў гідах інфармацыя нярэдка прэтэндуе на нейтральнасць, а на самай справе часта хавае мужчынскую перспектыву[7]. З іншага боку, гід можа быць як адлюстраваннем такой праблемы, так і сродкам яе вырашэння. Значыць, стварэнне новых альтэрнатыўных праектаў – гэта адзін са шляхоў да зменаў. Напрыклад, серыя гідаў «Women's Heritage Trail»[8], створаных у ЗША ў другой палове XX ст., на базе асацыяцыі «National Women's studies Association»[9] і арганізацыі «National Collaborative for Women's History Sites»[10], у дыферэнцыялісцкіх традыцыях, уласцівых для Паўночнай Амерыкі, стварае жаночую гісторыю праз памятныя месцы, звязаныя з дзейнасцю амерыканак. Падобны інтэрпрэтацыйны праект – адна з першых спроб наўмыснага вяртання жаночых імёнаў у афіцыйны наратыў у кантэксце спадчыны.

Адпаведна, нястача месца жаночаму ў гідах па беларускай Вільні звязана з тым, што менавіта мужчына традыцыйна займае дамінантную пазіцыю ў фармаванні нацыянальнай дзяржаўнай памяці і міфа[11]. Адзначу, што беларуская спадчына Вільні актыўна выкарыстоўваецца для канструявання альтэрнатыўнага нацыянальнага беларускага міфа, які звязаны не з Айчыннай вайной, а з перыядам Вялікага Княства Літоўскага і нацыянальнага адраджэння ў пачатку XX ст. У гэты перыяд у Вільні існаваў альтэрнатыўны савецкаму гендарны праект, але і ён магчымасць аўтаноміі адхіляў, жанчыны ўсё роўна былі часткай, але ўжо не класа, а нацыі, ім была адведзена другасная роля. Варта дадаць, што тэма беларускай жаночай Вільні маргіналізавана яшчэ і на нацыянальным узроўні, што звязана з сучасным статусам беларусаў Літвы як нацыянальнай меншасці.

Узгаданыя вышэй гіды па спадчыне амерыканак сталі для мяне натхненнем для вырашэння дадзенай праблемы, і я выкарыстоўвала прынцыпы іх складання. Яны, у сваю чаргу, уключаюць не толькі намінальную інвентарызацыю жаночых месцаў, але і альтэрнатыўныя наратыўныя формы, звяртанне да вуснай гісторыі, падключэнне розных тэматычных інтэрпрэтацыйных ліній. Дзесьці ў мяне гэта і атрымалася, але, напэўна, на пачатковым этапе значнымі з'яўляюцца любыя спробы рэвізаваць традыцыяналісцкае бачанне спадчыны. Як піша Сара Шортлайф: «Гэта карысна для мясцовых жыхароў, асабліва для жанчын, якія атрымліваюць павышанае пачуццё ўласнасці, датычнасці, прыналежнасці і адказнасці, але таксама робіць досвед узаемадзеяння і камунікацыі мужчын са спад-

---

7 Shortliffe, S. Ellen. Gender and (World) Heritage: The Myth of a Gender Neutral Heritage. P. 5.

8 Women Heritage Trail Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.womensheritagetrail.org/> Дата доступу: 2017; 12:38.

9 National Women's studies Association Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.nwsa.org/ > Дата доступу: 2017; 12:30.

10 National Collaborative for Women's History Sites Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.ncwhs.org/> Дата доступу: 2017; 12:39.

11 Гапава, А. Нацыя "паміж" і ў мары аб сваіх жанчынах // Over the wall (After the Fall: Post-Communist-Cultures Through the East-West Gaze). USA: Indiana University Press, 2004.

чынай больш разнастайным. Турысты ж пакідаюць месца з больш дакладным уяўленнем пра яго гісторыю і культуру»[12].

Спроба альтэрнатыўнага гіда

Найбольшая колькасць вядомых беларускіх жанчын, якія жылі ў Вільні, прыйшлася на першую палову XX ст., калі тут адбываліся вельмі знакавыя падзеі для беларускай гісторыі, грамадска-культурная дзейнасць дасягнула піка, адбываўся працэс будавання нацыі. Як бы я ні хацела, пра ўсіх адразу напісаць немагчыма, таму я спынілася на дзвюх з найбольш знакамітых беларусках: Цётцы (Алаіза Сцяпанаўна Пашкевіч) і Зосьцы Верас (Людвіка Войцік). Я прапаную ісці па іх жыццёвым шляху і наведваць мясціны Вільні, дзе яны часта бывалі, жылі і працавалі. Увагі, на мой погляд, заслугоўвае і менш вядомае, але не менш важкае па сутнасці Аб'яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч (Цёткі) і яго друкаваны орган – часопіс «Жаноцкая справа», якія па праву лічацца аднымі з першых праяваў несавецкага жаночага руху ў Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду.

Частка 1. Цётка

Ілюстрацыя 1. Цётка.

Тое, што Цётка вельмі вядомая і публічная жаночая постаць, – гэта, на жаль, хутчэй выключэнне, чым правіла. Зрэшты, нягледзячы на знакамітасць яе творчасці, імя Цёткі часам не асацыюецца з беларускай спадчынай Вільні. Паэтка і рэвалюцыянерка, педагагіня і пісьменніца пражыла тут нямала, хаця не раз была вымушана пакінуць родныя мясціны. Яна стаяла ля вытокаў фарміравання беларускай нацыі, да таго ж была адной з першай змагарак за паляпшэнне статуса беларускіх жанчын, што, няма сумневу, было матывавана перашкодамі асабістага жыццёвага досведу.

Нарадзілася Алаіза Сцяпанаўна Пашкевіч, вядомая пад псеўданімам Цёткі, у 1876 г. у в. Пешчын (Гродзенская вобласць), у сям'і шляхецкага паходжання. Дзяцінства яна правяла спачатку на выхаванні ў бабкі Ягасі ў фальварку Тэрэсін, а потым у в. Стары Двор, разам

[12] Shortliffe, S. Ellen. Gender and (World) Heritage: The Myth of a Gender Neutral Heritage. P. 8.

з бацькамі, сёстрамі і братамі. Бабка Ягася зацікавіла дзяўчынку мясцовым фальклорам, краявіды родных мясцін яшчэ доўга натхнялі паэтку і пісьменніцу, але рашучай была магчымасць бачыць вельмі блізка, як жывуць сяляне, якіх часта наймаў яе бацька. Пра гэта Цётка не толькі напіша, але і прысвяціць усё сваё жыццё пошукам шляхоў да зменаў[13].

Хатняя адукацыя дазволіла бацькам заўважыць здольнасць Алаізы да навук, таму вырашылі, што яна будзе працягваць навучанне ў Вільні, а дакладней, у жаночай гімназіі В.М. Празаравай (будынак знаходзіцца па адрасе: Якшта, 9 (Jakšto g., 9), недалёка ад Лукішскай плошчы)[14]. У 1892 г. разам з братам Войцахам Алаіза паехала да сястры Марыі ў Вільню (там яна жыла ўжо з мужам), каб даведацца пра праграмы жаночай адукацыі і асвоіцца з неабходным для экзаменаў мінімумам ведаў[15]. Трэба адзначыць, што адукацыя жанчын у той час была ў руках прыватных ініцыятыў, а з боку дзяржавы ў юрыдычным плане было нямала абмяжоўваючых мер, як, напрыклад, неабходнасць мець афіцыйны дазвол бацькі на навучэнне і «права валодання» альбо пасведчанне аб здольнасці аплаціць увесь курс навучання ў гімназіі. Пашкевічы ж хаця юрыдычна мелі шляхецкае паходжанне, але іх эканамічны статус быў сярэднесялянскі, што магло выклікаць сумневы наконт фінансавых магчымасцяў. Каб гэтага пазбегнуць, Алаіза набыла такую вопратку, якая ў канцылярыі гімназіі не будзе выклікаць ніякіх падазрэнняў[16]. Напэўна, хісткасць шляхецкай перавагі паступова спрыяла варожаму пачуццю ў дачыненні да іншых «паноў», з якімі яна бачыла класавую прорву.

Ілюстрацыя 2. Гімназія імя В.М. Празаравай.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

Экзамены Алаіза здала паспяхова, усе канцылярскія патрабаванні выканала і ў 1897 г. была залічана ў 4-ы клас. Грошай, якія дасылаў бацька, не хапала, таму дзяўчына, каб забяспечыць сябе і сястру хлебам, як магла падпрацоўвала:

13 Арабей, Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч). Мінск, 1956. С. 13.
14 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 45.
15 Арабей, Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч). С. 13.
16 Тамсама. С. 13.

рэпетытарствам, шыццём. Яе сяброўка, беларуская мастацтвазнаўца, педагагіня Юліана Вітан-Дубейкаўская, піша ў сваіх успамінах:

> «… Раз у гімназіі паўстаў вялікі перапалох. Ал. Пашкевіч, вучаніца 7-ай клясы, абамлела ў часе лекцыі, і школьная лекарка прызнала, што яна гэтак аслабела ад недаяданьня. Памятаю, мая сястра са сьлязьмі апавядала ў хаце, што Ал. Пашкевіч гэтак бедная, што на яду не хапае, але яна вельмі амбітная й ня хоча прыймаць помачы. Мая маці сказала тады мне: "Я буду даваць табе булкі на дваіх, а ты кладзі ў яе столік, калі яе няма ў клясе". Мне гэта рабіла асаблівую прыемнасьць – прыходзіць у клясу сястры й класьці непрыкметна булкі ў пюпітр Ал. Пашкевіч. Яна спачатку пыталася ў клясе, хто гэта палажыў свае булкі ў ейны пюпітр, аднак віноўніца не адклікалася, і клясовая дама супакоіла яе, што гэта, мусіць, падарак. Гэтак мы рабілі да сканчэньня гімназіі. З часам Ал. Пашкевіч можа й зацеміла, што гэта мы аб яе дбаем, але нічога не казала й сьнедала разам з усімі ў сталоўцы…»[17].

Праз некаторы час і кіраўніцтва пачало рупіцца пра курсістку Алаізу, і за добрую і старанную вучобу ёй была прызначана стыпендыя.

У Вільні Алаіза ўпершыню пачула дыягназ «хворая на сухоты», які суправаджаў яе ўсё далейшае жыццё. Пагаршэнне здароў'я, недахоп фінансаў прымусілі дзяўчыну на некаторы час спыніць навучанне і з'ехаць у вёску[18]. У 1901 г. А. Пашкевіч паспяхова скончыла 7 класаў гімназіі Прозаравай і атрымала пасведчанне на званне хатняй настаўніцы арыфметыкі. Варта дадаць, што ў адным будынку з гімназіяй знаходзіўся чыгуначны клуб, у якім праходзілі адны з першых збораў працоўных. З дзейнасцю клуба Алаіза была знаёма, і гэта, напэўна, паўплывала на яе палітычныя погляды. У міжваенны час на месцы гімназіі знаходзілася адзіная ў Вільні літоўская гімназія. Пасля Другой сусветнай вайны быў усталяваны тэатр (Vaidilos Teatras), які нядаўна аднавілі[19].

Але будучай паэтцы атрыманых ведаў было недастаткова, і ў 1902 г. яна вырашае паехаць на два гады ў Пецярбург, дзе паступае на вышэйшыя адукацыйныя курсы П. Лесгафта. Алаіза апынулася ў асяроддзі прагрэсіўна настроенай моладзі і пачала актыўна ўдзельнічаць у падзеях рэвалюцыйнага руху, што толькі падмацоўвала яе грамадзянскую пазіцыю. У Пецярбурзе нарадзіліся першыя літаратурныя творы: «Мужык не змяніўся», «Музыкант беларускі»,

---

17 Вітан-Дубейкаўская, Ю.М. Cor ardens: успаміны пра Цётку – Алаізу Пашкевічанку-Кайрыс / Ю. Вітан-Дубейкаўская. З маіх успамінаў пра Цётку // На суд гісторыі: успаміны, дыялогі: зборнік / укладанне, прадмова і звесткі пра аўтараў Б.І. Сачанкі. Мінск, 1994. С. 6–23.

18 Арабей, Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч). С. 14.

19 Афіцыйны сайт Vaidilos teatras A. Jakšto gatvės 9 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: http://www.jaksto9.lt/apie-mus Дата доступу: 5 сакавіка 2017; 18:35.

«Нямаш, але будзе» і інш. Алаіза Пашкевіч, як падаецца, тады зразумела, што рух працоўных у Вільні – гэта тэндэнцыя не выпадковая і не лакальная. Паэтка здала экстэрнам экзамен за поўны курс пецярбургскай Аляксандраўскай жаночай гімназіі, але курсы П. Лесгафта так і не скончыла[20].

У 1904 г. А. Пашкевіч вяртаецца ў Вільню і далучаецца да працы арганізацыі Беларуская Рэвалюцыйная Грамада. Паколькі яна сама сутыкнулася з абмежаваннямі для жанчын, бачыла цяжкасць жыцця працоўных сялянак, таму і распачала работу сярод іх: арганізоўвала гурткі, паседжанні, каб абудзіць у іх ідэйныя імкненні, хаця б да адукацыі. Была беларускай дэлегаткай у з'здзе жанчын 1905 г. у Маскве, дзе нагадала пра неабходнасць для беларусак барацьбы не толькі з капіталістычным і сямейным, але і нацыянальным гнётам[21].

Ілюстрацыя 3. Псіхіятрычная бальніца ў Новай Вілейцы.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

Пасля вяртання паэтка пачала працаваць фельчаркай у псіхіятрычнай бальніцы Новай Вілейкі. Тады гэта быў асобны горад, а сёння раён Вільні, сучасная назва якому Новая Вільня (літ. Naujoji Vilnia). Ёсць меркаванні, што і жыла паэтка на тэрыторыі бальніцы ў адным з драўляных будынкаў барачнага тыпу, прызначаных для персаналу[22]. Гэта бальніца ёсць і цяпер, у 10 км ад цэнтра Вільні, а пачала яна дзейнічаць з 1903 г. і была адной з буйнейшых у Расейскай імперыі[23]. Перыяд працы ў лячэбніцы лічыцца най-

20 Коўтун, В. Беларускі знак Цёткі: да 125-годдзя з дня нараджэння. Часопіс «Наша вера», 2(16)/2001 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.womensheritagetrail.org/> Дата доступу: 5 сакавіка 2017, 18:35.

21 Арабей, Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч).

22 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні.

23 Афіцыйны сайт Літоўскай рэспубліканскай псіхіятрычнай бальніцы [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.rvpl.lt/index.php/en/about-us> Дата доступу: 5 сакавіка 2017, 18:35.

больш інтэнсіўным у рэвалюцыйнай дзейнасці А. Пашкевіч. Менавіта тады яна пачала выкарыстоўваць псеўданім Цётка, у тыя часы гэта была традыцыйная форма звароту да простай жанчыны ў процівагу яе юрыдычнаму тытулу пані.

У публікацыях, прысвечаных падпольным палітычным партыям, магчыма было знайсці наступныя радкі, якія сведчаць аб яе папулярнасці ў Вільні і аколіцах: «У 1905 годзе ў Вільні йшла грамадоўская работа ў рабочых масах. Асабліва ў падмястовым у прамысловым цэнтры Новай Вілейкі. Тут працу вяла Цётка. Яна выступала на мітынгах заўсёды па-беларуску й яе выступленьні выклікалі гарачы спогад... Цётку ведалі ў Вільні ўсе. Асабліва ведамыя былі пісаныя ёю "на злобу дня" рэвалюцыйныя вершы, якія бадай ці ня ўся рабочая Вільня ведала напамяць. "Хрэст на свабоду" друкаваўся ў дзясятках тысячаў асобнікаў ня толькі Беларускай Рэвалюцыйнай Грамадой, але й літоўскімі сацыял-дэмакратамі ды Польскай Сацыялістычнай Партыяй»[24]. У Новай Вілейцы была створана арганізацыя, якая агітавала насельніцтва ўзняцца на барацьбу супраць царызму. У лячэбніцы была нават арганізавана баявая дружына, узброеная нелегальным шляхам. Цётка друкавала і распаўсюджвала рэвалюцыйныя пракламацыі, удзельнічала ў закрыцці фабрыкі, узначальвала дэманстрацыі і заклікала да непадпарадкавання ўладам. Адна з вуліц Новай Вілейкі названа ў гонар Алаізы Пашкевіч.

Наступным прыпынкам нашай віртуальнай вандроўкі магла быць кватэра Цёткі ў Сніпішках, дзе часам адбываліся канспірацыйныя сходкі БРГ. Яна знаходзілася на былой Хівінскай вуліцы, цяпер Гедрэйчу (Giedraičių g.) у адным з сарака нумароў. На жаль, зараз яго немагчыма знайсці, бо шмат дамоў на гэтай вуліцы ўжо знесена, а на іх месцы пабудаваны новыя[25].

За свае дзеянні Цётка атрымлівала пагрозы з боку паліцыі, таму яна пачала планаваць пераезд у Львоў, дзе жыў яе віленскі знаёмы ўкраінец Іларыён Свянціцкі. Калі ў снежні 1905 г. у лячэбніцы пачаліся арышты, Цётцы, без грошай і ў вялікай спешцы, удалося ўцячы ад рук жандармаў. З дапамогай І. Свянціцкага яна была залічана вольнай слухачкай на філасофскі факультэт Львоўскага ўніверсітэта, статус паўнапраўнай студэнткі быў немагчымы з-за вышукаў у Вільні. Цікава, што свае першыя зборнікі «Хрэст на свабоду» і «Скрыпка беларуская» яна выдала ў мястэчку Жоўклы, каля Львова, у манастырскай тыпаграфіі. На першы погляд, дзіўна, бо змест вершаў быў вельмі далёкі ад рэлігійнага, але Цётка змагла ўпэўніць манахаў друкарні, якія мелі беларускае паходжанне, у вартасці працы[26].

Акрамя гэтага, Цётка актыўна вывучала матэрыялы па гісторыі беларускага народа, фальклор, хацела наладзіць выданне кніг для беларускіх сялян. Але сумленная праца і вучоба зноў падарвалі яе здароўе, і Цётка, у згодзе з па-

24 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 70.
25 Тамсама. С. 72.
26 Арабей, Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч). С. 14.

радай доктара, выязджае дыхаць горным паветрам у Закапанэ ў 1907 г. Вельмі хутка Цётка сустракае тут сваіх знаёмых: Вітаўта Чыжа, Барыса Вігілёва і інш. Наведаў яе і будучы муж Сцяпонас Кайрыс, які потым пісаў: «Па дарозе назад у Літву я завярнуў у Закапанэ. У Закапанэ, у гуральскай хаціне, знайшоў хворую на лёгкія Цётку – як заўсёды жвавую, чуйную на падзеі і найменш дбайную пра сябе. Працэс у лёгкіх толькі пачынаўся, аднак для залячэння яго канечнымі былі чыстае горнае паветра, як найбольш сонца ды магчыма лепшая яда. Пра гэта, аднак, Цётка і ў Закапанэ найменш рупілася. Засталася там на ўсё лета»[27]. У той час у Закапанэ лячыў сухоты і літоўскі паэт Йонас Білюнас. З ім і яго жонкай Юліяй Матвееўнай у Цёткі скláліся цёплыя сяброўскія адносіны. Смерць сябра далася вельмі цяжка Цётцы, але горш было яго жонцы Юліі. Здаецца, менавіта таму Цётка паклікала яе ў вандроўку па Італіі, пра што яна ўспамінае: «Жылі мы ў прыватных пакойчыках, пераязджаючы з горада ў горад – Рым, Венецыя, Фларэнцыя. Харчаваліся кепска, але не прапускалі ніводнага канцэрта, абышлі ўсе музеі, галерэі, і гэтыя два тыдні праляцелі хутка»[28]. Напэўна, Цётка ўсё сваё жыццё аддавала перавагу ежы для духа, чым для цела, рабіла ўсё, каб падтрымаць блізкіх.

У 1908–1909 гг. пісьменніца жыве ў Кракаве, актыўна ўдзельнічае ў яго культурным жыцці. Залічваецца ў Ягелонскі ўніверсітэт, зноў вольнай слухачкай. Але нават за мяжой яна падтрымлівала цесную сувязь з Вільняй, прыязджала туды і стала адной з пачынальніц першага выдання на беларускай мове, газеты «Наша Доля», органа партыі Беларуская Сацыялістычная Грамада. Сучасны адрас першай рэдакцыі – Віленская, 21 (Vilniaus g., 21)[29]. А калі потым з’явілася «Наша Ніва», яна дасылала туды вершы, карэспандэнцыю, прапановы. Менавіта яна прапанавала стварыць беларускі тэатр, які потым стаў звацца «Тэатр Ігната Буйніцкага».

У 1911 г. у касцёле св. Рафаіла, што ля зялёнага маста, А. Пашкевіч пабралася шлюбам са Сцяпанам Кайрысам, літоўскім грамадскім дзеячам, сацыял-дэмакратам, сыгнатарам абвешчання незалежнасці Літвы 1918 г. Змена прозвішча дазволіла Цётцы вярнуцца ў Вільню, жыла яна тады ў раёне Зверынцу (Žvėrynas) разам з мужам, на вуліцы Сасновай, 11 (зараз Pušų g., 11). Зрэшты, па сёння існуюць здагадкі, што брак паміж Кайрысам і Цёткай быў чыста фармальны. Сяброўка паэткі Паўліна Мядзёлка піша: «У мяне склалася ўражаньне, што Цётка зьяўляецца хутчэй кватаранткай, чым гаспадыняй у сваім доме. Яна займала асобны пакой, вельмі прасьценька абсталяваны… Прымала яна… толькі

27 Кайрыс, С. З маіх успамінаў пра Цётку // Конадні. 1954. № 2. С. 68– 78. Передрук: На суд гісторыі: успаміны, дыялогі / уклад., прадм. і звесткі пра аўтараў Б.І. Сачанкі; тэкстал. падрыхт. С.Б. Сачанкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994.

28 Арабей, Л.Л. Стану песняй…: жыццё і творчасць Цёткі: дакументальная аповесць. Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 87.

29 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 73.

Ілюстрацыя 4. Касцёл св. Рафаіла.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

ў гэтым пакоі... Здавалася, што Цётка з мужам жылі кожны сваім асобным жыцьцём...»[30]. Цікава тады, да каго адносіцца фраза Цёткі: «...Запраўднае каханьне – зьмест і асалода жыцьця!»?[31] Дакладна пра гэта, магчыма, мы ніколі не даведаемся.

1911–1914 гг. праходзяць для Цёткі ў культурна-асветніцкай дзейнасці, летам гастралюе разам с тэатрам. У 1913 г. у Менску займаецца з рэдакцыяй знакамітага моладзевага часопіса «Лучынка». Падчас вайны Цётка пайшла працаваць міласэрнай сястрой у ваенным шпіталі па вуліцы Ковенскай, 7 (Kauno g., 7), дзе зараз знаходзіцца шпіталь імя М. Марцінкевічуса (M. Marcinkeviciaus ligonine). Дапамагала раненым на полі бою, а пасля была пераведзена ў тыфозны барак. Максім Гарэцкі ўспамінае, як яго выходжвала Цётка, калі ён паранены трапіў туды ў 1914 г. «Тут працавала міласэрнаю сястрою й клала мне пад падушкі “Нашу Ніву” нябожчыца Цётка, наша незабытная песьнярка й рэвалюцыянэрка Алаіза Пашкевічанка»[32].

Калі Вільня апынулася пад нямецкай акупацыяй, грамадская дзейнасць Цёткі толькі яшчэ больш актывізавалася. Яна імкнулася стварыць новыя магчымасці ў справе асветы беларускіх дзяцей, таму ў гэты перыяд з’яўляюцца падручнікі «Лемантар», «Гасцінец для малых дзяцей», «Першае чытанне для дзетак беларусаў». Паэтка прымала ўдзел у арганізацыі рабочага клуба ў Вільні, дзе гурталіся сілы Беларусі і Літвы, выступалі аратары з агітацыйнымі прамовамі. У 1915 г. пры яе непасрэдным удзеле былі адчыненыя пяць беларускіх пачатковых школаў і настаўніцкія курсы[33]. У 1916 г. пасля паведамлення пра смяротную хваробу бацькі яна выехала ў Стары Двор, але так і не паспела развітацца з ім. Тыф,

30 Тамсама. С. 74.
31 Вітан-Дубейкаўская, Ю.М. Cor ardens: успаміны пра Цётку – Алаізу Пашкевічанку-Кайрыс. С. 6–23.
32 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 73.
33 Тамсама. С. 74.

ад якога яна ўсіх ратавала, не абмінуў і яе саму: праз месяц, ва ўзросце 39 гадоў, яна памерла. Пахаваная ў Старым Двары пад Лідай.

Я ўзгадала толькі самыя асноўныя мясціны, але з яе дзейнасцю непасрэдна звязаны і іншыя. Напрыклад, усе тры месцы рэдакцый газеты «Наша Ніва» (Pylimo g., 5; Pylimo g., 51; Vilniaus g., 33), бо Цётка актыўна з ёй супрацоўнічала. Акрамя гэтага, на вуліцы Літарату (Literatų g.) на знешніх сценах дамоў сярод іншых літаратараў Вільні месціцца партрэт Цёткі. Геаграфія яе жыцця і філасофія грамадскай дзейнасці даюць падставу нават для стварэння культурнага маршрута, які аб'ядноўвае Гарадзеншчыну, Вільню, Пецярбург, Львоў, Закапанэ, Кракаў, Менск. Да таго ж вызваленне беларускага народа для яе ніколі не адхіляла вызваленне літоўскага, габрэйскага, польскага, рускага, украінскага, якіх прытуліла Вільня.

Ілюстрацыя 5. Шпіталь імя М. Марцінкевічюса.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

Частка 2. Зоська Верас

Наступная частка гіда прысвечана Зосьцы Верас (сапраўднае імя Людвіка Сівіцкая-Войцік). Нарадзілася 30 верасня 1892 г. у мястэчку Меджыбут ва Украіне, аднак бацькі былі з Гарадзеншчыны. Дома размаўлялі па-польску. Зрэшты, дзед па матчынай лініі Антон Сівіцкі добра ведаў беларускую мову і карыстаўся ёй у гутарках з сялянамі, а самаўсведамляў сабе як «ліцвін», і гэта, магчыма, паўплывала на жаданне ўнучкі вярнуцца да сваіх каранёў[34].

Віленскаму перыяду Людвікі папярднічае кіеўскі, гарадзенскі і менскі. У Кіеве яна вучылася ў гандлёвай школе, вучаніцы якой выдавалі часопіс «Подснежник», дзе з'явіліся першыя літаратурныя

Ілюстрацыя 6.
Зоська Верас.

[34] Войцік, Г. Зоська Верас. Сэрыя «Партрэты Віленчукоў». Вільня: Выдавецтва беларусаў Літвы «Рунь», 2002. С. 3.

практыкаванні будучай пісьменніцы. Пасля смерці бацькі ў 1908 г. Людвіка вяртаецца ў Гародню і працягвае навучанне ў прыватнай гімназіі. І ўжо тут далучаецца да беларускага руху і ўдзельнічае ў працы Гарадзенскага гуртка беларускай моладзі ў якасці бібліятэкаркі. Гуртковцы ладзілі вечарыны, ставілі п'есы на беларускай мове і паказвалі іх сялянам, каб тыя вучыліся яе не цурацца. Людвіка выпісвала для гуртка «Нашу Ніву», ліставалася з Іванам Луцкевічам, Вацлавам Ластоўскім, Аляксандрам Уласавым, сама пісала вершы ў газету. Пасля заканчэння гімназіі ў 1912 г. яна прайшла садоўніцка-агародніцка-пчалярскія курсы. Першая сусветная вайна вымусіла яе разам з маці паехаць у Менск. Тут яна апынулася ў самай гушчы беларускага жыцця. Працавала ў камітэце Таварыства помачы ахвярам вайны, загадвала сталоўкай «Беларуская хатка», якая адначасова была клубам беларускай інтэлігенцыі. У Менску Людвіка пазнаёмілася з многімі беларускімі дзеячамі: паэтам Змітраком Бядулем і ягонымі сёстрамі, з празаікам Ядвігіным Ш. (А. Лявіцкім) і ягонай дачкой Вандай, з Уладзіславам Галубком, Аркадзем Смолічам, Усеваладам Фальскім і Максімам Багдановічам[35].

У 1917 г. была сакратаркай Вялікай беларускай рады, а пасля – адной з сыгнатарак абвешчання незалежнай Беларусі. У 1918 г. вярнулася на радзіму ў Сакольшчыну, пакінуўшы там свайго каханага Фабіяна Шантыра, якога арыштавалі, а ў 1920 г. расстралялі бальшавікі. У 1919 г. у Людвікі нарадзіўся сын, які так і не ўбачыў свайго бацькі. Да 1922 г. пісьменніца разам з маці і сынам жыла ў фальварку дзеда ў Альхоўніках, а пасля яго смерці вымушана была прадаць дом і пераехаць у Вільню[36].

Ілюстрацыя 7. Дом на Віленскай, 37.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

Прыехаўшы ў Вільню, Л. Сівіцкая ўсталявалася з маці і сынам на кватэры і пачала шукаць беларусаў і працу. Добра, што яшчэ да вайны яна пазнаёмілася з многімі беларускімі віленчукамі: С. Станкевічам, А. Уласавым, В. Ластоўскім, І. Луцкевічам, С. Рак-Міхайлоўскім і інш. Пазней яна ўспамінае сваю размову наконт працы: «С. Рак-Міхайлоўскі, пагаварыўшы з А. Луцкевічам, кажа мне: "Вось што, панічка, мы

[35] Войцік, Г. Зоська Верас. С. 5.
[36] Тамсама. С. 6.

прапануем вам заняць мейсца адміністратара ў рэдакцыі грамадаўскіх газэт. Згодзіцеся?” – “Згадзіцца то я магу, але ці дам рады? Я ж з такімі справамі ніколі дачынення ня мела”. Рак-Міхайлоўскі аж падскочыў: “А ў Менску вы да кожнай работы загадзя былі падрыхтаваны, ці што? А калі што трэба будзе напачатку – паможам”. – «Ну калі так, то добра»»[37]. Таму наш першы прыпынак на вуліцы Віленскай, 37 (Vilniaus g., 37), дзе і знаходзілася рэдакцыя[38]. Першае знаёмства з гэтым месцам добрых уражанняў у Зоські Верас не пакінула. Вось як яна яго апісвала: «Глыбокая брама вядзе на вялікі брукаваны панадворак, налева – даўгі 2-павярховы будынак. На партэры – рад вокан. Амаль на рагу – уваход у сені, з якіх направа – дзьверы ў рэдакцыю. Насамперад – маленькі цёмны перадпакойчык. З яго направа – кухня экспедыцыя, дзе фальцуецца газета. Проста – у самую рэдакцыю… Уражанне страшнае… Не пакой, а нейкая пячора. Зімна, цёмна, брудна. Адзінае вакно зарасло павуціннем і пылам… Палога шэрая ад бруду, адзіны просты стол, 2 крэслы, вузенькая канцылярская шафа. Вось і ўсё»[39]. Першыя часы працы Зосьцы Верас прыходзілася вельмі складана, бо колішні рэдактар М. Шыла пакінуў беспарадак не толькі ў памяшканнях, але і ў дакументах. Пісьменніцы дапамагаў Сымон Рак-Міхайлоўскі: ён прыслаў да яе вучняў Віленскай Беларускай гімназіі, якія ведалі, як фальцаваць і высылаць газету. Пасля таго як Зоська стала рэдактаркай, колькасць падпісантаў значна павялічылася[40]. У 1924 г. яна выдала «Беларуска-польска-расейска-лацінскі батанічны слоўнік», над якім працавала шмат гадоў. Гэта быў першы слоўнік на беларускай мове, прысвечаны раслінам, які нават па сёння застаецца бібліяграфічнай рэдкасцю. Навуковую вартасць падкрэслівае тое, што адзін асобнік знаходзіцца ў Нью-Ёркскай нацыянальнай бібліятэцы і што слоўнік Зоські Верас цалкам увайшоў у батанічны слоўнік Кісялёва[41].

Новы рэдактар газет Антон Войцік апекаваў палітычных вязняў і разам з Зоськай Верас дасылаў ім кнігі і газеты. Сярод іншых вылучаецца эпізод з Міхасём Машарам, для якога яна сваім коштам выдала маленькі зборнік яго вершаў «Малюнкі». Але А. Войцік неўзабаве хутка сам апынуўся ў турме на Лукішках, бо польскім уладам не спадабаўся змест новай газеты «Сялянская праўда». Напэўна, у гэты час пачалася іх з Зоськай гісторыя кахання, бо акрамя яе больш ніхто не меў магчымасці яму дапамагаць. У 1926 г. яны пажаніліся падчас умоўнай свабоды, а калі менш чым праз год яго адпусцілі, у іх ужо нарадзілася дачка. Яны пераехалі ў раён Чыгуначнай калёніі (зараз Павільніс), аднак дакладны адрас

37 Верас, З. Я помню ўсё. Успаміны, лісты / укладанне, прадмова, каментар М. Скоблы. Гародня, 2013. С. 69.
38 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 127.
39 Верас, З. Я помню ўсё. Успаміны, лісты. С. 70.
40 Тамсама. С. 72.
41 Тамсама. С. 73.

пакуль невядомы[42]. У тым жа годзе яна пачала разам са Станіславам Станкевічам выдаваць штогод беларускі адрыўны каляндар, дзякуючы якому роднае слова трапляла ў кожную сялянскую хату.

У 1927 г. выходзіць першы нумар часопіса для дзяцей «Заранка», які рэдагаваўся Зоськай Верас на працягу трох гадоў і ў тым жа будынку па Віленскай, 37, дзе працавала пісьменніца[43]. Апавяданні ў часопісе заклікалі любіць і шанаваць прыроду, заахвочвалі клапаціцца пра звяроў і птушак, берагчы традыцыі. Часопіс падабаўся вясковым дзецям, якія дасылалі ў рэдакцыю свае апавяданні і лісты. Але, на жаль, нястача грошай прымусіла спыніць выданне «Заранкі». Праз некаторы час «Заранку» замянілі «Пралескі», але і гэта працягнулася нядоўга. На знешняй сцяне будынка заўважым мемарыяльную шыльду Браніславу Тарашкевічу, які таксама жыў і працаваў тут. Спадзяюся, што калі-небудзь памяць пра Зоську Верас у сувязі з гэтым месцам таксама будзе ўшанаваная.

Ілюстрацыя 8. Дом на Віленскай, 41.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

Рухаемся далей па вуліцы Віленскай да дома пад нумарам 41 (Vilniaus g., 41), які таксама прытуліў беларускі нацыянальны рух[44]. Гэта помнік эпохі рэнесансу і барока, былы Малы палац Радзівілаў у Вільні. Зараз тут размяшчаецца Літоўскі музей тэатра і кіно. У 1920-я гг. тут быў Беларускі кааператыўны банк, жыў з сям'ёй Антон Луцкевіч, знаходзілася рэдакцыя часопіса «Саха» і адзін год – ужо ўзгаданай «Заранкі». У гэты час Людвіка арганізавала ў Вільні Беларускае кааператыўнае таварыства «Пчала» і пачала выдаваць часопіс «Беларуская борць», адміністрацыя і рэдакцыя месціліся ў тым жа будынку. Часопіс быў прысвечаны пчалярству, агародніцтву, праз яго адбываўся абмен інфармацыяй і досведам паміж польскімі і ўкраінскімі пчалярамі. Зоська Верас публікавала і свае артыкулы, вяла пошту чытачоў і адказвала на іх пытанні[45]. Акрамя гэтага, менавіта тут некаторы час размяшчалася рэдакцыя газеты «Жаноцкая справа», у якой Л. Сівіцкая-Войцік вяла калонку (падрабязней пра гэта пагаворым у наступнай частцы).

42 Тамсама. С. 75.
43 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 128.
44 Тамсама. С. 128.
45 Войцік, Г. Зоська Верас. С. 12.

Ілюстрацыя 9. Дом на Ісландскай, 1.
Крыніца: прыватны архіў аўтаркі.

З 1930 па 1932 г. адміністрацыя таварыства «Пчала», рэдакцыя «Беларускай борці» і Беларускі кааператыўны банк пераехалі на вуліцу Ісландскую, 1 (Islandijos g., 1). Пачынаючы з 1933 г. і да самай вайны яны знаходзіліся ў доме, дзе калісьці жыў і памёр Уладзіслаў Сыракомля, на вуліцы Барбары Радзівілл, 3 (Barboros Radvilaites g., 3)[46].

У гэты час большасць арганізацый беларускага руху былі ліквідаваныя. Працы не было, і Зоська Верас з мужам вымушаны былі прадаць сваю хату. За гэтыя грошы яны купілі зямлю ў лесе ў Ніжніх Панарах (літ. Žemieji Paneriai), дзе Антон з некалькімі рабочымі пабудаваў глінабітную хату. З прыходам Чырвонай Арміі Зоська Верас і Антон Войцік спынілі сваю актыўную дзейнасць. Яны займаліся садам, культывавалі лекарскія расліны. У 1945 г. бясследна знік сын Зоські – Антон Шантыр, а у 1948 г. раптоўна памёр Антон Войцік. У жыцці пачаліся гады самоты і ізаляванасці. У 1956 г. Антон Шантыр нечакана вярнуўся дамоў са сталінскіх лагераў: 10 гадоў ён не мог ліставацца з маці[47].

Новы і больш пазітыўны перыяд жыцця Зоські Верас пачынаецца з 1961 г., калі яе «адкрыў» даследчык Арсень Ліс. Зоська потым казала, што ён абудзіў яе з летаргічнага сну. Пасля гэтага нечаканага адкрыцця ў дом Зоські ў Панарах, які празвалі «Лясной хаткай», нібы пілігрымы, пацягнуліся госці з усіх куткоў Беларусі. Пісьменнікі, мастакі, вучоныя, студэнты, школьнікі. Фенаменальная памяць была сапраўдным скарбам для тых, хто цікавіўся падзеямі і імёнамі беларускага жыцця першай паловы XX ст. І расказвала яна свабодна, вобразна і са шматлікімі дэталямі, больш за тое, нават валодала архіўнымі матэрыяламі. За год атрымлівала 600–700 лістоў і на ўсе адказвала. Нягледзячы на ўзрост, Зоська Верас, апрача лістоў, пісала ўспаміны, фрагменты якіх друкаваліся ў розных часопісах і газетах Беларусі. У 1982 г. стараннямі яе родных, блізкіх, сяброў па пяру была прынята ў Саюз пісьменнікаў СССР. У 1985 г. выдавецтва «Юнацтва» выпусціла маленькі зборнічак Зоські Верас «Каласкі». Разам са сваёй сяброўкай Надзеяй Шнаркевіч

46 Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. С. 130.
47 Войцік, Г. Зоська Верас. С. 18.

збірала матэрыялы аб Віленскай Беларускай гімназіі – першая спроба захаваць гісторыю славутай навучальнай установы, з якой потым паўстаў альбом ВБГ[48].

У «Лясной хатцы» ўзнікла ідэя стварэння беларускай арганізацыі ў Літве «Сябрына», якая потым пераўтварылся ў сучаснае Беларускае таварыства ў Літве. У канцы 1980-х Зоська Верас нарэшце адчула прызнанне: ёй прысвячалі вершы, малявалі партрэты, здымалі фільмы. Апошнія гады жыцця стан пісьменніцы значна пагоршыўся і дачка забрала яе ў кватэру. У 1990 г. «Лясная хатка» згарэла разам з мноствам матэрыялаў. Так і не даведаўшыся пра гэта, у 1991 г. Зоська Верас памёрла. Пахаваная на могілках у Панарах, побач з магіламі маці, мужа й сына[49]. У 2013 г. у кніжнай серыі «Гарадзенская Бібліятэка» выйшла кніга «Зоська Верас. Я помню ўсё», дзе надрукаваны яе ўспаміны, прыватная карэспандэнцыя, фотаздымкі.

Частка 3. Аб'яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч і часопіс «Жаноцкая справа»

Трэцяя частка хоць і не наўпрост, але звязвае постаці, пра якія мы казалі ў першай і другой частках. Размова пойдзе пра Аб'яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч, якое ў сакавіку – верасні 1931 г. выдавала часопіс «Жаноцкая справа». І як ужо было ўзгадана, рэдактаркамі гэтага часопіса былі Надзея Шнаркевіч і Зоська Верас. На наш погляд, у межах тэмы гіда важна закрануць дадзеную тэму, паколькі гэтая арганізацыя і часопіс сталі першай амаль што адзінай актыўнай праявай несавецкага беларускага жаночага руху ў міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі[50].

У 1920-я гг. у Заходняй Беларусі не існавала аніводнай беларускай жаночай арганізацыі, хаця ў нацыянальны рух былі заангажаваныя жонкі многіх актыўных дзеячаў. У 1931 г. у Вільні ўтварылася Аб'яднанне беларускіх жанчын імя А. Пашкевіч, лідаркамі якога сталі Надзея Шнаркевіч і Антаніна Астроўская. А ў пачатку сакавіка арганізацыя адкрыла выпуск месячніка «Жаноцкая справа», першага несавецкага беларускага жаночага выдання[51].

Змест газеты быў у першую чаргу культурна-асветніцкі, а большасць артыкулаў прысвячалася вядзенню гаспадаркі, выхаванню дзяцей і неабходнасці ліквідацыі непісьменнасці сярод беларускіх жанчын. Акрамя таго, мэтай было фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці, і аб гэтым сведчыць артыкул

48 Тамсама. С. 20.

49 Войцік, Г. Зоська Верас. С. 130.

50 Горны, А.С. Часопіс «Жаноцкая справа» ў сістэме перыядычных выданняў «Цэнтрасаюза» ў Заходняй Беларусі (сакавік – верасень 1931 г.): актуальныя праблемы гістарычнай навукі і адукацыі: зб. навук. арт. / пад рэд. С.В. Марозавай. Гродна, 2014. С. 283.

51 Тамсама. С. 284.

ЖАНОЦКАЯ СПРАВА

Да Беларускіх Жанчын.

Ілюстрацыя 10. Першы нумар часопіса «Жаноцкая справа».

пра Цётку, якая размаўляла па-тутэйшаму і самавызначалася як беларуска. Публікавалася вялікая колькасць матэрыялаў, якія ўсхвалялі прыгажосць беларускага фальклору і матэрыяльнай культуры. Яны суправаджаліся рэкламай нацыянальнай вопраткі і ўзораў, а платным падпісчыцам было абяцана нават выслаць бясплатную выкрайку ў натуральную велічыню. Такім чынам, выкарыстоўваліся тактыкі пабудовы нацыі ў традыцыях еўрапейскага рамантычнага нацыяналізму[52].

Жанчына станавілася адказнай не толькі за паўсядзённы побыт як за фізічны дабрабыт народа, але і за адукаванасць і нацыянальнае самавызначэнне будучага пакалення. Часопіс заклікае жанчын не толькі самім размаўляць і чытаць па-беларуску, але вучыць сваіх дзяцей. «Барацьба з непісьменнасцю жанчын была цесна звязана з ужо вядомай ідэяй патрыятычнага выхавання дзяцей – цёмная, “няразвітая” кабета, паводле “Жаноцкай справы”, наўрад ці зможа выгадаваць нацыянальна свядомага і культурнага чалавека»[53]. Такім чынам, прыватная сфера выхавання дзяцей становіцца месцам рэалізацыі палітычных дзеянняў – праява, якую называюць «бітвай ля калыскі»[54].

Некаторыя публікацыі, аднак, магчыма без сумневаў назваць хаця б прафемінісцкімі. Напрыклад, прапанова не толькі ўдзельнічаць у галасаванні, але і вылучаць сваю кандыдатуру ў мясцовыя, гарадскія ўлады, каб абараняць там беларускія і чыста жаночыя справы[55]. Акрамя гэтага можна там убачыць

52 Гапава, А. Нацыя «паміж» і ў мары аб сваіх жанчынах // Over the Wall (After the Fall: Post-Communist-Cultures Through the East-West Gaze). USA: Indiana University Press, 2004. С. 118.

53 Горны, А.С. Часопіс «Жаноцкая справа» ў сістэме перыядычных выданняў «Цэнтрасаюза» ў Заходняй Беларусі (сакавік – верасень 1931 г.). С. 286.

54 Гапава, А., 2004. С. 119.

55 Горны, А.С. Часопіс «Жаноцкая справа» ў сістэме перыядычных выданняў «Цэнтрасаюза» ў Заходняй Беларусі (сакавік – верасень 1931 г.) . С. 287.

сведкі пра падзеі ў заходнім феміністкім свеце і міжнародны жаночы рух, а таксама пра беларускае нацыянальнае адраджэнне. Актывісткі аб'яднання адкрывалі беларускія гурткі, ставілі спектаклі, пісалі вершы для дзяцей на беларускай мове. Гэта прадугледжвала інтэграцыю ў беларускі нацыянальны рух, паколькі дазваляла ім далучацца да фармальнай палітыкі і наблізіцца да выйсця з пазіцыі прыгнечаных.

Крытыка аб'яднання палягае, па-першае, на тым факце, што фінансаванне дзейнасці зыходзіла з боку так званага Цэнтрасаюза. Ён быў вядомы пад назвай «група Луцкевіча – Астроўскага» і ўключаў вядомых беларускіх дзеячаў, якія ў сваю чаргу імкнуліся дамагчыся саступак для беларускага народа з боку польскіх уладаў. Гэтыя дзеячы былі іх мужамі, што падкрэслівае палітычную ангажаванасць арганізацыі і часопіса. Па-другое, іх дзейнасць далёка ад вузкай культурнай працы не заходзіла і часам не адпавядала мэтавай аўдыторыі сялянак. Інакш кажучы, месца для жаночай эмансіпацыі там так і не знайшлося, бо матэрыялы ўяўлялі парады для гаспадынь і маці, а не артыкуляцыю гендарных праблем[56]. Як піша сп. Гапава, жанчынам, у гэтым кантэксце, была адведзена дастаткова традыцыйная роля служэння мужчынскім нацыянальным аб'яднанням. То бок, эмансіпацыя зводзілася да мабілізацыі ў нацыянальны праект.

З крытыкай зместу часопіса і дзейнасці аб'яднання з феміністкага пункту гледжання цяжка не пагадзіцца. Яны не толькі фінансаваліся беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі, але і знаходзіліся ў тым жа самым будынку па адрасе «Віленская, 41» (Vilniaus g., 41). Дом гэты нам ужо вядомы з мінулай часткі. Насамрэч, там знаходзіўся і Беларускі кааператыўны банк, і таварыства «Пчала» і інш. Таму, безумоўна, несавецкі гендарны праект міжваеннага перыяду быў не толькі ідэйна і фінансава інтэграваным у нацыянальны, але і літаральна знаходзіўся за сцяной. Першыя два нумары выйшлі тут, а надрукаваліся ў друкарні Левіна, якая нарадзіла агромністую колькасць іншых беларускамоўных публікацый і зараз знаходзіцца на вуліцы Нямецкай, 33 (Vokiečių g., 33). Два апошнія нумары газеты рэдагаваліся па адрасе «Карльсбадская, 33», зараз гэтая вуліца завецца Пакрашчё (Pakraščio g.), але дакладны дом пакуль што невядомы. Выдадзены былі ў друкарні Дваржэца, сучаснае месцазнаходжанне – на Нямецкай, 22 (Vokiečių g., 22)[57].

Нягледзячы на тое што Аб'яднанне беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч і часопіс «Жаноцкая справа» як першая спроба эмансіпацыі вельмі хутка затухлі, яны застаюцца цікавай праявай несавецкага беларускага жаночага руху.

---

[56] Горны, А.С. Часопіс «Жаноцкая справа»... С. 289.

[57] Часопіс «Жаноцкая справа». № 3 / пад рэд. Н. Шнаркевіч. Вільня: Друкарня Дваржэца, 1931.

Заканчэнне

У самым сэрцы Вільні знаходзіцца архітэктурная спадчына, якая нагадвае, што ў пачатку XX ст. тут працавалі, шпацыравалі, агітавалі, змагаліся, кахалі, сумавалі Алаіза Пашкевіч, а потым і Людвіка Сівіцкая. Я памятаю здзіўленыя вочы маёй сяброўкі ў кавярні на Ісландскай, 1, калі я сказала ёй, што тут калісьці працавала Зоська Верас, творчасць якой яна ведала са школьнай праграмы. Але ж гэта не адзінае месца, як мы маглі ўпэўніцца, і ёсць яшчэ шмат іншых дзеячак, пісьменніц, педагагінь, паэтак, як Наталля Арсеннева, Алена Сакалова-Лекант, Паўліна Мядзёлка, Палута Бадунова, Эліза Ажэшка, Надзея Шнаркевіч, Антаніна Астроўская, Ганна Ластоўская, Юлія Вітан-Дубейкаўская і г.д. Кожнай з іх ёсць што нам расказаць, пра кожную з іх памятае Вільня. Я шчыра спадзяюся, што гісторыі гэтага гіда спадабаюцца чытачам і чытачкам і падзеі стагадовай даўніны стануць сапраўдным натхненнем на творчасць.

Спіс крыніцаў і літаратуры

Арабей, Л.Л. Стану песняй…: жыццё і творчасць Цёткі: дакументальная аповесць. Выд. 2-е, дапоўненае, дапрацаванае. Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. 270 с.

Арабей, Л.Л. Цётка (Алаіза Пашкевіч). Мінск, 1956. 115 с.

Атаманчык, К. Беларускія старонкі Вільні. Вільня, 2012. 141 с.

Афіцыйны сайт Літоўскай рэспубліканскай псіхіятрычнай бальніцы [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.rvpl.lt/index.php/en/about-us> Дата доступу: 5 сакавіка 2017, 18:35.

Афіцыйны сайт Vaidilos teatras A. Jakšto gatvės 9 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.jaksto9.lt/apie-mus> Дата доступу: 5 сакавіка 2017; 18:35.

Батура, Ю. Гендарная рэпрэзентацыя ў гідах па беларускай Вільні: курсавая праца. Вільня, 2017.

Верас, З. Я помню ўсё. Успаміны, лісты / укладанне, прадмова, каментар М. Скоблы. Гародня, 2013. С. 70.

Вітан-Дубейкаўская, Ю. Cor ardens: успаміны пра Цётку – Алаізу Пашкевічанку-Кайрыс / Ю. Вітан-Дубейкаўская. З маіх успамінаў пра Цётку / Стэпонас Кайрыс // На суд гісторыі: успаміны, дыялогі: [зборнік] / укладанне, прадмова і звесткі пра аўтараў Б.І. Сачанкі. Мінск, 1994.

Война, Г. Зоська Верас. Сэрыя «Партрэты Віленчукоў». Вільня: Выдавецтва беларусаў Літвы «Рунь», 2002.

Гапова, Е. Революция и гендерный контракт, или может ли комсомолка отказать комсомольцу? [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ga28.html> Дата доступу: 15 сакавіка 2017; 8:30.

Гапова, Е. Феминизм в постсоветской Беларуси [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://gender-route.org/articles/feminism/feminizm_v_postsovetskoj_belarusi/> Дата доступу: 10 сакавіка 2017; 16:55.

Горны, А.С. Часопіс «Жаноцкая справа» ў сістэме перыядычных выданняў «Цэнтрасаюза» ў Заходняй Беларусі (сакавік – верасень 1931 г.): актуальныя праблемы гіс-

тарычнай навукі і адукацыі: зб. навук. арт. / пад рэд. С. В. Марозавай. Гродна, 2014. 356 с.

Гапова, Е. Нацыя «паміж» і ў мары аб сваіх жанчынах // Over the Wall (After the Fall: Post-Communist-Cultures Through the East-West Gaze). USA: Indiana University Press, 2004.

Кайрыс, С. З маіх успамінаў пра Цётку / Стэпонас Кайрыс // Конадні. 1954. № 2. С. 68–78. Перадрук: На суд гісторыі: Успаміны, дыялогі / Уклад., прадм. і звесткі пра аўтараў Б.І. Сачанкі; тэксталь. падрыхт. С.Б. Сачанка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 12–23,16–17.

Коўтун, В. Беларускі знак Цёткі: Да 125-годдзя з дня нараджэння. Часопіс «Наша вера», 2(16)/2001 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.womensheritagetrail.org/ > Дата доступу: 5 сакавіка 2017, 18:35.

Лапо, А. «Беларуская Вільня», сайт грамадска-культурніцкай кампаніі Беларусі «Будзьма беларусамі!», 2014 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://budzma.by/news/bn-iq48-i-pomidoroff-skyemili-na-trokh.html> Дата доступу: 18 сакавіка 2017; 19:52.

Лашкевіч, К. Страчаная Сталіца. Дапаможнік-гід па Вільні, 2009 [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://vilnia by.com/archives/3622> Дата доступу: 10 сакавіка 2017; 19:59.

Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні. Вільня: Выдавецтва Таварыства беларускай культуры ў Літве, 1998. 152 с.

Часопіс «Жаноцкая справа». № 3 / пад рэд. Н. Шнаркевіч. Вільня: Друкарня Дваржэца, 1931.

National Collaborative for Women's History Sites Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.ncwhs.org/> Дата доступу: 5 сакавіка 2016; 18:35.

National Women's studies Association Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.nwsa.org/> Дата доступу: 5 сакавіка 2017; 18:33.

Shortliffe, S. Ellen. Gender and (World) Heritage: The Myth of a Gender Neutral Heritage. Master thesis, Brandenburg University of Technology Cottbus, 2008.

Women Heritage Trail»Official site [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.womensheritagetrail.org/> Дата доступу: 8 сакавіка 2017; 15:37.

Алекса Тим, Ирина Чайка

РОДИТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОРОД И ГРАФ ВМЕСТО КАРТЫ

Alexa Tim, Irina Chayka
Parental City Mapping Using Graphs Instead of Cartesian Space

Mapping is a typical task in gender studies. There are a lot of studies that use different evaluation maps, from global – such as mapping gender inequality, to local, such as mapping of everyday gendered practices. Our maps were made while completing the 'Gender and space' course at the European Humanities University in 2016 and for this we used everyday experience as parents. We mapped our neighborhoods in Minsk and Moscow and, while working independently, utilized the same graph-based approach. Instead of drawing a pseudo-Euclidean two-dimensional projection of a city's three-dimensional space we mapped some crucial points (such as children's clinic, local shop, school, subway station, etc.) connected with the base point, home.

We suppose that the use of a graph combined with a traditional map may be useful in gender and urban studies. For example, combining many individual graphs and adding them as an additional level to the 'classical' map can uncover both problematic areas with poor urban planning and bad access to infrastructure as well as those places that are highly visited and act as 'parent attractors. This information may be helpful for policymaking at the municipal level.

Гендерный аспект присутствует во всех сферах человеческой деятельности. Где-то он предстает особенно очевидно, например в экономике или политике, но может быть и едва различим, а точнее, замаскирован, как, скажем, в ор-

ганизации пространства. В наших городских пространствах распространена псевдогендерная нейтральность, которая достигается путем ущемления уязвимых социальных групп в разнообразии их проявлений, когда не принимаются во внимание их специфика и особенности. В результате конструирование пространства сводится к некой усредненной норме, и отправной точкой всех расчетов становится «среднестатистический» человек – молодой, физически здоровый мужчина, для которого не нужно создавать некие дополнительные элементы городской архитектуры. Гендер и пространство – это тесно связанные, проникающие друг в друга понятия. Гендер конструирует пространство, а пространство, в свою очередь, конструирует гендер.

Казалось бы, современное общество Беларуси и России ушло далеко от тех исторических реалий, в которых общественное пространство было исключительно мужской территорией, а женщине (мы имеем в виду благородную даму) отводилось место в приватном пространстве внутри семьи. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что пространство наших городов имеет довольно четкую гендерную ориентацию. Беларусь и Россия все еще сохраняют весьма консервативные взгляды на распределение гендерных ролей. Несмотря на то что в целом женщины довольно эмансипированы и не скованны в расстановке приоритетов в своей жизни, идеологическая нагрузка на первостепенность роли матери для женщины имеет решающее значение в ее выборе и распределении ролей и обязанностей в семье. В результате забота о детях и работа по дому в подавляющем большинстве семей исключительно женская обязанность. Следствием разделения гендерных ролей становится соответствующее разделение пространства. Для чего, например, в начале XIX в. делать женские уборные в общественных местах, если женщина эти места не посещает ввиду сложившихся норм поведения в обществе? Так легким отголоском в наше современное общество донеслись те установки, в которых гендерные роли все еще разграничивают пространство на женское и мужское путем исключения женщины из публичного пространства. В данном контексте интересным становится тот факт, что когда в семье уходом за детьми и домашним хозяйством занимается мужчина, то он в некоторой степени также исключается из публичного пространства. Таким образом, пространства формируются на основе преобладающих гендерных ролей. Женщина с ребенком автоматически становится заложницей исторически сложившихся установок, в которых ей определяется место внутри семьи, и многие из привычных ранее общественных мест по умолчанию исключаются из ее повседневных практик. Гендер конструирует пространство, а преобладающий гендер в сфере принятия решений, строительства и утверждения проектов городской инфраструктуры не имеет представления, что такое гулять по городу с детской коляской. Если к этому добавить еще и финансовый аспект, то безбарьерная среда для родительниц становится лишь

формальным словосочетанием, которое можно прочесть или услышать из уст чиновников, но не более.

Все эти размышления были навеяны курсом «Гендер и пространство» в магистратуре ЕГУ. Курс заставляет более пристально всмотреться в окружающее нас пространство и заметить скрываемые под ликом нейтральности неявные формы неравенства и гендерной нечувствительности в нашем обществе, а также помогает увидеть гендерный аспект, который все еще незаслуженно обходят стороной, и более глубоко понять устройство, процессы и механизмы того или иного явления. В рамках данного курса нами были проведены исследования, которые позволили иначе взглянуть на городское пространство и расширить границы понимания процессов конструирования среды. Взгляд на город формируется множеством факторов, и социальной позицией в том числе. Меняется позиция наблюдателя – меняется вся перспектива. Взгляд молодого мобильного человека отличается от взгляда молодого родителя.

Мы, Алекса Тим и Ирина Чайка, представили, как воспринимается городское пространство и наши повседневные маршруты с позиции родителей с детьми. Для этого были проведены небольшие по времени и охватываемой территории исследования, нацеленные на изучение специфики городского пространства для молодых родителей. Независимо друг от друга мы исследовали две столицы на постсоветском пространстве – Минск (Ирина Чайка) и Москву (Алекса Тим).

Целью исследования Ирины стало изучение степени доступности маршрутов в рамках каждодневных практик матери с двумя детьми (3 года, 3 месяца), в том числе с использованием детской коляски. Для исследования Ирина прошла наиболее частые маршруты, которые совершаются регулярно пешком или на общественном транспорте непосредственно с коляской. В результате Ирина создала карту, на которой можно увидеть, в какой степени теми или иными условиями городской среды ограничилась ее мобильность.

Алекса – гендерквир, которая в тот момент играла роль домохозяйки и при этом большинством родственников (а равно всем окружением вовне, за пределами профессиональной среды) воспринималась как отец шестилетней дочери и 33-летний мужчина, – сфокусировалась на небольшом районе вблизи станции метро «Беговая». В этом районе одна из крупнейших транспортных магистралей города и небоскреб «Нордстар тауэр» вкупе с 35-этажным жилым комплексом соседствуют с послевоенной трехэтажной застройкой и домами, известными как «сталинки» – престижные многоквартирные дома 1950-х гг. Цель исследования – представить жизнь родителя с ребенком в такой смешанной среде, на пересечении буржуазно-капиталистической сферы с наследием советского периода. Район между советскими военными предприятиями и бизнес-центром, между больницей и автомобильной дорогой, сочетающий дорогие магазины с кооперативным домом от Московского союза художников, представлялся ценным полигоном для нестандартного картографирования. Поиск способа пе-

редать специфику такого неоднородного пространства – важная составляющая исследования Алексы.

Ирина

Отправная точка моего исследования – дом, в котором я живу. От него стрелками обозначены основные маршруты, которые я в той или иной степени совершаю за неделю. На карте красными стрелками отображены маршруты, для меня недоступные, поскольку на пути имеются препятствия, которые с коляской не преодолеть (лестницы, не оборудованные пандусами). Соответственно, зелеными стрелками обозначены маршруты, по которым я могу свободно передвигаться. Красный крестик в конце зеленого маршрута говорит о том, что дойти до пункта назначения я могу, но зайти в нужное помещение не представляется возможным. Зеленый смайл говорит о том, что вход в нужное помещение дружелюбен для людей с детскими колясками. Оранжевыми точками обозначены места на пути, где пандус формально существует, но воспользоваться им практически невозможно из-за его конструкции, которая не предназначена для моей коляски. В некоторых случаях я могу пойти по более длинному пути, но без препятствий, чтобы добраться до пункта назначения, как, например, в книжный магазин и детский сад (но зайти в детский сад я не могу из-за довольно большой лестницы).

Наиболее интересным моментом моего исследования стало изучение доступности минского метрополитена. На станции метро, вблизи которой я живу, есть специально установленный лифт для спуска в сам метрополитен, а также для спуска на платформу. Однако, приехав на нужную мне станцию, я не смогу физически выйти из метро ввиду отсутствия там и лифта, и элементарных пандусов (‘subway 2’, ‘subway 3’). Подобного рода ловушка может вынудить вернуться на исходную станцию метро и проложить маршрут наземным транспортом, причем учитывая и его особенности (поскольку не все троллейбусы и трамваи приспособлены для входа с коляской из-за их конструктивных особенностей; этому мешают, например, поручни посередине входа, которые разграничивают потоки входящих и выходящих людей).

Соотношение красного и зеленого цвета на карте наглядно показывает, что моя новая социальная роль способствовала значительному снижению мобильности, а пространство города проявило явное недружелюбие к родителям с колясками. Городское пространство планируется «для людей» в целом, но ни для кого в частности: не принимаются во внимание социальные различия; группы, на которые ориентировано пространство, очень ограниченны, а порой вовсе сложно представить, для кого данная среда организована.

Алекса

Моя задача заметно отличалась от задачи Ирины. Если младший сын Ирины передвигается в коляске, а старший пока не может самостоятельно совершать долгие переходы, то моя шестилетняя дочь уже в состоянии преодолевать любые препятствия вплоть до перегородивших путь заборов. Кроме того, я гендерквир. Для семьи я не столько Алекса, сколько папа, с мужским телом и мужскими привилегиями (там, где жене нахамят, мне, с моим двухметровым ростом, скорее ответят сдержанно). Карта доступности была бы в данном случае совершенно нерепрезентативна, и я сфокусировалась на иной задаче: найти ответ на вопросы, как мое родительство меняет восприятие городской среды и как специфика конкретного района пересекается со спецификой моего личного опыта.

Ключевой особенностью моего перехода от «взгляда человека без ребенка» к «родительскому взгляду» стало выделение детских площадок с разделением их по привлекательности. Кроме того, преобразовалась сетка маршрутов: вместо линии от метро до дома и от дома до магазинов сформировались новые, иногда весьма причудливые трассы вида «дом – автобусная остановка – другая остановка – бассейн – магазин – остановка – остановка – магазин – детская площадка – дом».

Я последовательно применила ряд подходов: рисунок улицы, набросок района, сделанный по памяти, карта, перерисованная с данных геоинформационной системы, лежащей в основе сервиса «Яндекс.Карты», и, наконец, две схемы, основанные на использовании графа вместо отображения декартового пространства. В момент работы над этим проектом я еще не знала о решении Ирины, но наши подходы оказались весьма схожи. По этой причине подробное обсуждение замены карты на граф выносится в раздел обсуждения нашей работы.

Обсуждение: граф вместо карты

Подходы, которые использовались для построения карт, имеют ряд общих черт. В частности, нами не ставилась задача максимально подробного и точного отображения трехмерного пространства городской среды на плоскую поверхность: в обоих случаях мы не задавались целью запечатлеть конфигурацию всех окрестных зданий, улиц и прочих объектов. Обе карты не имеют явно определенного масштаба, хотя на московской и есть достаточно точное соответствие пропорций на бумаге пропорциям на местности: контуры строений срисованы с карты, доступной через онлайн-сервис «Яндекс.Карты». Отказ от претензий на «точное» и «объективное» отображение городской среды был осознанным, поскольку в обыденной жизни родителя с ребенком ни расположение строений на закрытом дворе военного НИИ по соседству, ни даже точное расстояние в

метрах до часто посещаемого объекта большой роли не играют. Выбор английского языка, на котором была составлена карта, обусловлен тем, что это второй рабочий язык в совместном курсе Бенджамина Коупа и Ольги Сасункевич.

Расположенный на расстоянии 345 м от дома магазин без пандуса может быть менее доступен для родителей с коляской, чем магазин на расстоянии 650 м, но с пандусом. Высокие бордюры могут сделать перекресток столь же непроходимым, как высокий забор. Напротив, разделяющий дворовое пространство забор оказывается незначимым при наличии ключей от калитки или при возможности родителю перелезть через забор сверху, а ребенку пролезть между прутьями решетки.

Кроме того, значительная часть городской среды для родителей оказывается исключенной не своей недоступностью, а своей незначимостью. Так, в случае с московской картой фокус намеренно сделан на территории внутри прямоугольника, ориентированного длинной стороной вдоль улицы Беговая: пространство вдоль железнодорожных путей или вблизи Боткинской больницы доступно физически, но не представляет интереса для повседневных прогулок. Определенные территории могут исключаться в силу своей непривлекательности: они либо скучны, либо враждебны, либо не соответствуют интересам конкретной семьи. Для детей младшего возраста более актуальны локальные детские площадки, до которых можно добраться не более чем за 10–15 мин пешком (при скорости ребенка в 2 км/ч это дает не более полукилометра от дома с учетом всех поворотов), в то время как подростков могут привлекать совсем иные объекты: от больших парков и кружков/клубов до заброшенных строек или даже подземных сооружений.

Отказ от строгого соответствия масштаба и избирательность в выборе объектов привели нас (независимо друг от друга) к концепции графов. Говоря формально, граф – это математический объект, который представляет множество вершин, соединенных направленными (со стрелками) или ненаправленными (без стрелок, направление прохода не имеет значения) линиями, ребрами. Ребра графов могут иметь численные характеристики, обозначающие, например, легкость их прохождения, частоту использования или поток чего-либо между двумя точками, но расположение графа на бумаге вовсе не обязано отражать какие-то физические особенности того объекта, который изображается графом. С тем же успехом граф может быть вообще абстрактным: в виде графа можно представить, например, алгоритм работы компьютерной программы.

Социальный смысл графов, или заключительная часть

Опыт родительства помещает в зону видимости целый ряд моментов социальной несправедливости и пренебрежения интересами уязвимых групп. Равным образом он подчеркивает и неоднородность среды: пространство

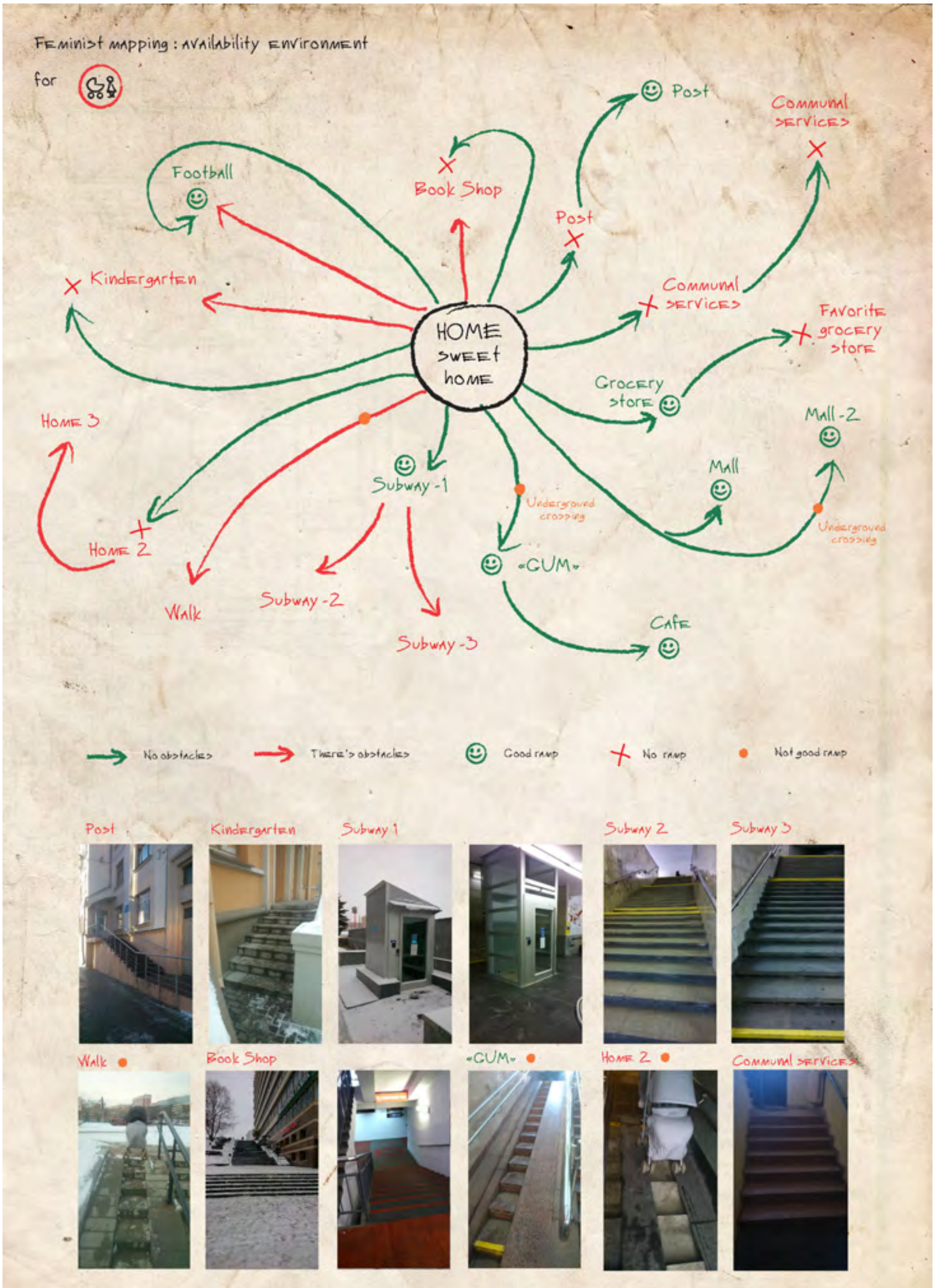
бизнес-центра, с многоэтажным паркингом и площадью, на которой в перерывах курят сотрудни_цы, оказывается столь же исключенным, как и закрытая заводская территория. Отсутствие пандусов для коляски, равно как и невозможность поднять коляску со станции метрополитена, отрезает целые сектора городской среды.

Такие ограничения можно показывать на традиционной карте, выделяя недоступные участки или подчеркивая препятствия. Но нам представляется более целесообразным для работы с индивидуальным опытом использовать концепцию графа, построенного на конкретных личных маршрутах. Для анализа на уровне принимающих решение субъектов (скажем, сотрудни_ц муниципалитета или специалисто_к по городскому планированию) можно накладывать друг на друга множество разных индивидуальных графов и переносить их уже на традиционную карту. Подобные карты могли бы, во-первых, выявить критические «слабые места» городской инфраструктуры (например, переход через дорогу с высокими бордюрными камнями или вход в магазин с непригодным для использования по назначению пандусом), во-вторых, места, которые актуальны для родителей. Позиция «здравого смысла», предполагающая, что такими местами являются детские площадки и учебные заведения, зачастую оказывается недостаточной: часть площадок, отмеченных на карте Алексы, де-факто пустует.

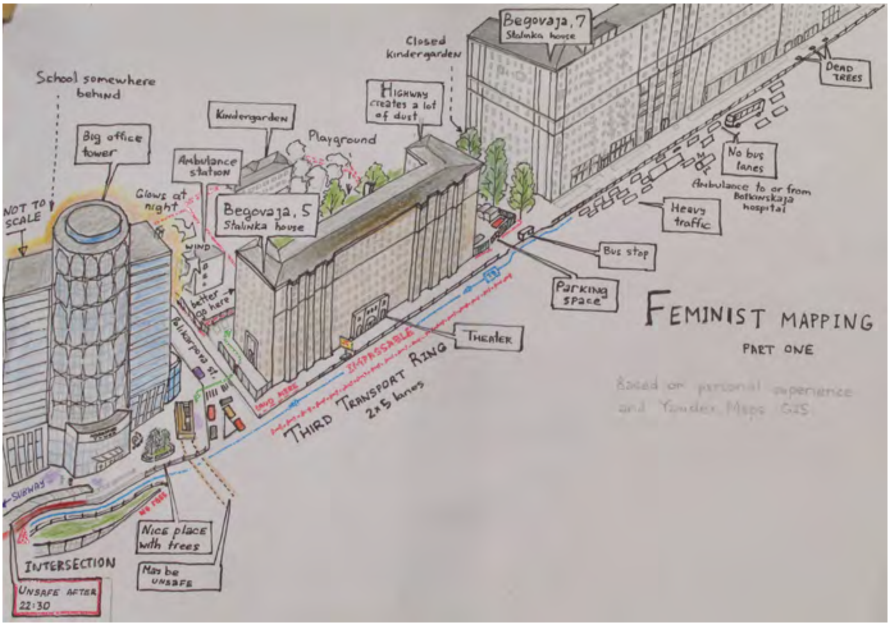
Попытка выполнить такой перенос показывает, что многие маршруты сходятся в ряде критических точек (например, у станции метро или у пешеходного перехода: вывод, в общем-то, тривиальный, но все равно значимый), а также то, что они стягиваются или, наоборот, отталкиваются определенными объектами. Парк или тихие дворы выступают в роли «аттракторов», а бизнес-центр и транспортная развязка, напротив, оказываются «серыми пятнами». Фокус городской политики на «развитии дорог», «создании условий для бизнеса», «сохранении исторической застройки», «озеленении» или «благоустройстве» меняет рисунок повседневных маршрутов, и показанные нами «родительские графы» несут таким образом информацию не только о нашей личной истории, но и о том, что считали важным в последние десятилетия в столицах Беларуси и России.

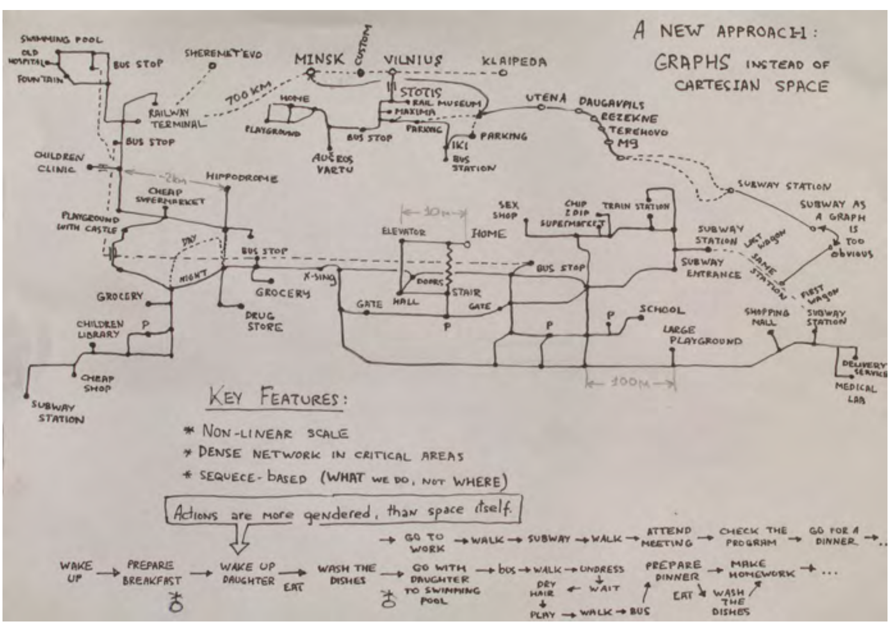
Подобные исследования могут оказаться полезными также для продвижения гражданских инициатив по созданию безбарьерной среды. Так, для городской и районной администрации не желательно, чтобы на карте метрополитена были обозначены места, которые имеют ограничения для передвижения с коляской. Ведь это сделает видимыми недостатки в работе определенных структур, и интересы родителей придется включать в реестр необходимых мер по борьбе с барьерной средой города. Поэтому, можно предположить, проекты, которые будут обнажать подобную нечувствительность, администрацией поддерживаться не будут. Но если создать проект на основе гражданской инициативы, то вполне возможно, что городским властям придется отреагировать и начать движение в направлении создания более дружественной среды для родителей.

Карта Ирины

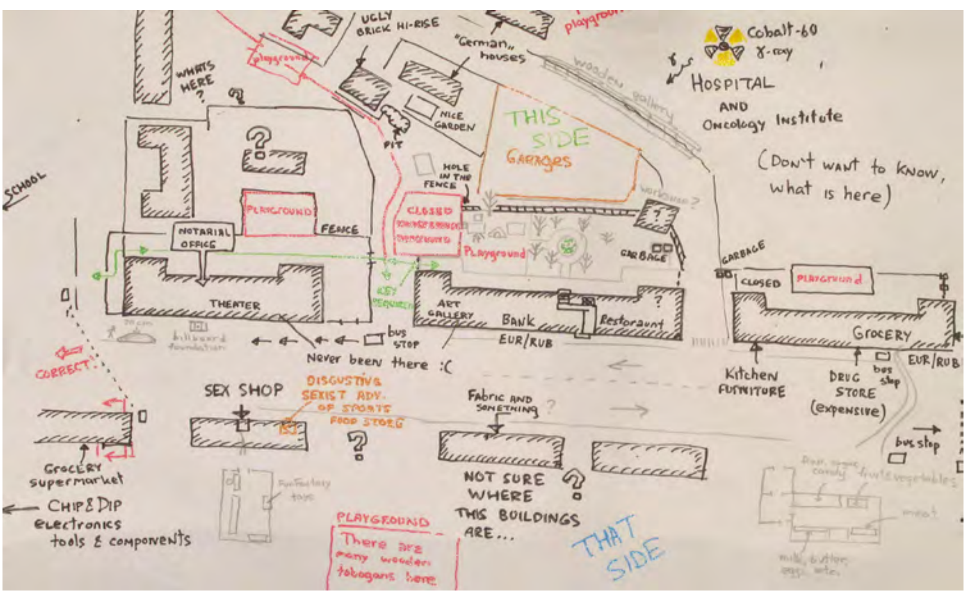

Feminist mapping : availability environment
for
Football
Book Shop
Post
Communal services
Post
Kindergarten
Communal services
HOME sweet home
Favorite grocery store
Grocery store
Home 3
Mall -2
Subway -1
Mall
Underground crossing
Underground crossing
Home 2
«GUM»
Walk
Subway -2
Cafe
Subway -3
No obstacles
There's obstacles
Good ramp
No ramp
Not good ramp
Post
Kindergarten
Subway 1
Subway 2
Subway 3
Walk
Book Shop
«GUM»
Home 2
Communal services

Карты Алексы

HIPPODROME
THAT SIDE
OUR SIDE
Begovaja st.
ONCOLOGY INSTITUTE
BOTKINSKAJA bolnitsa HOSPITAL
SCHOOL
GARAGES
HOTEL
INTERSECTION
MILITARY AIRCRAFT FACTORIES

UGLY BRICK HI-RISE
"German" houses
Cobalt-60 γ-ray
HOSPITAL AND Oncology Institute
(Don't want to know, what is here)
WHATS HERE ?
NICE GARDEN
PIT
THIS SIDE Garages
HOLE IN THE FENCE
SCHOOL
PLAYGROUND
FENCE
NOTARIAL OFFICE
CLOSED
Playground
GARBAGE
THEATER
ART GALLERY
BANK EUR/RUB
Restoraunt
GROCERY
EUR/RUB
bus stop
Never been there :(
CORRECT
SEX SHOP
DISGUSTING SEXIST ADV. OF SPORTS FOOD STORE
Fabric AND SOMETHING
Kitchen FURNITURE
DRUG STORE (expensive)
bus stop
Grocery supermarket
CHIP & DIP electronics tools & components
NOT SURE WHERE THIS BUILDINGS ARE...
PLAYGROUND There are many wooden tobogans here
THAT SIDE

Между профессиональным и политическим: истории гендерных исследований в Восточной Европе в рассказах ее непосредственных участни_ц

Развитие гендерных исследований в Восточной Европе неотделимо от академических выборов и судеб отдельного и немногочисленного, на первых порах, круга исследователь_ниц, усилиями которых новое, гендерное, знание приходило в академию в форме новых учебных курсов и академических программ, по-другому поставленных исследовательских вопросов, интерпретационных рамок и языка публикаций. Появление гендерных центров и новых поколений гендерных исследовател_ьниц, тем не менее, не означало линейности и беспроблемности самого процесса институционализации. Рефлексируя о судьбе Центра гендерных исследований ЕГУ, мы посчитали важным побеседовать с теми, кто стоял у истоков развития гендерных исследований в России, Украине, Литве, Польше и Чехии. Участни_цы интервью рассказывают о своих (раз)очарованиях и достижениях. Сравнение представленных ими историй и интерпретаций развития гендерных исследований в Восточной и Центральной Европе позволяет увидеть взаимосвязь между формированием теории и структурными условиями, в которых этот процесс происходит. Хотя эти истории имеют много общего, в том числе в отношении неоптимистичного взгляда на результаты развития гендерных исследований в регионе, этот ретроспективнй взгляд также приглашает к рефлексии о том, каковы наши достижения и что может быть сделано по-другому в будущем. Эти интервью свидетельствуют о том, что, какими бы неблагоприятными ни были внешние условия, гендерные исследования остаются динамичным полем гуманитарных и социальных наук, способным поставить важные и актуальные вопросы в критическое время. Мы благодарны нашим собеседни_цам за разговор, а также Евгении Ивановой и Наталье Павлович за помощь в осуществлении этого проекта.

Бен Коуп, Елена Минченя и Ольга Сасункевич

Between the Professional and the Political: the Stories of Gender Studies in Eastern Europe Told by Those Directly Involved

The development of gender studies in Eastern Europe is intimately intertwined with the academic and life choices of a particular and, in the first instance, small group of researchers, through whose efforts the new, gendered knowledge entered academia in the form of new university courses and academic programmes, differently posed research questions and interpretive frames, and a distinct fresh language of publications. The appearance of centres of gender studies and new generations of gender researchers did not, however, bring about a linear and unproblematic institutionalisation of the new discipline. Reflecting on the fate of the Centre of Gender Studies at EHU, we considered it important to talk with those who were at the source of the development of gender studies in Russia, Ukraine, Lithuania, Poland and the Czech Republic. Our interviewees tell of their hopes, achievements and disappointments. Although these stories have much in common, including an ambivalent view of the results of the development of gender studies in the region, the retrospective perspective they open up also enables a reconsideration of what has been achieved and of what might be done differently in the future. These interviews bear witness to the fact that, no matter how unfavourable the external conditions, gender studies remains a dynamic field of the humanities and social sciences, capable of asking searching and meaningful questions at a critical time. We are grateful to those who talked with thus, and to Evgenia Ivanova and Natallia Pavlovich for their help in bringing this project to fruition.

Benjamin Cope, Alena Minchenia and Olga Sasunkevich

Интервью с Анной Темкиной

«МЫ С ЕЛЕНОЙ ЗДРАВОМЫСЛОВОЙ УЖЕ 20 ЛЕТ РАБОТАЕМ, МЫ НИКУДА НЕ УШЛИ, НИЧЕГО НЕ БРОСИЛИ»: ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Интервьюерка – Елена Минченя

Анна Темкина – профессорка факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, со-директорка программы по гендерным исследованиям ЕУ.

Е.М. ***Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в гендерные исследования?***

А.Т. Такое ощущение, что у меня есть уже нарратив на эту тему, поскольку мне приходилось неоднократно рассказывать об этом. Честно говоря, я уже не помню, что там было, но помню, какая у меня структура нарратива, хотя мне кажется, что именно так и было (*смеется*). История такова. До и в начале перестройки я работала в социологическом отделе Института социально-экономических проблем АН СССР. Прямого отношения к дальнейшему развитию это не имеет, однако сформировало определенное восприятие накопленного советского опыта, который затем подвергался ревизии или даже просто отрицался. В конце 1980-х гг., когда начались изменения в разных сферах, я была молода и только пришла в социологию. Образования социологического тогда не существовало. У меня – экономическое, но работала я в сфере социологии. У нас сложилась группа, в которой были Владимир Костюшев, Елена Здравомыслова, Виктор Воронков, Олег Вите (мой муж в то время), другие люди. Мы все устремились изучать общественные неформальные движения, в первую очередь демократические, которым симпатизировали или в которых участвовали. В этот момент я писала кандидатскую диссертацию, дописала, но не защитила. Я занималась

сферой трудовых отношений. И поэтому из эмерджентных движений, которые только стали появляться, я начала изучать рабочее движение, делала небольшие исследования, в том числе с москвичами, с группой Леонида Гордона. Была опубликована статья в журнале «Soviet Studies» («Europe-Asia Studies» в настоящее время). Это было фактурное описание, без какого-то намека на теорию, которой мы тогда и не знали. Дальше мы стали, скорее, самообразовываться. Елена Здравомыслова одна из первых поехала в США в начале 1990-х, привезла «новое знание» и литературу по социологии общественных движений. Это послужило определенным импульсом к развитию аналитических подходов и конкретных исследований. Несколько раз я ездила в регионы рабочих забастовочных движений, где участвовала в обычных социологических исследованиях – с опросниками, разговорами с людьми. Но предмет был новым – протесты, конфликты, новые профсоюзы. Это было необычно и очень интересно.

Постепенно формировался багаж пока еще не очень большого знания теорий общественных движений, но большого интереса к общественным изменениям. На тот момент у меня вообще не было представлений о том, что такое гендер и феминизм. В 1992 г. я получила стипендию IREX на семь месяцев в Колумбийском университете в США. Вот тут все и началось. Меня начали спрашивать коллеги, которых также интересовали постсоветские трансформации: «А что у вас с положением женщин? А что у вас с женским вопросом?». Я не знала, что на эти вопросы отвечать. В магазинах обнаружила гору литературы – длинные-длинные полки по феминизму и гендерной теории. Начала смотреть, читать, на первых порах осторожно и даже с некоторым подозрением. Очень интересно, но плохо понятно, к чему все это. Елена Здравомыслова параллельно со мной начала обсуждать гендерную проблематику с молодыми людьми, студент_ками соцфака, некоторые потом учились в Европейском университете. Они хотели читать феминистскую литературу в группе: формат reading group появлялся по запросу «снизу». Я, вернувшись из Америки, сблизилась с Центром гендерных проблем (ЦГП), его директоркой Ольгой Липовской, и там мы также стали читать феминистскую литературу с азов – Бэтти Фридан, радикальных феминисток. Так, началом стали reading group, первые женские феминистские организации, в которых был интерес к освоению знания как базе политического действия. А затем – и конференции. Мне стало уже немного тесновато в теме рабочих движений. Рабочие движения, как мы их тогда понимали, – это движения модернизации, а женское и феминистское движение – это все же пост-, там больше интересных вопросов вокруг идентичности, различий власти. Мы стали больше работать в этой сфере, завязывались связи, важную роль сыграли и форумы в Дубне, я в них не участвовала, но были мои коллеги. Следующий шаг – возможность благодаря Ольге Липовской сделать небольшое исследование по политическому участию женщин. Это было мое первое гендерное исследование. В тот же момент мы начали интересоваться качественными методами в социо-

логии. Это тоже было новшеством. Так мое первое исследование стало набором всего нового – и предмета, и метода, и идеологии.

Далее я благодаря финским коллегам (в первую очередь Анне Роткирх), с которыми познакомилась по счастливой случайности, по гранту мобильности попала в Финляндию, где пробыла два с половиной года. Там я познакомилась со многими социологами, обнаружила, что большинство из них являются феминистками, интересуются феминизмом, проводят разные гендерно чувствительные исследования. Этот этап заканчивается тем, что мне мои финские коллеги предлагают защитить диссертацию в Финляндии. Диссертация могла быть совокупностью статей. К этому моменту я уже опубликовала около пяти статей, две из которых посвящены политическому участию женщин. Это была одна линия вовлеченности в гендерные исследования. Вторая – дружба и солидарность, которые у меня сложились с финскими социологами и вылились в различные последующие совместные проекты-исследования сексуальности, гендерных ролей, образцов женственности и мужественности. Третью линию можно связать с началом формирования Европейского университета. Я нахожусь в курсе того, что происходит, хотя и не принимаю активного участия в организации и все еще пребываю в Финляндии. Дело идет уже к защите диссертации (осенью 1997 г.), мне звонит Вадим Волков, первый декан факультета политических наук и социологии, и говорит: «Либо ты возвращаешься из Финляндии, либо без тебя». Я подумала-подумала и вернулась в Питер, хотя могла как минимум задержаться в Финляндии. И вот с этой точки началась другая история: мы организовались в университет, начались исследования, проекты, в том числе создана программа гендерных исследований, которую поддержал фонд Форда и лично его директор Мэри Макколи. Мы осваивали и практику преподавания, до сих пор я очень благодарна летним школам (в том числе Харьковского центра и российских центров) за практику интерактивного обучения. Когда сейчас его требуют в университетах – я удивляюсь, поскольку не понимаю, как можно преподавать иначе.

– Из Вашего опыта, с какими идеями, теориями, концепциями был связан период институционализации гендерных исследований в России, в частности появление учебной программы по гендерным исследованиям в ЕУ?

– Поначалу концепций почти не было. Был энтузиазм, стремление освоить новую область, понимание ее потенциала. Концепция заключалась в том, что нужно овладевать самой концепцией, и теорией, и знаниями, что нужно проводить исследования. Смешно звучит, но это можно назвать жаждой новых знаний и нового уровня понимания социума. Когда мы говорим об институционализации, то говорим о лидерах, которые важны, но мы довольно редко говорим, что энтузиазм этих лидеров и людей вокруг был двигателем всего. Эмоциональная

вовлеченность была важной, возникло чувство, что эти знания нужны, хотя и не было понятно, кому и зачем. Что еще было в тот момент? Кроме энтузиазма и стремления к новому, чтения заграничной литературы не было никакого систематичного образования, но было понимание, что нужно делать новую науку: ведь то, что вокруг нас, требует радикальных изменений. Со старым аппаратом мы далеко не продвинемся. Нужны новые методы, новые методологии, новые системы познания, рефлексии и понимания места само_й исследователь_ницы. У нас возник новый университет, в котором мы продвигали новое знание в области гендерных и феминистских исследований, и наши лидеры-социологи, которые только заканчивали в тот момент Беркли и Кембридж, знали, что гендерные исследования – это важная область, в новом знании им есть место.

В то же время были фонды, которые также в этот момент поддерживали гендерные исследования, были готовы финансово поддерживать. Нас простимулировал фонд Форда. Не то чтобы мы сами не хотели делать программу, но мы только нащупывали пути, не чувствовали себя уверенно. У нас был слишком маленький административный опыт, мы не знали, как делать образовательные программы. Я не уверена, что мы бы сами решились на создание программы. Нам ничего не было навязано, но Фонд подтолкнул к реализации наших собственных интересов.

Условия были благоприятные – и новый университет, и фондовая поддержка. И еще интеллектуальная молодежь, у которой было стремление – «мы хотим понять». Все это закрутилось, сложилось в определенную констелляцию. В 1997 г. мы прочитали пилотный курс, и через год открылся университет, начался регулярный учебный процесс. Мы учредили гендерную программу, которая была и по сегодняшний день находится при факультете политических наук и социологии. Важно то, что в департаменте нам нашлось место, которое существует до настоящего времени.

Нельзя сказать, что все это было так гладко. Институционально все выглядит неплохо, но долгое время наши коллеги не могли привыкнуть, что гендер – это нормальная тематика в академии. Они вроде нам и не мешали и, может, даже где-то продвигали, но для них это был все же какой-то довесок, который к социологии пристегивается. Если ты – энтузиаст, то работай. Однако у меня не было и нет до сих пор уверенности в том, что гендерные исследования воспринимаются как равноценная часть социологии, не маргинальная, даже несмотря на то, что у нас в университете все повторяют, что самый сильный сегмент социологии – так уж сложилось – это гендерная социология. Я думаю, это связано не с тем, что она такая теоретически новаторская (в социологии это не совсем так), а потому, что мы с Еленой Здравомысловой уже 20 лет работаем, мы никуда не ушли, ничего не бросили, провели большое количество исследований, опубликовали много работ, помогли написать магистерские, кандидатские и PhD нашим многочисленным студент_кам. Сейчас уже все привыкли к нашему существованию, но

это не значит, что социология изменилась, а гендерная социология стала мейнстримной.

Что касается исследовательского интереса наших первых студенто_к, самая первая выпускница – Таня Бараулина, написала первую магистерскую в рамках нашего с Анной Роткирх совместного исследования вопросов сексуальности. Жанна Чернова (в настоящее время доктор наук) писала об образцах маскулинности в СМИ. С того момента, на протяжении следующих 20 лет, каждый год к нам поступали от трех до пяти человек на магистерскую программу с гендерной тематикой. К нам на курсы приходят и те, кто получает социологическое и политологическое образование. Мы читаем курсы по гендерной социологии, феминистской теории, российским гендерным отношениям, качественным методам (это не совсем гендерный курс, но он тесно связан с гендерными исследованиями), гендерной стратификации. Я читаю лекции по социологии здоровья и медицины, в которой отчетливо выражен гендерный аспект. Наши выпускни_цы занимаются самыми разными темами. Мы стараемся, конечно, чтобы они занимались тем, что нам близко, вовлекаем в наши проекты, но не настаиваем, если они хотят делать свои собственные. Они разрабатывают свои темы, а мы осваиваем их вместе с ними. Из последних, например, магистерских работ под моим руководством можно упомянуть исследования баланса гендерных ролей женщин-художниц (Мария Годованная), проблем разведенных отцов (Екатерина Иванова), здоровья в семьях с низким статусом (Дарья Ходоренко), конструирования боли в онкологии (Анастасия Угарова). Есть и феминистские темы у аспиранто_к в настоящее время: Вероника Лапина защитила PhD по квир-номадизму, Даниил Жайворонок пишет о дискурсах секс-работы, Анастасия Новкунская – о медицинских профессионалах в малых городах. Немало интересного исследуют и студент_ки под руководством Елены Здравомысловой.

Но любим мы, конечно, свои темы и свою полевую работу. Сейчас Елена занимается заботой и старением, у нее есть студент_ки и аспирант_ки, которые занимаются заботой о пожилых в разных контекстах, а у меня последние пять лет крен произошел в социологию здоровья и репродуктивное здоровье, и есть несколько человек, которые работают со мной в этих темах.

– А что можно сказать о происходящем консервативном повороте в России? Как это отражается на Вас и на гендерных исследованиях в целом?

– Россия – это отдельная история. Мы (как гендерная программа) в каком-то смысле являемся исключением, к сожалению. Наш опыт такой более-менее нормальный, если не считать, конечно, что в течение года над университетом нависает угроза закрытия. Не без трудностей и проблем у нас выстроилась рамка гендерной социологии. Трудно оценивать себя, но в этом смысле мне кажется, что наше развитие было успешным, если смотреть на него через критерии количества выпускников и публикаций, не говоря уж о конференциях. Вместе с тем

в условиях консервативного поворота, в фокусе которого традиционная семья, гендерные роли и сексуальность, в условиях беспрецедентного давления на университет не поворачивается язык говорить об успехе. Может быть, завтра нас (как программы) уже не будет.

Что касается в целом академической сферы (возможно, я нахожусь в таких он- и оффлайн сетях), вижу, что людей, которые гендерную проблематику знают и любят, вокруг очень много. Но эти люди могут рассказать вам печальную историю, как трудно этим заниматься. Есть и те, кто, например, занимается исследованием материнства, репродукции или миграции не исходя из гендерной или феминистской перспективы, но при этом интегрирует гендерный аспект. Существуют не только заинтересованные люди, но и заинтересованные институции. Например, Центр независимых социологических исследований хотя и иностранный агент, но люди все равно так или иначе работают. Там много исследователь_ниц, которые интересуются гендерной тематикой. Они проводят гендерные семинары, гендерные школы. Мы сотрудничаем со многими исследователь_ницами из ВШЭ, Социологического института РАН. И такие примеры не единичны: молодые исследователь_ницы знают гендерную проблематику и у них есть гендерная чувствительность. Кроме того, существует несколько журналов, в которых хорошо представлена гендерная проблематика, в первую очередь социологическая, например «Лабораториум», «Журнал исследований социальной политики». Могу сказать, что молодое поколение, которому сейчас около 30, без лишнего шума эту проблематику осваивает и интегрирует в свои исследования. Хотя, разумеется, существует и большой сегмент в академии, где проводятся конференции с докладами о правильном предназначении женщин. Я не поеду на такую конференцию, я предпочитаю участвовать в мероприятиях, где социологи чувствительны к гендеру и понимают, что это такое. В результате у меня не возникает ощущения изоляции или враждебного отношения к тематике. Молодые люди хорошо понимают, что социологическая компетенция включает представления о гендере и современных дебатах; сейчас уже ясно, какие азы и каноны надо знать. В общем и целом поменялось что-то вокруг, хотя сложно сказать, насколько эти изменения устойчивы.

Влияние же собственно политического контекста очень зависит от темы и области исследований. Людям, которые занимаются ЛГБТ и квир-теорией, часто бывает трудно, хотя мы лично зависим от политического контекста скорее опосредованно. Политический контекст может разрушить наш университет, вместе с университетом разрушит и программу. Есть даже такая история, что Милонов высказался против гендерных исследований, после чего все и закрутилось вокруг университета. Все понимают, что не в гендере здесь дело, но это стало удачным спусковым механизмом.

Однако есть и обратная сторона у этого политического контекста: молодежь стала больше интересоваться, что такое гендер и феминизм. Молодые женщины

устали слушать, что их место на кухне, они этим возмущены. Количество молодых мужчин, желающих академически фундированно подойти к этим вопросам, также возросло. Им понятно, что нельзя возразить Милонову, не имея теоретического обоснования, необходимы аргументы. А для того чтобы выстраивать аргументацию, надо знать гендерную теорию.

Последнее, что у нас происходит хорошее на фоне всего плохого, это то, что в университете в результате большого конкурса появилась гендерная специалистка – Алиса Клоц, получившая степень в Америке. Алиса занималась анализом жизни домашних работниц раннего советского периода. Мы уже продумываем совместные планы на будущее. Кроме того, наша выпускница Екатерина Бороздина, исследовательница акушерской профессии, стала доцентом нашего факультета.

– Что касается Вашего взаимодействия с феминистскими организациями и инициативами, как бы Вы охарактеризовали отношения между академией и активизмом?

– Я бы сказала, что мы с ними работали очень активно в 1990-е гг., точнее, мы работали вместе, но у нас были общие интересы, мы взаимно друг друга просвещали. По крайней мере, с центром Ольги Липовской я дружила, и мне это очень нравилось. Я чувствовала, что у них есть запрос на то, что я могу делать. Потом мы и их исследовали вместе с моей аспиранткой Юлией Брыгалиной. Мы написали в одной статье, как в 1990-е – начале 2000-х ЦПГИ и кризисные центры развивались, какая была структура политических возможностей, какая идеология и мобилизация. В настоящее время мы с феминистским движением отчасти пересекаемся и общаемся, его сейчас немного. Оно есть в интернете, немного в академии, немного в искусстве. Есть академические и политические инициативы. Я не могу сказать, что у нас постоянные тесные связи, скорее, время от времени к нам на факультет поступают феминистские активистки, и благодаря им и их исследованиям я многое узнаю, иногда хожу к ним на выставки и разные мероприятия. Там я вижу феминистское сообщество. Не скажу, что оно мне понятно, оно другое, потому что это другое поколение, но мне интересно. Они занимаются постфеминизмами, очень этим интересуются, нас критикуют за известную «кондовость», против чего я даже и не возражаю. Социология вообще кондовая. У меня есть сейчас в гендерном курсе темы по квиру и феминистскому материализму, но я не специалист, и это не мой предмет интереса. Есть группа в фейсбуке по феминистскому письму, я спросила, как они относятся к тому, что я к ним присоединюсь. Они сказали: «Конечно, приходите». Но я туда не хожу, потому что нельзя объять необъятное. Мне это очень интересно, но не хватает времени – хочется учиться, осваивать новейший феминизм, но хочется и проводить полевые исследования. Хотя мне очень важно, чтобы существовал спрос на нашу работу, чтобы были союзники из наших исследовательских полей. Сейчас

у нас это происходит с акушерками и медицинскими сестрами. Мы ходим друг к другу на конференции, сделали совместную брошюру, иногда рассказываем им про феминизм и гендер. Меня очень увлекает то, что происходит в медицинских организациях, как меняются пациенты-клиенты и профессионалы, а также и то, как наши информант_ки критически воспринимают нашу работу, чему они учатся у нас, а мы у них. В работе с сензитивным полем я вижу потенциал феминистской методологии и поле для приложения наших активистских сил.

Наше влияние на активисто_к разного рода (а акушерок, которые что-то хотят изменить в своей профессии, я тоже считаю активистками) скорее не прямое. Мы оказываем друг на друга определенное влияние. Они чему-то могут у нас научиться, например тому, как проводить исследование или как интерпретировать свою социальную ситуацию. Хотя если вернуться к собственно феминистскому активизму, то граница есть. У нас учатся активист_ки, но они все же учатся академическому исследованию. Если бы какая-нибудь исследовательница про нас писала, то, возможно, она бы сказала: «Эта академия очень далека от потребностей феминистского движения». Так происходит часто, я не вижу ничего необычного. Наша задача – проводить исследования и учить других тому, как их проводить с учетом отношений власти, сензитивной проблематики, феминистской теории и методологии и пр. Внедрять их в практику, чтобы улучшить положение непривилегированных групп – важная задача. Но она не наша.

– Гендерные исследования в регионе начинались благодаря усилиям достаточно ограниченного круга, в котором все друг друга знали. Что произошло с этими сетями, которые были между различными центрами и программами в регионе?

– Скорее, академические гендерные сети начали ветвиться, и в этом смысле мы стали несколько отдаляться. Я все-таки занимаюсь не столько междисциплинарными гендерными исследованиями, не столько феминистской теорией, сколько исследованием здоровья, медицины и гендера, хотя и не потеряла интерес к исследованиям гендерных ролей в разных ипостасях, к гендерной политике и пр. Но если я еду с докладом на конференцию Европейской социологической ассоциации, то я, скорее, подам заявку не на гендерную секцию, а на социологию медицины, потому что для полевых исследований мне важна в настоящее время эта область. На небольшие воркшопы я также поеду на социологию медицины, и это не будет обсуждением феминистских тем и гендерных теорий, это будет конкретная предметная проблематика. Конечно, я слежу за тем, что делают Елена Гапова, Сергей Ушакин, Ирина Жеребкина и другие коллеги. Но мы не пересекаемся на одних конференциях, для меня это важный показатель. Мы, конечно, можем не пересекаться по причине отсутствия ресурсов, но это также вопрос академических приоритетов. Сети строятся через научный обмен: кто кого рецензирует, кто кого редактирует и в диссертационных советах

сидит. Мы сидим по своим департаментам, как мне кажется. В то же время я чувствую нехватку дискуссии с коллегами о ситуации с феминизмом в условиях консервативного поворота или о современных трендах феминистской мысли. Мы все об этом думаем, это важно, и только гендерное сообщество может производить такое знание. Я чувствую потребность в большей концептуализации, мне не хватает инструментов, не хватает понимания, и это нужно обсуждать с коллегами. Но все же в гендерном сообществе большой активности нет, гораздо больше действий и дискуссий происходит в отраслевой социологии, поэтому я там и нахожусь.

– Можно ли говорить о том, что благодаря Вашей работе сформировалось несколько поколений, причастных к гендерным исследованиям? Наблюдаете ли Вы такой процесс и как развивается это поле дальше?

– Мы сделали маленькое исследование, чем занимаются наши выпускни_цы. Это было лет шесть назад. Многие наши выпускни_цы остались в науке, и мне кажется, что те люди, которые остались в науке, имеют гендерную сензитивность в исследованиях, даже если не занимаются ими напрямую. Российская социология стала более чувствительна к повседневности, к микровзаимодействиям, к эмоциям, к отношениям, в которые вовлечены женщины и мужчины определенного возраста, цвета кожи и сексуальности, а не просто абстрактные фигуры, которые присутствуют как некоторые объекты. В этом смысле многое в социологии поменялось. Мы и наши коллеги, вероятно, тоже на это повлияли. Мне кажется, окунувшись в гендерные исследования, уже нельзя избавиться от этого знания. В последнее время мы стали интересоваться тем, что феминизм внес в понимание этики и сензитивности поля. Собственно говоря, эти вопросы актуализировались именно под влиянием, с одной стороны, феминизма, с другой стороны, новых антропологических запросов. Мы стали об этом думать и писать, и к этой теме есть сейчас большой интерес. Я понимаю, что феминизм сделал в этом вопросе больше, чем антропология, потому что наша антропология еще не очень чувствительна к феминизму, а российским полевым исследованиям, фундированным на феминизме, есть что предложить.

– Вы уже говорили, что проблемы у ЕУ начались с высказывания Милонова относительно гендерных исследований, похожее я прочла недавно в статье Андреа Пето о ситуации вокруг ЦЕУ[1]. Как бы Вы прокомментировали такую тенденцию – использовать гендерные исследования в политических целях?

[1] Подробнее о ситуации вокруг ЦЕУ, позиции А. Пето, а также обсуждение положения ЕУ в более широком контексте можно найти в дискуссии А. Пето и Е. Гаповой в этом номере. – *Прим. ред.*

– У нас была такая история. Примерно год назад к Милонову, как он заявил об этом публично (после этого мы уже не слышали никаких публичных заявлений от людей, у которых есть к нам претензии), обратилась группа граждан с жалобой на то, что в нашем университете заставляют заниматься ЛГБТ-исследованиями, и по этой жалобе граждан он написал заявление в прокуратуру. Далее прокуратура отправила жалобу в Рособрнадзор, который и начал нас проверять. К этому подключились и другие инстанции. Но в процессе проверки ЛГБТ и гендер как претензии пропали вообще, т.е., как я шучу, за ЛГБТ и гендер нельзя закрыть. Теперь про первоначальный повод все забыли, нас начали закрывать за спортзал, за недостатки аттестации и другие моменты. Тем не менее гендерные исследования могут оказаться тем, что вызывает подозрение и может быть «спусковым механизмом». Сложно представить другие отрасли в этом качестве (за исключением политологии): вряд ли бы Рособрнадзор начал проверку на основании того, что в университете преподается (о ужас!) социология эмоций, или социология телесности, или социология преступности. А вот на основании ЛГБТ-исследований можно начать проверку, хотя по закону не запрещено преподавать и исследовать: у нас все взрослые, старше 18 лет, мы никакой закон не нарушаем.

Почему так происходит? Могу только сказать, что ЛГБТ-исследования – это морально проблематизированная зона, поэтому она легко попадает под обстрел. Она проблематизируется в национальных, националистических и патриотических проектах, в которых происходит воссоздание патриархальной традиции. В этих патриотических проектах геи, а заодно и гендерные исследования (что такое квир-исследования, они еще не разобрались) выступают маркером западности, либеральности, а это противоречит традиционалистскому нарративу, препятствует созданию нации так, как ее видят в этих проектах. В этом смысле все понятно. Однако мне не понятно то, как консервативный поворот, особенно попытки регулировать и контролировать семью, сексуальность, репродукцию, сочетается с очень либерализированными, потребительскими, индивидуалистическими и даже в известной степени гендерно эгалитарными практиками в этих сферах в современной России. Можно было бы сказать, что это два разных мира, по аналогии с Советским Союзом: риторика – это одно, а жизнь – это другое. Но это объяснение как минимум недостаточное, а как максимум – неверное.

– По Вашему мнению, есть ли проблема или напряжение в связи с тем, что гендерная теория – это привнесенное знание, или гендер уже стал в полной мере понятным, своим концептом?

– В наших сетях он стал «домашним», в том смысле, в котором вся западная социология уже стала домашней. Гендер в этом смысле от нее не отличается. У нас уже очень много хороших российских исследований в социологии, но инструменты все равно западные. Я даже большой проблемы в этом не вижу. Про-

блема существует до тех пор, пока мы этими инструментами не начали работать, их не освоили. Когда мы начали работать, то где-то подналадили этот инструмент и работаем. Другое дело, что хотя мы и приспособили западные инструменты, но, я думаю, нам не хватает собственных теоретических инсайтов, прорывов не хватает. Теорий, чтобы дух захватывали, не хватает. Острых парадоксальных мыслителей не хватает, а остроумных – особенно. Не хватает тех, кто способен перевести теоретические инсайты, если таковые случаются, на понятный язык и завладеть умами людей. Создать такой объяснительный инструмент, который произведет эффект – так вот же оно! И как мы этого раньше не понимали?! Возможно, нам нужно для этого возвращаться к своим истокам, искать ответы в советском опыте. Ранее у нас была идиосинкразия на него, как и на классиков, сейчас в академическом смысле ее уже нет. Если еще немного отдышаться от советского наследия, можно возвращаться к своим собственным истокам, критиковать их и понимать по-новому.

– Спасибо Вам за разговор.

15 апреля 2017 г.
Санкт-Петербург – Лунд

Интервью с Ивой Шмидовой

«СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫМ СОТРУДНИЧАТЬ С КОЛЛЕГАМИ ИЗ РЕГИОНА»: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОПУЛИЗМ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ЧЕХИИ[1]

Интервьюер – Бен Коуп

Ива Шмидова (Iva Šmídová) – чешская социолог, гендерная исследовательница, создательница бакалаврской программы по гендерным исследованиям в Масариковом университете в Брно.

Б.К. ***Ива, как ты начала заниматься гендерными исследованиями?***

И.Ш. Это произошло, когда я училась в Масариковом университете в Брно одновременно по двум программам – по социологии и по английскому языку и литературе. Департамент английского практиковал приглашенные лекции и курсы. Меня заинтересовал курс «Введение в гендерные исследования» (преподавался в 1992 г. на английском языке), потому что все обсуждаемые в нем темы и проблемы были связаны с осмыслением женского опыта. Стоит напомнить, что на тот момент атмосфера в чехословацком обществе была не очень благоприятной для феминизма. Но мне было интересно, почему мы говорим только о женском, если курс называется «Введение в гендерные исследования». И этот очень базовый и простой вопрос спровоцировал мой интерес к исследованию мужчин и маскулинностей. Это было своего рода протестом против концентрации на женском, о чем я заявила посредством своего финального эссе по курсу. И так, через исследования маскулинности и мужского опыта, я постепенно пришла к феминизму и феминистской теории. Это была первая половина 1990-х гг.

---

[1] Перевод с английского Ольги Сасункевич.

Немного позже я узнала о существовании Гендерной библиотеки в Праге. Создание библиотеки было инициировано социологом Иржиной Шикловой (Jiřina Šiklová), и она изначально размещалась в ее квартире. Иржина была диссиденткой, и еще до 1989 г. она получала книги от исследовательниц и активисток со всего мира. Когда ее коллекция стала слишком большой, чтобы размещаться в частной квартире, Иржина инициировала Библиотеку гендерных исследований, которая чуть позже стала первой НГО в Чехословакии. Эта организация, расположенная в Праге, до сих пор является одной из самых больших и сильных НГО, занимающихся гендерными и женскими проблемами в Чехии.

В любом случае тема маскулинности надолго стала моим основным исследовательским интересом. Мое социологическое образование строилось вокруг нее, моя докторская диссертация и хабилитация были посвящены этой теме.

В 1998 г. департамент социологии в Масариковом университете предоставил мне возможность преподавать свой первый гендерный курс. Это был, насколько мне известно, в принципе первый гендерный курс там. Лишь еще одна преподавательница педагогического департамента факультета гуманитарных наук также предлагала гендерный курс, но только на один семестр. В 1998 г. в результате разделения факультета гуманитарных наук в университете возник новый факультет – факультет социальных исследований, где я до сих пор работаю. Костяк этого нового факультета был сформирован социологами и преподаватель_ницами некоторых других направлений бывшего гуманитарного факультета. И для 1998 г. мой курс был инновационным. Он длился два семестра. В первом семестре он назывался «Введение в гендерные исследования: Женщины», во втором – «Введение в гендерные исследования: Мужчины». Моя задумка состояла в том, чтобы к изучению мужского опыта приступать только после прохождения курса по исследованию женщин и женского.

В 2000 г. мы получили грант от фонда Сороса «Открытое общество» на организацию круглых столов, приглашенных лекций и т.п. Так мы начали работу гендерного центра. Изначально это была неформальная группа докторанто_к и магистранто_к, которые участвовали в моих курсах по гендерным исследованиям. Мы организовывали просмотры фильмов, приглашали интересных гостей, проводили вечерние мероприятия для тех, кому это было интересно. И поскольку наша группа стала довольно заметной на факультете, декан обратился ко мне с просьбой подготовить материалы для аккредитации программы по гендерным исследованиям, дисциплинарно связанной с социологией. Идея состояла в том, чтобы создать программу магистерского уровня. Но уже в ходе подготовки к аккредитации руководство факультета решило, что стоит делать бакалаврскую программу по гендерным исследованиям. Первый набор на программу состоялся в 2004 г. И с этого времени на факультете социальных наук в Масариковом университете существует бакалаврская программа по гендерным

исследованиям. Институционально она является частью департамента социологии, но мы набираем студенто_к именно на гендерные исследования.

Рассматривая этот процесс с сегодняшней перспективы, я понимаю, что решение декана и представителей факультета регистрировать бакалаврскую программу было прагматическим: им нужно было привлечь больше студенто_к и гендерная программа была одним из способов. Но как только мы достигли того количества студенто_к, которое было нужно, развивать программу стало все сложнее. Эти сложности преследуют нас до сих пор. И ситуация значительно ухудшилась начиная примерно с 2011 г. Я связываю это с рядом причин, включая неолиберальный подход к политике и академии, уменьшение количества студенто_к, выбирающих социальные и гуманитарные науки, и снижение требований к курсам этого направления. Гендерные исследования вызывают наибольшее подозрение в этом контексте, потому что они чаще воспринимаются как идеология и политика, нежели как академическая дисциплина. Это только стимулирует снижение спроса, как это часто обсуждается в дискуссиях о развитии программы. На гендерные исследования нет денег, там нет студенто_к, и поэтому оппоненты часто настаивают на закрытии программы.

– Какие процессы происходили в Праге параллельно с развитием гендерных исследований в Брно?

– Примерно в то же время, когда была аккредитована наша программа, в Карловом университете в Праге открылась магистерская программа по гендерным исследованиям. В отличие от нашей программа в Праге является частью факультета гуманитарных наук, который организован на других основаниях, по принципу *liberal arts*. На бакалаврском уровне студент_ки могут сами выбирать предметы и дисциплины для изучения и только на магистерском уровне должны определиться с дисциплинарной специализацией. Таким образом, гендерные исследования в Карловом университете возникли в качестве отдельного департамента, что не совсем обычно для нашего контекста, где департаментов обычно мало и они организованы вокруг очень широких тем. Тем не менее им удалось собрать вокруг себя небольшую, но очень интересную группу. К тому же программа предлагает отдельные курсы и на бакалаврском уровне. Таким образом, это единственная магистерская программа по гендерным исследованиям в Чехии, а мы в Брно единственная бакалаврская программа по ГИ. То есть на настоящий момент в Чехии только две институционализированные программы по гендерным исследованиям. На некоторых департаментах и факультетах преподаются отдельные курсы, но это часто зависит от наличия мотивированного человека, готового сражаться за включение гендерных курсов в учебный план университета.

– Ты упоминала поддержку фонда «Открытое общество» в организации визитов приглашенных лекторо_к. Были ли еще какие-то источники финансовой или ресурсной поддержки, которые стимулировали развитие гендерных исследований в Чехии? Или это был скорее прагматически ориентированный процесс, когда ГИ развивались исходя из логики привлечения студенто_к, о чем ты сказала ранее?

– В отношении Гендерной библиотеки в Праге следует упомянуть имя профессорки Энн Снитов (Ann Snitow) из Сети женщин «Восток-Запад» в Нью-Йорке. Эта организация также была донором, в основном она финансировала библиотеку, покупая книги и делая их доступными студент_кам. Но я также благодарна Энн и ее команде за персональную и индивидуальную поддержку. Она была моей личной менторкой и представила мне гендерные исследования за пределами того курса, который я проходила в 1992 г. В 1996 г. я участвовала в Летней школе по демократии и разнообразию в Кракове, организованной Новой школой социальных исследований из Нью-Йорка. Затем я провела там год на стипендии. И Энн давала мне личные уроки по гендерным исследованиям. Во время моего годичного пребывания в США я участвовала и в других гендерных курсах. Этот опыт потом аккумулировался и нашел отражение в моем собственном преподавании гендерной теории в Чехии. Я также получала финансирование от Сороса на развитие учебного плана в форме гранта в рамках Программы поддержки высшего образования (Higher Education Support Programme, HESP), который позволил мне купить книги и пригласить лекторо_к на два моих курса по гендерным исследованиям, начавшихся в 1998 г. после моего возвращения из США в Чехию.

Еще одной инициативой, которая помогла нам консолидировать группу вовлеченных в гендерные исследования людей, была серия однодневных семинаров для учитель_ниц средних школ, опять же поддерживаемая Соросом на протяжении 3–4 лет. Три или четыре раза в год школьные учитель_ницы приглашались на воркшопы, проводимые приглашенными лектор_ками, которых мы позиционировали как гендерных эксперто_к. Эти мероприятия не имели прямого отношения к гендерным исследованиям в университете, но я пыталась организовывать их как совместные встречи и приглашала туда своих студенто_к. Одна из моих выпускниц участвовала в этих воркшопах вместе со своей матерью, которая была приглашена туда как учительница. Сейчас эта бывшая студентка является главной редакторкой единственного в Чехии академического журнала с фокусом на гендерных исследованиях, издаваемого в Праге[2]. Журнал аффилирован с департаментом гендера и социологии Института социологии Чешской Академии наук. Это исследовательское подразделение по-

[2] Имеется в виду журнал «Gender a vyzkom/ Gender and Research» («Гендер и исследования») (http://www.genderonline.cz/cs).

явилось в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и часть людей, которые были связаны с нашей гендерной программой в Брно, сейчас являются сотрудни_цами этого департамента.

Еще одним недавним примером развития гендерных исследований в Чехии является Национальный контактный центр по гендеру и науке при Академии наук. Они делают великолепную работу. Центр в большей степени ориентирован на исследования и развитие профессиональных сетей, и в последние годы они были достаточно успешны в привлечении денег ЕС и участии в международных инициативах.

Надеюсь, я никого не забыла. Но мне кажется, что Энн Снитов и ее Сеть женщин «Восток-Запад» и Джордж Сорос были ключевыми фигурами.

– Центр гендерных исследований и бакалаврская программа по ГИ в Брно существуют уже более 10 лет. Видишь ли ты эволюцию в темах, с которыми работают люди, или речь скорее о преемственности и продолжении традиций?

– С институциональной точки зрения события, которые произошли в последние 10 лет в отношении Центра и программы, следует скорее охарактеризовать как вырождение. Но с точки зрения тем, с которыми мы работаем, конечно, можно говорить о развитии и эволюции. Поскольку наша команда маленькая, темы, с которыми люди работают, часто зависят от их личных исследовательских интересов. С одной стороны, у нас есть ряд исследователь_ниц, которые специализируются в эмпирических полевых исследованиях, собирая информацию о социальных проблемах и кейсах. С другой, в нашей команде есть и теоретики, которые чувствуют себя вполне комфортно рядом с крупными феминистскими теоретиками, работающими за пределами региона.

Интересы нашей исследовательской команды так же множественны и разнообразны, как сама феминистская теория. Но важно отметить, что в Брно мы очень поддерживаем и культивируем нашу дисциплинарную принадлежность, которой, напомню, является социология. Конечно, гендерные исследования являются междисциплинарной областью, где есть место литературным исследованиям, исследованиям медиа, социолингвистике и т.п. Но мы приняли решение, что, поскольку мы маленькая команда, для нас важно оставаться в рамках социологической традиции. Это, с одной стороны, ограничивающий фактор, но, с другой стороны, это создает наш особенный профиль в поле ГИ. В реальности, я думаю, мы работаем с теми же темами и подходами, которые развиты в ГИ повсеместно.

Наше новое поле, или новая сфера концентрации усилий, – это изучение постсоветского опыта, который, мы думаем, сложно понять с западной перспективы. Поэтому несколько исследовательниц здесь в Брно, не все из которых связаны с ГИ, приступили к серьезному осмыслению и теоретизации постсовет-

ского. Для нас эти исследования связаны в первую очередь с попыткой понять локальный откат назад в вопросе осмысления гендерных проблем, который мы рассматриваем в контексте более широких тенденций, видимых сейчас в Европе, таких как рост популизма, все большая видимость праворадикального экстремизма и т.п. И нам кажется, что, находясь так близко к бывшему Советскому Союзу и России, у нас есть иная, более критическая перспектива в отношении этих процессов, чем у людей, социализированных на Западе и получивших образование в западных университетах.

Вот этот исследовательский профиль в последние годы становится сильнее. Например, моя коллега Катержина Недбалкова (Kateřina Nedbálková) исследует класс и специфическое значение этой категории в сегодняшнем чешском обществе после периода так называемого «бесклассового общества», который был у нас до 1989 г. Другая коллега, Катержина Лишкова (Kateřina Lišková), изучает дискурсы сексуальности, ее нормализацию советским режимом и последствия этого для понимания сексологии как науки и сексуальности как практики после распада Советского Союза. Еще один пример – Славомира Ференчугова (Slavomíra Ferenčuhová) из департамента социологии, которая хотя и не является частью нашей гендерной команды, но очень чувствительна к гендерным вопросам и работает с темами урбанизма и города. Славомира рассматривает влияние географии в конструировании и производстве гендера, исследует урбанизм во времена социализма и изучает, как социалистическое городское планирование все еще задает режим нашей повседневности, т.е. как городское пространство, созданное в одних социально-экономических условиях, продолжает определять повседневные практики, проживаемые в совершенно иной реальности.

– Ты упомянула, что с 2011 г. развитие программы по ГИ в Брно происходит в сложных условиях. Расскажи, пожалуйста, какие процессы происходят вокруг программы на протяжении всего периода ее существования.

– На текущее развитие программы оказывает влияние несколько факторов. Прежде всего произошли изменения на посту декана. Те, кто пришли на смену, оказались более подвластными неолиберальной повестке и связанным с ней идеям о финансировании университета и зависимости между финансовой состоятельностью и теми исследовательскими темами и проектами, которые следует развивать в университете. В этом контексте очень сильный акцент стал делаться на то, насколько гендерные исследования способны самостоятельно заработать на свое существование в рамках университета. И это касается не только нашей программы. Есть еще 3–4 небольших учебно-исследовательских направления, существование которых находится под вопросом в силу схожих тенденций. Но что отличает ГИ от этих других направлений – это их политическая ангажированность. Новое руководство факультета более консервативно, и я должна отметить, что даже внутри департамента социологии, к которому

мы относимся, существует идеологические разделение, которое влияет на восприятие гендерных исследований. Таким образом, в конечном счете в своей деятельности мы вынуждены руководствоваться не общественными интересами и ориентацией на темы, которые нуждаются в исследовательской рефлексии, а потребностями рынка, т.е. категориями спроса и предложения. Если студент_ки не проявляют к нашей программе интереса, это интерпретируется как неумение работать с социально значимыми темами.

Общество тоже изменяется. Выпускни_цы школ приходят в университет с вопросом: «Где мы будем работать с дипломами в гендерных исследованиях?» Я понимаю их сомнения, но эти сомнения часто используются против дисциплины в целом. Наши выпускни_цы обычно находят работу довольно быстро – необязательно в гендерных институциях, поскольку таковых немного, но знания, которые мы даем, довольно универсальны, их можно применить в очень разных сферах. Тем не менее именно с этим аргументом – о занятости после окончания университета – нам приходится сталкиваться чаще всего.

Эти аргументы используются в контексте, когда высшее образование в целом очень сильно изменяется под влиянием демографического фактора: молодых людей в принципе становится все меньше. Поэтому и спрос на образование падает. Каждый год мы наблюдаем уменьшение заявок на прием в университет. Также изменилась атмосфера в обществе: оно радикализировалось в последнее время, возросли популистские тенденции, мне кажется, это тоже делает высшее образование, особенно в гуманитарных и социальных науках, менее популярным среди потенциальных абитуриенто_к.

Более того, в 2017 г. в Чехии вступил в силу новый закон о высшем образовании, который «забыл» принять во внимание существующую во многих университетах систему изучения двух дисциплин одновременно. Как я упоминала, я изучала английский и социологию, и такое совмещение двух областей знания считалось нормальной практикой при поступлении в университет. Эта система существует не только на нашем факультете, но и на факультете гуманитарных наук, педагогики, экономики. В этой системе ты изначально изучаешь две дисциплины, но финальные тезисы пишешь в одной из них. И тогда на магистерском уровне ты обычно продолжаешь работать уже в рамках именно этой одной дисциплины. Новый закон забыл о существовании этой системы. В результате в течение очень короткого периода университету придется сократить число предлагаемых программ. Поэтому сейчас мы в центре полемики по поводу того, есть ли в университете место для таких маленьких программ, как наша, или они должны быть закрыты, чтобы соблюсти принятый закон.

Иными словами, мы имеем дело с комбинацией идеологических, неолиберальных, прагматических и политических решений, которые не всегда дальновидны. Проблема в том, что эти решения часто настолько непрозрачны и нестабильны, что очень сложно выработать какую-то ясную стратегию для вы-

живания. Я считаю, что в прошлом наша программа по ГИ была очень успешна в адаптации к условиям, в которых ресурсов для существования программ, подобных нашей, становилось все меньше. Но сейчас, в том числе в свете неуверенности, которую производит новый закон, таких программ много, а ресурсов мало, и поэтому для нас это очень новая ситуация, в которой мы не знаем, что будет дальше.

– Твое видение отношений между гендерными исследованиями как академической дисциплиной и активистскими практиками?

– В последние два года в Чехии появилась новая институция – Палата гендерных эксперто_к, к которой может присоединиться люб_ая эксперт_ка, имеющая некоторый бэкграунд в гендерных исследованиях или феминизме. Это зонтичная организация, помогающая нам преодолевать различные институциональные и политические сложности. Она объединяет НПО, академический сектор, исследователь_ниц и даже некоторые прогрессивные государственные институты. Нам кажется, что особенно сегодня, в ситуации участившихся популистских атак, очень важно кооперироваться на этом уровне.

Однако мы всегда старались работать с НПО в зависимости от конкретных проектов и интересов. Например, в Брно есть одна влиятельная организация под названием «*Nesenhutí*», очень сильная в экологических вопросах, но также имеющая устойчивую позицию и видение работы с женскими правами. Несколько человек там являются нашими выпускни_цами, и мы также приглашаем их выступать в рамках наших курсов. Это взаимодействие очень прямое и персональное: мы хорошо знаем друг друга и отправляем наших студенто_к проходить там практику. Это взаимодействие очень органично: оно работает на личных связях и чувстве взаимной поддержки и выгоды.

Я думаю, в Праге это работает схожим образом. В Праге больше гендерных НПО, которые имеют более разнообразный профиль и занимаются такими проблемами, как насилие, торговля людьми и др. В целом мы достаточно открыты, в том числе в отношении организаций, которые не определяют себя как феминистские, что, конечно, вызывает определенные проблемы. Но мне кажется, сейчас такая новая атмосфера, которую феминистки западных демократий понимают достаточно хорошо, но которую мы до сих пор не видели так же четко, как они, – это представление о силе сестринства и женской солидарности. Мне кажется, мы стали понимать эту идею только в последние годы в контексте нехватки ресурсов для реализации гендерных программ на всех уровнях.

Одно время в Чехии был очень просвещенный министр по правам человека, для которого гендерное равенство было частью компетенций и который вместе со своей командой многое сделал для того, чтобы институционализировать на государственном уровне специальный орган, непосредственно занимающийся проблемами гендерного равенства. Но этот министр больше не работает в своей

должности, и его департамент тоже испытывает проблемы. Иными словами, в Чехии был период, когда государство было очень прогрессивным и мы воспринимали его как нашего союзника. И хотя сотрудничать с государством всегда сложно, потому что это предполагает соблюдение многих процедур и большинство из них осуществляются очень медленно, все же это было время значительного прогресса в гендерной повестке. Но буквально за несколько месяцев до нашего интервью (08.03.2017) этот министр был снят со своей должности и его департамент реально борется за выживание. Сейчас мы чувствуем, что нам следует поддержать этих людей, даже несмотря на то, что отношения между государством, неправительственным сектором и академией всегда довольно сложные.

– Говоря о политике в более широком смысле, сложно не отметить, что контекст, в котором мы находим гендерные исследования через 20 лет после их возникновения в регионе, довольно депрессивный. Мы наблюдаем патриархатный и популистский откат, о котором ты несколько раз говорила. Как ты видишь отношения между гендерными исследованиями и политикой и между твоей собственной исследовательской работой и политическим полем Чехии?

– Я думаю, это большая загадка! Что еще более загадочно, так это происходящие в традиционных демократиях процессы. Изначально мы думали, что откат в области феминистских политик, экологии, миграционной политики, который мы наблюдали в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, был обусловлен особенностью процесса демократизации в регионе, который, казалось нам, произошел слишком быстро, чтобы обычные люди успели осознать его и научиться с ним жить. Но сейчас мы видим, что этот откат касается не только Центральной Европы. То есть, возможно, общество меняется быстрее и радикальнее, чем люди успевают осознать и принять. И фрустрации, вызванные этими изменениями, становятся публичными, чем, к сожалению, быстро начинают пользоваться популистские политики для продвижения своей повестки.

На мой взгляд, понадобятся десятилетия исследовательской работы для того, чтобы понять, что сейчас происходит в США, Британии, Франции и повсеместно. Сейчас мы пишем заявку на поддержку исследовательского проекта, который является попыткой понять, что происходит и что стоит за этими процессами, не только с точки зрения гендерного равенства, но и в связке с другими проблемами, как, например, так называемый «миграционный кризис», где требовался такой высокий уровень принятия разнообразия, что для людей и политиков оказалось почти невозможным переварить это. Те публичные заявления, которые еще несколько лет назад считались политически некорректными (например, открытая атака на гомосексуальность или гендерное равенство), сейчас становятся частью мейнстрима. Они больше не являются экстремистской рито-

рикой, но занимают видимое и значимое место в общественном дискурсе. Мы как социальные исследователь_ницы очень растеряны, но и заинтригованы одновременно. И поскольку мы привыкли работать в международной команде, я думаю, что необходимость понять происходящее именно с интернациональных позиций станет движущей силой будущих исследовательских проектов.

Что касается моего собственного опыта, я являюсь членом двух экспертных советов в чешском правительстве, один из которых работает с вопросами равных возможностей и гендерного равенства. В этот совет входит около 50 человек, несколько рабочих групп и подкомитетов, и я руковожу рабочей группой по маскулинности. Но, хочу заметить, я не участвую напрямую в политическом процессе, не предлагаю политических решений, это было бы слишком амбициозно, поскольку я не политик. Но я предлагаю свои знания и свое свободное время. Я делаю это вне рабочего времени, так как это считается не работой, а почетной функцией. Четыре раза в год я еду в Прагу и пытаюсь написать там небольшие отчеты по темам, которые кажутся нам релевантными с точки зрения гендерного равенства и проблем маскулинности в чешском обществе. Я также член похожего комитета, работающего с вопросами репродукции и родовспоможения в Чехии. Это очень горячий вопрос для чешского общества, он очень гендерно нагружен и включает разные, часто противоречащие друг другу подходы.

Это моя собственная включенность в политический процесс на уровне государства. Но я очень осторожна в том, чтобы позиционировать себя как гендерную экспертку. Когда ты делаешь гендерные исследования, ты в любом случае участвуешь в политике. Возможно, мое политическое участие иногда немного интенсивнее, чем мне бы этого хотелось, но я думаю, что политический активизм – важная часть гражданской идентичности. Тем не менее я очень осторожна в том, чтобы не быть воспринятой исключительно как экспертка, вырабатывающая советы для политических решений.

– Завершая интервью, я бы хотел задать вопрос о солидарности. Ты упоминала, что власть сестринства, или женская солидарность, – это что-то, что мы только сейчас начинаем понимать. Как ты оцениваешь солидарность между гендерными исследователь_ницами в Чехии, но также в регионе Центральной и Восточной Европы в целом?

– Я думаю, что мы в Чехии должны будем работать намного интенсивнее для поиска союзни_ц и укрепления наших связей в регионе. В Чехии и, я думаю, в постсоциалистических странах в целом уровень гражданского активизма очень низкий – мы во многих смыслах очень пассивны, когда дело касается не только борьбы за права, но и более важных вопросов. И это также актуально в отношении организаций, вовлеченных в гендерные исследования. Система заставляет нас быть очень занятыми и не оставляет времени на кооперацию. Как я упоминала, есть функции, которые я выполняю в свое свободное время, при

этом работа в академии предполагает очень большую загруженность. Поэтому остается очень мало времени на личную жизнь и сотрудничество. Нужно менять эту тенденцию как на локальном уровне, так и в международном контексте.

В начале периода формирования ГИ в Чехии влияние западных академиков было очень сильным. Но сейчас, мне кажется, становится все более важным сотрудничать с коллегами из региона. На мой взгляд, наше сотрудничество с Польшей – хороший пример здесь. Оно институционализировано через Эразмус и некоторые гранты Вышеградского фонда, направленные на совместное преподавание курсов по темам, имеющим отношение к региону. Варшавский университет проделал отличную работу по развитию такого сотрудничества. Однако все равно чаще всего мы встречаемся благодаря более крупным международным событиям, мы встречались в Швеции, в Швейцарии, мы редко проводим региональные встречи. По моему мнению, региональное взаимодействие имеет большой потенциал, и нам нужно стараться изменить сложившуюся ситуацию. Например, мы очень плохо представляем, что происходит в Беларуси, Украине или других странах региона, поэтому я очень поддерживаю инициативы, направленные на изучение и картографирование общего и различного в наших странах. Я думаю, сейчас это очень нужно: нам следует узнавать больше о том, что происходит за пределами наших стран, и мы должны общаться друг с другом больше. Но временные и финансовые препятствия усложняют задачу. У нас, например, нет денег, чтобы встретиться в Варшаве. Скайп не всесилен!

– Могу ли я попросить тебя еще раз посмотреть в прошлое и будущее: в какой момент гендерные исследования в Чехии были особенно успешными и какие приоритеты, вызовы и сложности ты ожидаешь в будущем?

– Нам нужно стать более открытыми и понятными для широкой аудитории, не только для студенто_к. Нам нужно найти язык и средства коммуникации с людьми, которые находятся в поиске ответов и позиция которых очень уязвимая, т.е. с теми, кто очень подвержен популистским влияниям. Это очень сложная задача, и у нас нет предопределенных компетенций, чтобы это делать. Мы занимаемся гендерными исследованиями, мы преподаем, но сейчас нам нужны посредники или специалист_ки, которые могли бы доносить наши посылы до более широкой общественности. Эту тему мы недавно обсуждали на встрече нашей зонтичной организации: как доносить сложные проблемы в понятной, упрощенной форме, но сохранять при этом гендерную, феминистскую повестку. Я думаю, не все зависит от нас. В Брно у нас очень сильная и компетентная команда, мы делаем исследования высокого класса и имеем отличные публикации (я говорю не столько о себе, сколько о своих коллегах), но при этом мы все равно остаемся непризнанными. Основной оптикой является взгляд извне – будет ли наша работа признана на международном уровне или нет, и я остаюсь пессимистичной по поводу того, что эта ситуация когда-то изменится.

Что касается тем, то я уже упоминала мою коллегу Катержину Недбалкову, которая начала исследование по поводу категории класса в чешском обществе. Я думаю, что тема социального неравенства, где гендер рассматривается не как уникальная, а как интерсекциональная категория, – это та тема, с которой нам нужно больше работать. Как класс или статус пересекаются с гендером и этничностью? По сути, это возвращение к очень базовым социологическим категориям и вопросам, но мне кажется, у нас образовалась своего рода пропасть в понимании и работе с концептуальной сложностью, стоящей за этими категориями. Таким образом, одно из направлений – это изучение социального неравенства в широком смысле и исследование того, как гендер работает в этих условиях. И другая тема, которую я уже упоминала, – как понимать популизм. Или, другими словами, как оставаться на волне событий, как использовать актуальные темы и как реагировать на происходящее, используя научное знание. Конечно, это очень новая ситуация, а мы привыкли делать исследования медленно, чтобы аккуратно анализировать данные. Но сейчас нам нужно реагировать очень быстро и быть включенными в общественные дискуссии. У меня нет рецепта того, как это нужно делать, но я думаю, что мы должны больше работать в этом направлении.

8 марта 2017 г.
Брно – Варшава

Интервью с Сергеем Ушакиным

«ТОГДА БЫЛИ КАКОЙ-ТО ДРАЙВ И СООБЩЕСТВО»: О СТАНОВЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Интервьюерка – Евгения Иванова

Сергей Ушакин – доктор философии (Columbia University, отделение антропологии, 2005); кандидат политических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, 1995). Профессор кафедры антропологии и кафедры славянских литератур и языков, директор Программы российских, восточноевропейских и евразийских исследований Принстонского университета (Princeton University), США.

***Е.И.**: Сергей, как Вы пришли в гендерные исследования?*

С.У.: Случайно. Меня интересовали вопросы идентичности и идентификации. Это был 1996 год. Я приехал в Канаду, где начал учиться философии образования, и ходил на семинары по психоанализу. А от них было недалеко и до исследований пола и сексуальности. На этом фоне мне попались какие-то статьи на русском про то, что авторы называли «гендерные исследования». Статьи меня удивили и обескуражили одновременно. В них в дополнение к «полу», «роду», «сексуальности» появлялся удивительный и непонятный «гендер»! Мне казалось тогда, что в русском варианте эти «гендерные исследования» – совсем про другое. Эти статьи не совпадали с теми, чему меня учили, хотя назывались так же. (Поэтому я обычно «гендерные исследования» по-русски беру в кавычки – чтобы не путать с оригиналом.) И мне очень хотелось объяснить городу и миру, про что эти исследования «на самом деле». Тогда-то я и написал свою первую статью «Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме» и послал ее обычной почтой

в российский журнал «Человек» (электронной-то почты еще почти не было!), где она и вышла в 1997 г.

В Канаде я не задержался и поступил в 1997 г. на магистерскую программу «Gender and Culture» в Центрально-Европейском университете в Будапеште, где было еще больше психоанализа, деконструкции и разнообразного феминизма. Тогда я начал ездить на летние школы по «гендерным исследованиям» в России. Их организовывала Зоя Хоткина из Московского центра гендерных исследований. Ей тогда удивительным образом удалось собрать вместе почти всех тех, кто потом, собственно, и создал то, что стало называться «гендерными исследованиями» на русском языке.

– С какими темами Вы «пришли» в гендерные исследования и какое направление было у Ваших академических интересов тогда?

– Направленность моих интересов, в общем, не очень поменялась. Мне и тогда и сейчас были интересны процессы идентификации, с помощью которых люди вписывают себя в имеющиеся символические структуры – будь то нация, пол, возраст, профессия или что-то еще. В 1990-х это было интереснее всего наблюдать в области потребления. Переход от всеобщего дефицита к товарному изобилию породил целую серию специфических практик. Все «учились» потреблению на собственном опыте, и это было интересно исследовать.

Собственно, так и появились сборники статей, которые я редактировал, – сначала «О муже(N)ственности», а потом – «Семейные узы: модели для сборки», в них я пытался собрать свидетельства того, как формируются какие-то базовые представления о том, что значит «быть мужчиной», «иметь семью» и т.п.

Чуть позже мои интересы сместились в сторону разнообразных сообществ, возникших вокруг последствий травматического опыта. Вопросы, связанные с полом, там тоже были (например, в моих исследованиях солдатских матерей и ветеранов войны в Чечне), но в какой-то момент мне стало очевидно, что эта «половая» составляющая – не самая главная. Более того, мне стало казаться, что «гендерные исследования» – как набор методов и интерпретационных рамок – как-то исчерпали себя. Точнее, я перестал там находить ответы на вопросы, которые у меня возникали. И я ушел в другую сторону.

– Любопытно, в какую? И означает ли это, что Вы «ушли от» или «вышли из» ГИ?

– Я стал больше заниматься прошлым – позднесоветским и раннесоветским. И потом фокус сместился на национальную идентификацию (хотя понятно, что любая национальная идентификация тесно связана с опытом телесным, половым и т.п.). Вся та оптика, что накопилась за время моего интереса собственно к гендерным исследованиям, осталась. Остался и интерес к феминизму.

Изменился мой дисциплинарный контекст: в рамках антропологии половые идентичности и вопросы родства – темы основополагающие, и выделять их в отдельные «исследования» нужды нет. Я, скорее, ушел не из темы, а из региональных «гендерных исследований». Но продолжаю смотреть в их сторону с интересом: а вдруг они скажут что-то интересное? Может, еще вернусь, чтобы чему-нибудь поучиться.

– Я бы хотела поговорить о периоде начала институционализации ГИ в Восточной Европе. Каким Вы его помните и как Вы оцениваете Ваше участие в этом процессе?

– Я помню его бурным. Летние школы, семинары, дебаты. Тогда были какой-то драйв и сообщество. Я тогда общался с двумя центрами – в Москве и Минске (чуть позже появилась группы исследователь_ниц в Екатеринбурге, Петербурге и Самаре). Были разнообразные публикации – журналы, альманахи, антологии… И тогда казалось, что действительно очень важно разобраться: как работает «сексуальность», в чем смысл «феминизма», что делать с (и даже как переводить) «sexual harassment» (мне, кстати, казалось, что слово «харассить» было неплохим – в нем был какой-то «хоррор», которого в русском «домогательстве» нет).

То есть это был такой напряженный эпистемологический квест, как сейчас сказали бы. Я помню свои семинары в Европейском гуманитарном университете в Минске, где я со студент_ками за две недели прочитывал бестселлеры того времени – Батлер, Кристева, МакКиннон, вот это вот все… Интенсивность погружения была невероятной. Ну, или казалась такой.

Мне тогда было интересно полемизировать, я пытался – как я сейчас понимаю – спровоцировать какие-то дебаты по поводу той теоретической модели, которую «гендерные исследования» в регионе пытались выстроить. Я был тогда уверен, что простое заимствование терминов, концептов и форм анализа не способно произвести тот же социальный эффект, который возник в конце 1980-х в США в процессе постепенной институциализации gender studies. Я был активно против того, чтобы диалог с западной теорией сводился к элементарной практике перевода «gender» на русский язык. Я тогда даже написал статью полемическую «Gender напрокат», где сравнивал «гендер» с «ваучером» – непонятным «феноменом», который куда-то можно, однако, вложить и получить выгоду. Ну, или не получить… Но диалога не вышло. Спорить как-то никто не захотел. Кто-то обиделся…

Но мне кажется, я был-таки прав тогда: «гендерные исследования» во многом сложились как переводной проект. Как реферативное знание. Не то чтобы это плохо – лучше так, чем никак. Но очевидно же, что «в народ» это знание идет с трудом. Воспринимается как не свое – спустя 20 лет! Хотя, казалось бы, это должно касаться всех.

Так что – вот этих упущенных возможностей мне жалко… Представьте, где бы мы были сейчас, если бы вместо «гендерных» центров у нас возникли в 1990-х центры по исследованию пола и сексуальности, центры феминистской политики и т.п.?

– Как Вам кажется, какую роль западные фонды и/или западные университеты сыграли в формировании повестки ГИ в «регионе»?

– Мне кажется, что без них, как когда-то пел Марк Бернес, «тут ничего бы не стояло». Я не знаю ни одного регионального центра или программы ГИ в регионе, который возник сам, снизу, на основе местных ресурсов и без западных грантов.

И потом – мы же видели: как только западные фонды ушли, исчезли и центры, и журналы, и летние школы. Вот, например, пока журнал «Гендерные исследования» в Харькове поддерживал фонд Макартуров, он был главной печатной площадкой для трансфера западного знания и для консолидации местных исследователей. Не стало фонда – и журнал замолчал на семь лет. Я рад, что в этом году он снова вернулся к жизни. Не знаю, правда, насколько он экономически теперь самостоятелен.

Но дело, понятно, не в конкретном журнале. Дело в общей ситуации – в силу различных причин знание, которое генерируют «гендерные исследования», так сказать, не конвертируется в местную валюту. Нет для него массового потребителя, готового поддержать эти издания своим рублем и временем. Что удивительно, в общем-то… Ольга Штырова из Иванова, по-моему, единственная, которой удалось сохранить независимую летнюю школу по женской истории и феминизму, которую она проводит вот уже много лет. Хотя я мало знаю о том, что происходит в этом поле сейчас.

– А как вы оцениваете успешность развития гендерных исследований в регионе сейчас? Какие идеи выжили, а какие не нашли своего продолжения?

– Я не очень хорошо знаю подробности современной ситуации. То, что я вижу, свидетельствует о некой позитивитизации «гендерных исследований», об определенном превращении их в форму прикладного знания – связанного с вопросами, скажем, рождаемости, половой дискриминации, сексуального насилия и т.п. Это важные сферы и нужные области, но для меня, повторюсь, «гендерные исследования» были важны своей способностью поставить радикально под сомнение сложившиеся матрицы знания и способы его производства. Вот такой радикальной гносеологической интервенции я не вижу. Вижу «нормальные» прикладные исследования.

– Как Вам кажется, можно ли говорить о кризисе гендерного знания в академии в «нашем» регионе и с чем он связан?

– Я не знаю, кризис ли это. Скорее – отражение общего состояния социального знания. Но тут есть и своя особенность. Постструктуралистская критика, на которой строились западные gender studies, во многом так и осталась, на мой взгляд, непроговоренной. Постструктурализм в нашем регионе свелся в основном к постмодернизму, к идее о том, что нет больших нарративов и что все есть симулякр и видимость кажимости. Критики языка и репрезентации, попытки мыслить социальную жизнь вне фундаментализирующих категорий «пола», «нации», «класса» как-то особо не оформились. А на фоне нынешнего массового поворота к национализму как единственно доступной идентификационной основе весь этот деконструирующий запал gender studies оказался явно не к месту. Так что – да, кризис. Но не совсем региональный.

Еще одна причина кризиса в том (и это уже региональная специфика), что советский опыт так и не стал основой формирования собственного концептуального аппарата. «Своих» тем, по большому счету, так и не возникло. А могли бы. Мы тут стали с коллегами в Принстоне разбираться с раннесоветской детской литературой. Там же очень любопытные вещи: зачастую невозможно понять, кто на иллюстрациях – мальчик или девочка. Это можно прочитывать как еще один пример репрессивной сексуальности, а можно в этом видеть основы практик транссексуальности, т.е. формирования такого (визуального) режима, в котором пол действительно оказывается неважным с точки зрения социального действия.

Или еще один пример, который ждет своей концептуализации. Практически полная занятость женщин в сфере труда обычно трактуется в рамках заимствованной концепции *double shift/burden* – двойная нагрузка, двойное бремя – на работе и дома. При этом долговременные последствия этой занятости для формирования представлений нескольких поколений женщин о том, что значит быть профессионалом, каковы варианты женской субъектности и т.п., ушли полностью в тень. А могли бы стать исторической основой для понимания специфики позднесоветской и постсоветской идентичности.

Может, это осмысление еще произойдет. Я вижу, например, как в Польше новое поколение исследователь_ниц возвращается к анализу отношений между полами в период социализма не только для того, чтобы еще раз отметить подавленность мужчин и угнетенность женщин. Они выходят за эпистемологические рамки «холодной войны» и видят в социалистическом опыте репертуар практик субъектности и форм жизнедеятельности, которые предлагают альтернативу монополии неолиберального взгляда. В России я пока такого не вижу.

– На Ваш взгляд, повлияло ли развитие гендерной теории на изменение академических структур и на представления об академическом знании в «регионе»?

– Повлияло. Стали появляться новые способы дискуссий, новые модели проговаривания старых проблем. Стали складываться какие-то более подвижные формы академического общения. И сложилось целое поколение новых исследователь_ниц, внимательное к собственному голосу, к собственной позиции, т.е. люди с той самой саморефлексией, к которой нас призывал феминизм 1990-х. Этого нельзя не видеть.

– Когда начиналась институционализация ГИ в регионе, людей, которые за этим стояли, было не так много. Поддерживали ли вы контакты друг с другом? Удалось ли Вам сохранить созданные на этапе институционализации ГИ связи и отношения?

– Да, конечно, поддерживали. Да и сейчас поддерживаю. Тут еще сказывается и особенность моих собственных исследовательских проектов. Я делаю много коллективных сборников, а их невозможно сделать без коллег, за работой которых нужно следить, чтобы быть в курсе. Среди людей, с которыми я и сейчас работаю, немало тех, с кем я познакомился в 1990-е – на всех этих «гендерных» тусовках, семинарах и конференциях. Более того, мои нынешние проекты, связанные с полевыми исследованиями в Минске и Бишкеке, выросли из моих «гендерных» контактов. В обеих столицах я оказался сначала на семинарах по феминизму и «гендерным исследованиям» благодаря Елене Гаповой (в Минске) и Нине Багдасаровой (в Бишкеке). Без наших тогдашних бесед о постсоветском «гендере» не было бы и моего нынешнего проекта о постколониях коммунизма.

– Можно ли говорить о формировании нескольких поколений в ГИ на протяжении последних 20–25 лет? Как Вы оцениваете свою роль в формировании новых поколений гендерных исследователь_ниц?

– Да, можно. Я вижу новое поколение исследователей. Кого-то я даже когда-то учил. То есть – процесс идет. Но о своей роли мне сложно судить. Честно. Я не очень включен в «гендерные исследования» в регионе последние лет 10–15. И обратной связи не чувствую совсем. На мои сборники почти не было рецензий, и мне всегда казалось, что они просто ухнули в бездну. Книжка моих статей «Поле пола» (за которую отдельное спасибо ЕГУ и Лене Гаповой!) тоже как-то прошла незаметно. То есть я, похоже, очень удачно не попадаю в контекст того, что происходит. Так что я не думаю, что как-то особенно повлиял на формирование новых поколений. Так, стоял в сторонке и подавал реплики, когда были.

– Возможно, Вы не чувствуете, что попадаете в контекст происходящего, потому что как раз формируете новые контексты.

От себя (на правах учившейся у Вас и по Вашим текстам) хотела бы сказать, что, на мой взгляд, Вы чрезвычайно сильно повлияли на наше поколение, на нашу «школу» ГИ. Для многих из нас Вы стояли в одном ряду с

Батлер, не меньше. Это во многом из-за того, как к Вам и производимому Вами знанию относилась Елена Ильинична Гапова, но не только. Ваши курсы, Ваши статьи и книги, Ваши интервью и Ваша рассылка на многих из нас повлияла формирующим образом.

– Спасибо! Не ожидал.

Июнь – ноябрь 2017 г.,
Вильнюс – Минск – Принстон

Интервью с Ириной Жеребкиной[1]

«ВОПРОСЫ “КАК ВЫ НАЧИНАЛИ?” И “КАК И ГДЕ ВЫ ПОЛУЧАЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ?” НАС ТОГДА ПРОСТО НЕ ВОЛНОВАЛИ»: О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ МИССИИ ХАРЬКОВСКОГО ЦЕНТРА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирина Жеребкина – доктор философских наук, профессор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, заведующая лабораторией гендерных исследований, создательница Харьковского центра гендерных исследований (ХЦГИ), главная редактор журнала «Гендерные исследования».

– Посмотрела сегодня еще раз на вопросы ЦГИ ЕГУ и вновь увидела, что вопросы эти с каким-то невероятным карьеризмом крепко-накрепко связаны, которым я, по мнению интервьюеров, должна обладать. В результате уже второй раз из-за этих вопросов почувствовала я себя дискриминированной, лишенной собственной субъективности и собственных экзистенциальных выборов, хотя именно ими определялась и до сих пор определяется моя многолетняя верность философии феминизма. Особенно оскорбительно для меня звучат вопросы о 1) финансовой поддержке моих экзистенциальных выборов и 2) об их «успешности». Дело в том, что экзистенциальные выборы никогда не связаны ни с вопросами финансирования, ни с вопросами успешности: это всегда вопросы о выборах в ситуации будущего, а не данного, в ситуациях непредвиденного и неразрешимого.

Однако кто мне поверит, что вопрос интервьюеров «Как и где Вы получали финансирование или институциональную поддержку?» нас, когда шел процесс формирования ХЦГИ, просто не волновал.

---

[1] Ирина отвечала на вопросы письменно. Текст публикуется в авторской редакции.

С 1992 г. мы с мужем-философом, несколькими аспирантами и студентами разных специальностей университета примерно раз в неделю проводили семинар по жанру философской исповеди. Естественно, так и тема женской исповеди в философии и литературе появилась в наших семинарах.

Объявлений о семинарах мы не давали, а просто ждали наступления вечера, чтобы аудитории максимально освободились.

Формально ХЦГИ мы зарегистрировали лишь в 1994 г. по требованию местного фонда Сороса, обеспечившего нас компьютерами, которые они сами же и купили. Не случайно, конечно. Но нас устраивало то, что финансовыми вопросами мы по-прежнему не занимались.

В то время у нас была идея сделать в нашем университете учебную программу по типу американских women's studies, что мы с коллегами-преподавателями и попытались осуществить: подготовили несколько учебных курсов, добились включения их в учебные программы и стали читать их на разных факультетах университета. Я начала преподавать гендерные исследования и философию феминизма на философском факультете, как только он возник в нашем университете, и до сих пор читаю два обязательных курса, заканчивающихся зачетами, – «Введение в гендерные исследования» и «Философия феминизма». Гендерные курсы стали читаться на факультетах психологии, социологии и иностранных языков. Кстати, посещаемость этих курсов у меня такая, что хотелось бы поменьше. Много дипломников и аспирантов.

Когда мы начинали, для занятий нужны были учебники и ридеры – вот мы и подготовили и издали с коллегами в 1995 г. первый постсоветский учебник «Теория и история феминизма» (его потом перевели на армянский и казахский языки). А позже, в 2001 г., подготовили и издали (в издательстве «Алетейя» в Санкт-Петербурге) уже трехтомник «Введение в гендерные исследования» (первая часть – учебник, где авторами были практически все ученые, которые тогда гендерными исследованиями в бывшем СССР серьезно занимались; вторая часть – хрестоматия текстов ведущих феминистских теоретиков (990 с.), третья часть – программы учебных курсов западных университетов).

Это уже была работа в рамках большого долгосрочного проекта «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР», который фонд Макартуров поддерживал, пока не стал «иностранным агентом» и деятельность свою в бывшем СССР не прекратил. В проект еще входил «Институт международных летних школ по гендерным исследованиям в Форосе», которых мы 13 штук провели – с 1997 по 2009 г. – и где фактически все нынешние постсоветские гендерные и феминистские исследовательницы учились или преподавали.

И, конечно, журнал «Гендерные исследования», который мы издаем с 1998 г., сыграл важную роль для развития гендерных исследований в бывшем СССР. Представители сегодняшнего поколения феминисток признаются, что выросли

вместе с ним. Он, кстати, не только на ученых повлиял, но и на активисток, особенно на Pussy Riot. От них для западных медиа поступали вот такие отзывы: «Мы уважаем деятельность Харьковского центра гендерных исследований и Ирины Жеребкиной в частности; ХЦГИ выпускает журнал "Гендерные исследования", а также издал целый ряд важных для русскоязычного феминизма книг»[2].

– Какую роль западные фонды и/или западные университеты сыграли в формировании повестки ГИ в регионе?

– Первые издания ХЦГИ финансировал, как я уже говорила, фонд Сороса. А когда фонд Макартуров о гранте предложение сделал, лично я зависимости испугалась и отказалась. Тогдашней московской директору фонда Т.Д. Ждановой много времени и сил пришлось потратить на то, чтобы по телефону почти ежедневно объяснять мне, что это предложение зависимости не предполагает. В результате мы подругами стали. Образовалось нас четверо подруг, когда мы и хохотали вместе, и наряды, болезни, влюбленности, мужей, любовников, родителей или друзей вместе обсуждали, выставки или театр коллективно, как дети, посещали. Но когда зависимость обнаружилась, я от получения грантов отказалась. Таня Жданова обрыва дружбы (что дружба важнее финансовой или институциональной поддержки) понять так и не смогла. Как и нашей до сих пор длящейся непростой метафизической дружбы с Таней Герасимовой, на которой, собственно, и остальные дружбы держались.

Западные – американские в основном – университеты в 1990-е гг. гендерные исследования финансово поддерживали, выдавали стипендии на учебу или повышение квалификации нашим профессорам и аспирантам. Но настоящее влияние личности, а не институции оказывали. Для меня это были прежде всего Зилла Айзенстайн, Рози Брайдотти, Джоан Скотт, Миглена Николчина, Жарана Папич, Аленка Зупанчич, Тереза де Лауретис и другие классики феминистской теории.

– Что случилось с вашей структурой?

– В качестве университетской программы и исследовательского центра ХЦГИ продолжает работать в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина. В мае 2017 г. мы провели важную в условиях нынешней «декоммунизации» и усиления консервативных и ультраправых, националистических политик международную конференцию «Несогласие феминизма и марксизма в бывшем СССР: от "несчастливого брака" к счастливому?»[3] и издали по этой теме номер

2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pussy-riot.livejournal.com/2498.html; http://ivabellini.blogspot.it/2012/01/le-passere-riottose-pussy-riot.html#.WgFex4hrHIU

3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Ux6JDOrJc3I

журнала «Гендерные исследования» (№ 22)[4] (в этом нас фонд Розы Люксембург поддерживал).

То есть сама структура продолжает жить, как жила, даже если и без финансирования. Волонтерство стараемся не использовать, считаем, что за работу надо платить. Курсы по гендеру и феминизму продолжают читаться, входят в учебный план факультета. Но финансирование НИКОГДА основной причиной для активизма не является. Только мешает…

– Какие инициативы/идеи/темы выжили, а какие не нашли своего продолжения и почему?

– Выжили те проблемы и темы, с которых мы и начинали: женская субъективность, женская креативность, женский язык, искусство и литература, женский радикальный активизм, перформативная квир-теория.

Не нашли продолжения те либеральные тематизации, которыми мы никогда и не занимались: женские права, в том числе право на захват власти по маскулинному типу, торговля женщинами (стажерка моего курса по гендеру позапрошлого года, американка Лора Дин, в своей Ph.D. доказала, что торговля мужчинами в Украине – трудовая миграция на любых условиях эксплуатации, мужская проституция, особенно в тюрьмах, армии и в ОПГ и т.п., выше, чем торговля женщинами).

– Как Вы оцениваете успешность развития гендерных исследований в регионе? Оглядываясь назад, что могло быть сделано по-другому? Например, некоторые центры перестали существовать, другие не имеют больше постоянного финансирования. Можно ли говорить о кризисе гендерного знания в академии в регионе и с чем он связан?

– Коллеги из Беларуси считают, что по части гендера наш украинский регион впереди планеты всей.

Как основатель Центра я не стала той конъюнктурой, которой нас в западных университетах учили, пользоваться. Ни пролезанием во власть, ни получавшей самые большие гранты темой торговли женщинами не стали заниматься даже самые молодые коллеги по Центру: им хочется креативности и самореализации, а не службы новому националистическому государству.

– Каковы отношения гендерных исследований с постсоветской академией? Удалось ли преодолеть подозрение, с которым ГИ и феминистская теория воспринимались в постсоветской академии в начале их развития в регионе?

---

[4] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kcgs.net.ua/gurnal/22/

– В нашей стране эти отношения – самые ласковые, без всяких «подозрений»: ведь они в основном идеологию национализма обслуживают, не зная при этом хотя бы, 1) чем постколониализм от деколониального поворота отличается и 2) сути противоречий между Сартром и Фаноном, когда Фанон больше, чем коммунист и интернационалист Сартр, антимилитаристский «отчет о себе отдает» (Батлер) и не сводит борьбу против империализма к праву на месть.

– Как развитие гендерной теории повлияло на изменение академических структур и представления об академическом знании?

– Гендер с тендером больше не путают. На академию феминистская теория могла бы повлиять, если бы форму радикального, а не либерального и/или неолиберального феминизма приняла.

– Как Вы оцениваете продуктивность/эффективность взаимодействия академических и активистских структур в гендерном поле?

– Для меня лично не существует разделения между теорией и практикой феминизма, если активизм не инициирован заказом государственной власти.

– Насколько значимой для Вас была и остается связь между вашими исследованиями и политическими процессами?

– Связь остается такой же прямой, как та, с которой мы начинали. Это левый подход к феминизму и политическим режимам, направленный против ставки на *методологический индивидуализм* (термин Дж. Батлер) дискурса представительной либеральной демократии (когда немногие привилегированные субъективности представляют многих непривилегированных). Выбор был лишь между постмарксизмом и марксизмом. У меня лично он решился в пользу марксизма, у мужа как директора издательской программы и редактора журнала «Гендерные исследования» – в пользу постмарксизма; у моей оставшейся жить и работать в Германии аспирантки Елены Приходько – также в пользу постмарксизма. Наша талантливая коллега, доктор наук Наталья Загурская, вообще вышла в докторской за рамки феминизма как дискурса антропоцентризма в измерение трансгуманизма. Она находит его у делезианских феминисток типа Брайдотти, Иригарей, Харауэй, хотя сейчас философия как дисциплина в ее феминистском изводе Наталью, как мне кажется, совсем не интересует. Как и одну из самых известных писательниц фэнтези в бывшем СССР, постоянную члена редакции и переводчицу журнала «Гендерные исследования» Яну Боцман (творческий псевдоним Александр Зорич).

– Можно ли говорить о формировании нескольких поколений в ГИ на протяжении этих 20–25 лет?

– Конечно. Я надеюсь, что они организационно всегда имели форму прямой демократии, т.е. взаимодействия через горизонтальное содружество. В этом смысле я очень горжусь своими аспирантками и дипломницами, привыкшими самостоятельно определять свои научные интересы и искать те новые темы, которыми мое поколение в Харькове не занималось – сейчас, например, преобладает интерес к женскому акционизму в любых его видах.

– Как Вы оцениваете свою роль в формировании новых поколений гендерных исследователь_ниц? В какой степени поддерживаются связи между разными поколениями гендерных исследователь_ниц?

– Надеюсь, что лично я не являюсь противником модуса безлидерности для нового поколения ХЦГИ. И продолжаю оставаться критиком национализма, а также традиционных феминистских политик желания «войти во власть»: ведь там, где эти политики увенчивались успехом, им отводится функция легитимации текущей политики власти, в том числе применения государственного насилия.

Надеюсь, что те книги, которые я издала за эти годы в двух основанных мною в тесном сотрудничестве с издательством «Алетейя» книжных сериях «Гендерные исследования» и «Феминистская коллекция», повлияли на новое поколение гендерных исследовательниц в бывшем СССР не меньше, чем на группу Пусси Райот. Влияние при этом – это же не форма консенсуса. Более эффективна форма диссенсуса, позволяющая молодым феминисткам проявлять полемическое мнение, быть, в терминах Рансьера, полемическими субъективностями.

– Как сегодня в Вашей стране выглядит перспектива для гендерных исследований? В каких пространствах (например, искусство, политика, академия) гендерная повестка находит свое применение?

– В странах либеральной представительной демократии, к которой правительство нашей страны объявило Украину уже принадлежащей, ощущается глубочайшая потребность в феминизме как атрибуте либеральной демократии наравне с другими ее атрибутами. Заказ на капитализм после распада СССР требует также интенсивного перформирования сексуальности/ей: ведь перформирование сексуальности/ей в соответствии с дискурсом капитализма является необходимым симптомом социоэкономической «модернизации» общества. Эта любовь, это стремление к западному капитализму привели к тому, что мы сейчас имеем в наших странах, – к неолиберальному капитализму, который *до сих пор* является для советских и постсоветских жителей тем, что в психоанализе обозначается понятием *jouissance.* Однако в рамках дискурса капитализма как рыночной экономики, конкуренции, понимания субъективности как «атомарной», находящейся в конкурентном отношении с другими, говорить о солидарности сложно: ведь если мы выступаем как производители нового типа капиталисти-

ческого товара – феминистского товара в рамках дискурса гендерных исследований, то мы с необходимостью оказываемся в отношениях скрываемой, как и всякая другая, конкуренции.

Для нас сейчас определенным выходом в поисках политической солидарности являются политические проекты с представителями современного искусства. Например, мы провели международную выставку: «Транс-люди. Состояние не-безопасности» (февраль – март 2016 г.)[5]. Там обсуждались особенности 1) понятия действия в современном феминизме и 2) современной постсоветской некрополитики (термин Дж. Батлер).

Действие в современном феминизме мы обсуждали в терминах А. Бадью – не в качестве вопроса о том, как субъект может *инициировать* некоторое действие, но вопроса о том, как субъект *возникает* через автономную цепь экзистенциальных действий или решений в изменяющейся ситуации *события*. В таком случае феминистское действие, в том числе как практики сопротивления, могут происходить с *любым/ой*, *каждым/ой*, при этом на уровне тех модусов бытия, которые не всегда были доступны женщинам, – на уровне модусов любви, науки, искусства и политики.

Такова же и теория революции Бадью, которую *способны пережить каждый и каждая.* Она, мне кажется, очень близка к тому повороту, который происходит сегодня в современном постсоветском феминизме в отличие от феминизма 1990-х гг., т.е. это уход от либеральной идеологии, где *институт представительства не позволяет состояться бадьюанской онтологии множества*, делая ставку на *представительные*, фактически *привилегированные* субъективности.

Что касается современной некрополитики, которая определяется тем, что субъекту в эпоху капитализма оставлено единственное право – право быть безнаказанно убитым, то совместно с художниками-активистами мы критиковали на выставке действия современных государств как *секьюритарных режимов,* которые управляют населением посредством идеологии обещания «защиты от угрозы». Благодаря лозунгу защиты населения своей страны от любого типа «угроз» современные государства *получают право* на легитимацию любых форм насилия[6]. Ловушка обещания государством «защиты от угрозы» со стороны современных властных технологий секьюритарных режимов и состоит в том, что именно государство мобилизует и рекрутирует потенциально уязвимое население таким образом, что оно не может не поддерживать политики государственного насилия, использующие приманку избавления населения от «бытия под угрозой» и обещая ему защиту индивидуальных прав и свобод.

---

5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yermilovcentre.org/2016/02/12/trans-lyudi-i-sostoyanie-ne-bezopasnosti/.

6 Butler, Judith. «Foreword» in Isabel Lorey. *State of Insecurity: Government of the Precarious*. Translated by Aileen Derieg. With a Foreword by Judith Butler. London; New York: Verso, 2015.

Ловушка состоит и в том, что под предлогом защиты индивидуальных прав и свобод современные неолиберальные секьюритарные режимы могут мобилизовывать, как отмечает Батлер, даже прогрессивные концепции *феминистских прав и сексуальных свобод* для самых ужасных целей – например, 1) для того, чтобы *рационализировать войны* (преимущественно против мусульманского населения), а также 2) в расистских целях обоснования ограничения иммиграции в Европу из «неразвитых» стран[7].

В качестве примеров такой секьюритарной мобилизации Батлер называет мобилизацию феминизма и идеи освобождения женщин *для военных целей* в США в ходе военной акции в Афганистане. И действительно, одним из оправданий ввода войск США в Афганистан был тезис о том, что войска вводятся с целью защиты от патриархата афганских женщин – так, как будто не существует невоенных способов помощи женщинам.

В результате возникает новый тип капиталистической эксплуатации – жизней, которые являются «не совсем жизнями» и поэтому отбрасываются как «нехрупкие» и «негорестные». В запутанной логике, которая рационализирует их смерти, утрата такого населения подчинена одной-единственной необходимости – сохранить и защитить «хрупкие» жизни «прогрессивных субъективностей».

Отсюда вопрос: что делать в гендерных исследованиях в бывшем СССР в новых онтологиях войн и ловушек секьюритарных режимов? На выставке «Транс-люди. Состояние не-безопасности» на этот вопрос мы отвечали так: гендерные исследования в бывшем СССР должны вместо исследований порядка данного и следования логике эмпиризма отваживаться не следовать за порядками данного, но менять их в терминах невозможного. Реальность в таком случае имеет шанс быть реальностью того, что должно быть, а не того, что есть. В частности, даже признавая современные онтологии как онтологии войны, мы получаем шанс говорить не о войне, но о мире (как о том, чего нет, но что должно быть).

Иначе говоря, сколь бы параллаксной ни была практика современной власти, оперирующей на уровне онтологии войн, критическая феминистская мысль должна работать на таком уровне невозможного, который недоступен даже параллаксным ловушкам современного государственного капиталистического насилия.

3 ноября 2017 г., Харьков

---

7 «On anarchism: An interview with Judith Butler». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://independent.academia.edu/JamieHeckert/Books

Интервью с Маргаритой Янкаускайте

«ВАЖНО НЕ ТОЛЬКО ЗНАТЬ, КАК ИССЛЕДОВАТЬ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, НО ТАКЖЕ – КАК ПРОДВИГАТЬ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕНДЕРНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И АКТИВИЗМОМ В ЛИТВЕ

Интервьюерка – Ольга Сасункевич

Маргарита Янкаускайте, PhD – экспертка Центра продвижения равенства, член Социал-демократической партии Литвы.

О.С.: ***Маргарита, расскажите про свой опыт в гендерных исследованиях. Как Вы начали ими заниматься?***

М.Я.: Если начать с истоков (*смеется*), то, наверное, мой путь покажется не совсем традиционным. В 1992 г. в Литву была привезена идея self-esteem (самоосознания и самоценности). Меня она заинтересовала, потому что мы как люди, жившие в Советском Союзе, можно сказать, были психологически искалечены. Период начала 1990-х казался временем начала новой жизни в Литве, поэтому идея повышения самооценки была очень актуальна. Она основана на философии, что сначала надо познать, а потом принять себя. Я отнеслась к этому серьезно и стала искать психологическую литературу, которая бы помогла мне понять себя. Я только-только родила сына и резко ощущала, что мой опыт фундаментально отличается от мужского. Начала искать литературу, которая помогла бы понять свои ощущения. К тому времени уже появилась возможность читать психологическую литературу, которая в советские времени была недоступна. Я перечитала очень много литературы и в какой-то момент вдруг поняла, что не нахожу ничего, что могло бы мне помочь переосмыслить мой опыт. Вся психологическая классика была посвя-

щена мужчинам и в лучшем случае какой-нибудь один маленький абзац о том, что у женщин все так же, только наоборот (*смеется*).

Для меня такого объяснения было недостаточно, и я начала искать, что отражало бы мой женский опыт. В 1995 г. был издан на литовском сборник переводов феминистских текстов под названием «Экскурсы феминизма» (под ред. Карлы Груодис, которая, будучи литовкой по происхождению, большую часть жизни провела в Канаде). Издание этой книги было поддержано Фондом открытой Литвы, финансируемым Соросом. Когда я эту книгу прочитала, у меня случился культурный шок. Думала, неужели в жизни все так плохо, как пишут в этой книге? Решила перечитать ее, чтобы понять, на что я так отреагировала. Прочла второй раз и поняла, что в жизни еще хуже. Так появился интерес к феминизму и гендерным исследованиям.

В 1997 г. появилась возможность писать докторскую, и я стала думать, как это совместить с еще более глубоким изучением темы феминизма. Решила, что буду писать о художницах.

Теперь даже рассказывать неловко, как писалась эта диссертация, потому что в Академии искусств, где я защищалась, не было ни одно_й преподавателя, котор_ая мог бы руководить такой темой с теоретической и методологической точки зрения. Но я сердечно благодарна моей руководительнице Ингриде Корсакейте, которая сказала: «Я ничего не понимаю в этой теме, но знаю, что если не соглашусь, ты не получишь возможности защитить эту диссертацию». Я стала работать самостоятельно, так, как понимала. Обстоятельства складывались в мою пользу, и каждый новый прочитанный текст помогал мне направить свое исследование.

Как-то мне выпала удача поехать в Швецию, в Гетеборг, в рамках программы обучения для взрослых. Шведы предоставляли питание и жилье на месяц, в течение которого кажд_ая из нас мог_ла заниматься своим проектом. Я использовала этот месяц на работу в библиотеке Университета Гетеборга. И когда я увидела, какой там отдел гендерной и женской литературы, со мной случился второй культурный шок (*смеется*). Это была большущая комната, от пола до потолка загруженная книгами. Я подумала: «Боже мой, сколько уже написано всего!» Мы даже не подозревали, что вся эта литература существует! Я по ночам копировала эти книги (администрация не могла понять, куда пропадает бумага). Потом привезла эти копии в Литву. В Литве дальше искала литературу. И вот так написала и защитила диссертацию.

В начале 2000-х, когда я еще училась в докторантуре, меня пригласили в Центр гендерных исследований в Вильнюсском университете. Там начала преподавать гендерную теорию. Но еще до Вильнюсского университета я преподавала в Каунасе. Начинала как преподавательница истории прикладного искусства. Но, когда стала искать литературу о самосознании, так увлеклась темой, что хотелось со всеми делиться своими находками. И я предложила курс про

женщин (не помню уже названия), который имел большую популярность. Иногда на лекции приходило по 150 студенто_к. Я до сих пор встречаю бывших студенток, теперь уже взрослых женщин, посещавших его, которые говорят, что для них мои лекции стали поворотным моментом, изменившим их понимание личной жизни и общества.

Я начинала с очень эссенциалистского понимания гендерной проблематики (когда читаешь некоторых феминистских авторов, например Иригарей, это, наверное, неизбежно), но со временем стала из этого вырастать. Так постепенно и училась.

– А как происходила институционализация гендерных исследований в Литве?

– Институционализация началась еще в самом начале 1990-х, но я не стояла у истоков. Наиболее значимыми фигурами в то время были Герде Пурваняцкене и Мария Аушрине Павиленене. От них пошла инициатива сплотить женщин-интеллектуалок, которые работали в университете и делали какие-то инициативы, связанные с феминизмом и ГИ. Тогда же стали появляться первые исследования, связанные с насилием в отношении женщин, которые в основном делала Пурваняцкене. А Павиленене больше работала в области создания и продвижения гендерных публикаций. Она начала издавать журнал «Феминизм, общество, культура».

– Вы начали свой путь в гендерных исследованиях с изучения искусства и феминистской философии. Но потом у Вас произошел переход к политике и активизму. Вы можете рассказать об этом процессе?

– Переход случился не совсем по моей воле. После защиты диссертации я начала работать в Центре гендерных исследований в Вильнюсском университете. Однако со мной не продлили контракт, и я осталась без работы. Но очень хотелось работать в этой теме. И меня пригласили в Центр продвижения равных возможностей, где работаю до сих пор. Я пришла в период становления Центра, так как Виргинии Алексеюне, нашей директорке, нужен был кто-то, кто мог бы развивать деятельность Центра содержательно. Мне, на тот момент, было совсем непонятно, как функционируют организации, работающие за счет проектов, но было очень важно остаться в гендерной теме, и я согласилась.

– Но Вы не жалели, что Вам пришлось уйти из академии?

– Я продолжала и продолжаю совмещать эти сферы деятельности. Не занимаюсь непосредственно исследованиями, но преподаю студентам. А для этого нужно постоянно обновлять академические знания, «держать руку на пульсе». В итоге это придает дополнительную ценность и активистской деятельности, которая строится на солидном академическом бэкграунде.

Однако в последнее время я все чаще задумываюсь о том, что только академического бэкграунда недостаточно в активистской работе. Важно не только знать, как исследовать те или иные проблемы, но также – как продвигать структурные изменения. А для этого нужно знать, как функционирует политическое поле, как люди воспринимают перемены, почему одни изменения могут произойти быстро, а другие требуют больших усилий и времени.

И академия, и активизм обладают большим критическим потенциалом. Но, смотря на изменения с точки зрения политического процесса, все чаще замечаю, что фокус на критику не всегда оказывается успешной стратегией в работе как с политиками, так и с населением. Поэтому сейчас пытаюсь искать пути диалога с институциями, и появляются свои нюансы: если институция совсем «слепая» по отношению к проблеме и ничего не хочет слышать, открытая конфронтация и критика может послужить толчком к изменениям. Но когда появляется осознание проблемы, то скорее всего более продуктивно идти по пути диалога, предлагая помощь институциям.

Возможно, это еще и возрастной момент – уже энергии нет головой биться о стенку. Поэтому думаю, для активизма очень важно, чтобы в нем были представлены разные возрастные группы, когда молодые активист_ки высказывают требования более радикально, а те, у кого уже энергии поменьше и опыта больше, работают с институциями. И здесь важны разные формы активизма, как более, так и умеренные радикальные, потому что они не противоречат, а дополняют друг друга и позволяют работать более эффективно.

Мне кажется, нам нужно вернуться к одному важному посылу второй волны феминизма, а именно к идее сотрудничества между академией и активизмом. В Литве есть проблема в этом отношении. Во-первых, людей, занимающихся гендерными исследованиями, в принципе мало, потому что они так и не стали мейнстримом в литовской академии. Существует масса тем, которые через гендерную призму не рассматриваются. Например, теперь становится популярным исследовать явление бедности, но без гендерного аспекта. Во-вторых, сами исследователь_ницы иногда узко понимают свое назначение: считают, достаточно того, что сделано исследование, а дать, например, публичное интервью боятся, потому что это слишком прямолинейно и категорично, а настоящая наука требует нюансов. Таким образом, исследователь_ницы дистанцируются от политической повестки. Но тогда встает вопрос, чем же они заняты? Исследователь_ница долж_на нести весточку, особенно если это социальные науки. Но наука почему-то понимается как что-то более высокое, чем активизм. Хотя, конечно, нельзя сказать, что все литовские исследователь_ницы занимают такую позицию. Есть те, кто видит значимость своего вклада в активизм. Они пишут комментарии в СМИ или пытаются распространять свои исследовательские поиски через социальные сети, т.е. ищут пути сближения академии и активизма, пытаются преподносить информацию так, чтобы она была доступна и вне академии.

И мне кажется, что это большой вызов для гендерных исследований, – как проложить мостик между глубокими исследованиями и применимостью их результатов на практике, поощряя положительные социальные изменения. Если нет диалога между академией и обществом в социальных исследованиях и гендерной теории, то они просто подрубают свои корни, потому что широкой аудитории (в том числе политикам) трудно понять значимость этих исследований, а исследованиям получить финансирование. А для активисто_к отсутствие такого диалога означает недостаток аргументов для лоббирования изменений на политическом уровне. В Литве участни_цы политического процесса гендерное равенство не ассоциируют с повседневностью, с тем, как люди живут и как это воздействует на все – от экономики до уровня удовлетворенности жизнью.

– Говоря о поднятой Вами критике академии, означает ли это, что литовская академия оказалась не очень восприимчивой к изменениям и что появление в ней гендерных исследований никак особо не сказалось на изменениях внутри академии?

– Думаю, тут нужно смотреть с другой стороны. Можно обратиться к Нэнси Фрэйзер и ее идеям о связи между феминизмом и неолиберализмом. В Литве в этом смысле ситуация классическая. Как известно, вторая волна феминизма поднималась как раз в тот момент, когда в структуре капитализма стали проявляться неолиберальные тенденции. А Литва стала площадкой эксперимента освобождающегося рынка. В Северной Америке и Западной Европе к тому времени феминизм был сильным социальным движением и мог хотя бы как-то влиять на структурные изменения. А в Литву феминизм уже пришел в «неолиберальной оболочке», поэтому самое широкое распространение в Литве получили те аспекты феминистской повестки, которые в большей степени соответствовали интересам трансформирующейся капиталистической системы. Идея интеграции женщин на трудовом рынке не столкнулась с большими препятствиями. Начал подниматься и вопрос о балансе между семейными и рабочими обязанностями, но, как оказалось, не для достижения равенства мужчин и женщин (например, в распределении домашней работы), а ради включения женщин в трудовой рынок в качестве более дешевой трудовой силы. Часто умалчивается факт, что активное участие женщин в рынке труда не всегда устраняет риск относительной бедности и не меняет характер распределения труда в домашней сфере. То есть в обсуждении вопросов гендерного равенства заметна селективность.

Это я все к тому, что приход в Литву гендерных исследований и феминистских идей не имел структурного воздействия. Они никогда не считались престижной академической областью. Главным аргументом их создания был тот, что «это существует в западных университетах, давайте и мы у себя сделаем». А теперь их пытаются присоединить к разным программам и центрам. И мне кажется, что на институциональном уровне гендерным исследованиям почти нет

места в литовской академии. Они не стали движущей силой, не смогли оказать большого давления на структуры, как это было на Западе. Это была маленькая группа женщин, которые пытались что-то делать, но не было массового движения.

– Проблема раскола и отсутствия солидарности в феминистском/женском движении не уникальна для Литвы. Другие институции/центры региона тоже прошли через это. Как Вы думаете, почему так произошло, ведь солидарность – одна из ключевых ценностей феминизма?

– Потому что идеи феминизма были привнесены извне. Они не рождались на наших улицах, поощряя ученых переосмыслять процессы местной политики, экономики, культуры и искать продуктивные системные решения. У нас процесс живой связи «улицы» и академии не состоялся. Мы читали книжки. Но это не всегда помогало переосмыслить свою реальность. Я и сама с этим сталкивалась неоднократно. Бывало, ведешь семинары, основанные на прочитанном знании, а у людей картинка не складывается, они не узнают в твоих словах своего опыта. Пока я старалась объяснить явление дискриминации женщин через призму прав человека так, как это излагалось в текстах американских или скандинавских авторов, никто вообще не понимал, о чем я говорю. Но однажды один коллега навел меня на мысль говорить с людьми с позиции их ценностей, и я поменяла свою риторику. На постсоветском пространстве, согласно исследованиям, превалируют ценности выживания, и я проблему дискриминации начала объяснять именно с этой точки зрения, просто спрашивая участниц: «Вы понимаете, что у вас из-за дискриминации заработная плата меньше и пенсия будет меньше?» И тогда все вдруг начали понимать, что они дискриминируются, и появилось какое-то осознание, что права женщин в обществе все-таки ущемляются.

Это небольшой, но показательный пример. Мы феминизм принесли извне: что-то взяли, а что-то забыли, поэтому не осталось полной системы. И это наблюдается везде, не только в том, что касается идей феминизма. Очень часто так случается с хорошими западными практиками, которые у нас не работают. А не работают потому, что берем отдельные сегменты (наверное, даже до конца и не понимали чего-то в тот момент), а нужен весь набор.

Теперь понимание появляется, и приходит оно через переосмысление опыта. А на тот момент мы просто брали идеи как «фастфуд» и пытались их как-то быстро адаптировать. Я и сама думала, что вступит Литва в Евросоюз и мы сразу превратимся из постсоветского в демократическое общество. Теперь понимаю, насколько наивна я была. Так не бывает! Чтобы обеспечить переход, мы все должны будем сделать сами. Мне кажется, мы только теперь приближаемся к пониманию, что нам надо не имитировать западные идеи, а проникнуться проблемами общества и постараться ответить, как мы, будучи учеными, их видим?

Как предлагаем их решать? Какие властные структуры в этом замечаем? В социальную жизнь надо погружаться осознанно, и тогда, думаю, академическая мысль приобретет свою жизнеспособность. Пока мы просто надеваем на себя «чужое платье», потому что так надо, потому что все университеты так делают, устойчивости и выживаемости структур гендерных исследований не будет.

– Кстати, а как вступление в ЕС повлияло на гендерную повестку в Литве?

– Позитивно повлияло. Как бы политики Литвы ни сопротивлялись, все же у нас есть «ремешок» (директивы), с помощью которого активист_ки могут напомнить правильное направление. Вместе с тем общение наших чиновников с европейскими коллегами тоже помогает лучше понять, что к чему, и перемены приходят. Конечно, не так быстро, как хотелось бы. По некоторым параметрам Литва даже скатывается вниз, согласно индексу гендерного равенства. Но общий политический курс ЕС помогает обратить внимание на эту проблему местных политиков. Поэтому однозначно: вступление в ЕС – позитивный шаг. Да, на момент вступления мы не были готовы снизу начинать процессы гендерного равенства, но иногда хорошо и когда перемены инициированы «сверху».

– А как насчет поколений? Вот Вы говорили о том, что для активизма важно иметь опыт разных поколений. Появились ли новые генерации в гендерном активизме в Литве?

– Да, появляются. Их никогда не было много, но есть люди, которые моложе моего поколения и которые в этом участвуют. Активизм может и по-другому пониматься. Появляются не только активист_ки, но и «потребители» этого дискурса, своего рода фаны, которые дискутируют в социальных сетях, имеют больше чувствительности по отношению к стереотипам или проявлениям дискриминации. Также появляются дипломированные гендерные исследователь_ницы, которые учились в западных университетах, в частности в Центрально-Европейском университете. Становится все заметнее, что общий уровень чувствительности общества по гендерным вопросам выше по сравнению с ситуацией 10–20 лет тому назад, хотя эта чувствительность селективна: вопросы идентичности, культуры, свободы самовыражения быстрее находят путь к признанию, чем вопросы, которые не на руку неолиберальной идеологии, например проблемы классовой сегрегации и бедности. Увеличивающаяся гендерная чувствительность в нашем обществе не всегда глубоко социальна, но журналист_ки, когда берут интервью, уже не спрашивают: «А какая травма в детстве заставила Вас этим заняться?» (*смеется*). Какой-то, я думаю, прорыв есть, но беспокоит то, что очень селективно феминистская повестка рассматривается. Поэтому надо быть очень бдительным, чтобы все вопросы (не только аспекты культурного признания) присутствовали в нашем поле зрения.

– Тогда как раз в связи с этим вопрос о перспективах. Как Вы видите перспективу гендерных исследований, феминистского и ЛГБТ-активизма в Литве и какие пространства могут стать наиболее эффективными для реализации гендерной повестки?

– Сложно на этот вопрос ответить однозначно, потому что социальная среда очень сегментирована. Та же академическая среда очень расслаивается, поэтому обязательно нужны фундаментальные исследования. Надо не просто рассматривать отдельные гендерные аспекты в конкретных областях исследований, а иметь фундаментальное понимание того, как функционируют гендерные структуры.

Сейчас немного отойду от Вашего вопроса. Для меня он болезненный, потому что сталкиваюсь с жесткой критикой со стороны людей, которые называют себя тоталитарными феминистами в Литве и которые обвиняют меня и других в том, что вся наша деятельность, направленная на продвижение гендерного равенства, только усугубляет дискриминацию. Так происходит якобы потому, что мы используем гендерные категории и, следовательно, воспроизводим существующую систему угнетения. Если прекратить использовать категории гендера, то и проблема дискриминации перестанет существовать.

С теоретической точки зрения этот подход имеет место быть. Но как практик я его считаю очень проблематичным. Во-первых, мы мыслим категориями, и, значит, нет возможности функционировать, их не воспроизводя. Даже если вместо местоимений «он/она» начнем употреблять «они», все равно это будет категория. Если какие-то категории мы перестанем оглашать, люди по этому признаку не перестанут подвергаться дискриминации. Мы уже жили в ситуации, когда гендер никто нигде не упоминал. Но это не значит, что было гендерно равное общество. Когда активист_ки пытаются мобилизовать людей, они должны группу как-то обозначить, чтобы люди узнали себя в этом посыле. Мы видим, как много энергии люди, резко изменившие жизненные обстоятельства (например, в эмиграции), инвестируют в поиск ответа на вопрос «кто я?». В принципе, они стараются себя обозначить. Им нужны точки заземления, а это и есть категоризация.

Привожу это как пример раскола внутри феминистского движения и теории, так как думаю, что сфера академии будет фрагментироваться. Кто-то останется на уровне фундаментальной академии, но обязательно должен появиться и сегмент, который будет служить мостом между академией и активизмом, академией и обществом.

В активизме тоже появляются разные группы, которые по-разному понимают проблематику. Когда в Литве обсуждался Закон по предотвращению насилия в отношении детей, произошло нечто интересное. Обычно эти вопросы волновали тех специалистов и организации, которые напрямую работают с

детьми и сталкивались с проблемами насилия. В какой-то момент подключились неправительственные организации, которые работают в сфере прав человека, а под конец присоединился и «гламур» (телевизионные звезды). Подсоединение «гламура» открыло дополнительные каналы коммуникации, влияния, и дискуссия стала массовой. Консервативные голоса тех, кто сопротивлялся запрету физических наказаний, были заглушены, хотя на протяжении 10–15 лет именно эти голоса доминировали в публичном дискурсе.

Это была победа, которая ставит вопрос, должны ли активист_ки гендерного равенства вступать в коалицию с «гламуром»? Думаю, что в каждом отдельном случае на него будет отдельный ответ. Могут быть и точки соприкосновения, и абсолютно противоположные позиции, а это значит, что следует переосмыслять и сам активизм. Сегодня не времена второй волны феминизма, когда женщины выходили на улицу, вдохновленные идеей всеобщего сестринства и было ясно, «кто с нами, а кто против нас». Нашему поколению активисто_к приходится думать о коалициях, сплоченных для достижения конкретных целей. Нет ясности и стабильности, только сплошной креатив, нужно думать, в какой ситуации и с кем ты можешь строить коалиции. Однако это компромисс. И тогда хорошо бы не потерять связи с академией. Потому что, находясь в конкретном поле и делая компромиссы ради достижения цели, нужно академическое око, помогающее понять, каковы могут быть последствия компромиссов и будет ли результат стоить «выделки». Поэтому нужны пространства и формы, где академики и активист_ки могли бы общаться между собой, углублять понимание потребностей и проблем друг друга и помогать искать решения.

Вильнюс,
28.02.2017

Интервью с Эльжбетой Корольчук [1]

«У НАС ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ, НО Я ДУМАЮ, ЧТО ОСНОВНАЯ БИТВА ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ»: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФЕМИНИЗМ В ПОЛЬШЕ

Интервьюер_ки – Бен Коуп и Наталья Павлович

Эльжбета Корольчук, PhD – исследовательница Школы культуры и образования университета Содернторна, преподает в Центре гендерных исследований Варшавского университета

Б.К. ***Как Вы пришли в гендерные исследования?***

Э.К. Коротко ответ звучал бы так: случайно. Я родом из Белостока. Когда я приехала в Варшаву в начале 1990-х гг., чтобы изучать психологию в Варшавском университете, на моем факультете гендер как бы не существовал. И только когда я начала обучение на второй магистерской программе по американским культурным исследованиям в Центре американских исследований, я встретила таких людей, как Агнешка Графф (один из ее текстов также включен в данный выпуск «Перекрёстков». – *Прим. ред.*), Томаш Басюк, Кристина Мазур. Главным образом это и были люди, которые познакомили меня с гендерными исследованиями, квир-исследованиями и всем новым спектром идей, текстов и теорий. В то же время, в 2001 г., я стала участвовать в варшавской Манифе – феминистских манифестациях, которые организуются Союзом женщин «8 марта». Меня пригласила Агнешка Графф – одна из основательниц этой инициативы. Мне кажется, что такая история очень характерна для Польши: люди вовлечены как в академическую жизнь, так и в активизм. Но поскольку я из семьи, принадлежащей к рабочему классу, я на самом деле сначала не думала об окончании аспирантуры либо об

[1] Перевод с английского Натальи Павлович, редактура перевода Елены Минчени.

академической карьере. Агнешка Графф была тем человеком, которая сказала: «Почему бы тебе не сделать это? У тебя есть потенциал». В итоге я училась в аспирантуре в Школе социальных исследований в Польской академии наук, где мне довелось познакомиться с несколькими серьезными учеными, такими как Анна Титков, которая и стала моей научной руководительницей, профессорка Регульска, профессорка Фушара. Они принадлежали к первому поколению гендерных исследовательниц, которые занимали хорошие позиции в польской академии, и не потому, что являлись гендерными исследовательницами, а потому, что сделали свои карьеры и после занялись продвижением гендерных исследований. Я защитила кандидатскую диссертацию и начала работать в Швеции в университете Содернторна по постдокторантской программе. И осталась там. Но моя ситуация особенная: я только некоторое время провожу в Швеции. Я участвую в международном проекте, посвященном Польше, и могу большую часть времени находиться в Польше и приезжать в Швецию время от времени. Такая организация работы позволяет мне вести курсы в Центре гендерных исследований при Варшавском университете и быть вовлеченной в феминистское движение в Польше, несмотря на то что в академическом плане я аффилирована в Швеции. Это моя личная история.

– Не могли бы Вы рассказать подробнее об институциализации гендерных исследований в академии в Польше?

– Первым в Польше стал Центр женских исследований (Ośrodek Naukowo-Badawczy Problematyki Kobiet) в университете Лодзи, которым до сих пор руководит профессорка Эльжбета Олексы. Следующим университетом, в котором центр появился практически сразу после Лодзи, был Варшавский университет. Сейчас существуют центры гендерных исследований и гендерные исследования как постдипломные курсы, по-моему, в пяти или шести университетах: в Ягеллонском университете в Кракове, но также в Гданьске, Познани, Вроцлаве и Торуне. Поначалу стоял вопрос финансирования. Например, программа в Лодзи является частью международной магистерской программы по гендерным исследованиям, осуществляемой в рамках сотрудничества между пятью европейскими университетами и американским университетом Ратгерс. Поэтому там присутствует финансовая поддержка.

На первом этапе в гендерных исследованиях главным образом уделялось внимание американскому феминизму второй волны, а то, что происходило в других странах региона, освещалось недостаточно. Мне кажется, что сейчас эта ситуация меняется. Но все-таки есть интересная тенденция: у нас имеется намного больше связей с нашими донорами, менторами, людьми с Запада (как бы этот «Запад» ни определялся), чем с людьми из региона. Этот феномен, я думаю, в первую очередь является результатом финансирования, которое направляется в конкретные области и страны, но при этом нет средств на кооперацию

между странами. Точнее, деньги скорее выделяются на кооперацию между так называемым донором из западного университета и тем, кто занимается гендерными исследованиями в регионе. Также это вопрос производства знания: только в последнее время появился интерес к нашей собственной истории – истории женщин в период социализма, эмансипации, которая стала возможной благодаря социалистическому государству и т.д. Первоначально же задача виделась в том, чтобы избавиться от негативных последствий социализма, в развитии иного образа женщины, ее идентичности и т.д. И это было связано как с финансированием, так и с идеологией.

– Не могли бы Вы рассказать, какое место гендерные исследования занимают в польской академии, на каких уровнях они представлены?

– Главным образом это платные курсы в рамках последипломного образования. И я думаю, что это большая ошибка, которая была совершена с самого начала. Конечно, это спорный вопрос: должны ли мы быть мейнстримом, представляя элементы гендерных исследований, женских исследований, квир-исследований, мужских исследований в рамках обычного учебного плана, чтобы они были включены, пусть фрагментарно, но повсеместно? Или же должны существовать гендерные исследования как отдельная дисциплина? Последнее означает и другую форму институционализации: гендерные исследования существуют как отдельные центры или учебные курсы. И я думаю, что второе решение победило. Но при этом имеющихся средств было недостаточно, а также недостаточно давления и власти у гендерных исследователь_ниц и феминистского движения, чтобы действительно сделать гендерные исследования частью академии. Получилось, что гендерные исследования могут существовать, пока есть финансирование, поэтому должны быть студенты, которые будут платить за это образование. Такая ситуация практически у каждого факультета или центра гендерных исследований в Польше.

– Но это характерно для всех магистерских программ, не только для гендерных исследований?

– Нет. Дело также в положении гендерных исследований как дисциплины. Проблема состоит в том, что они никогда не были интегрированы в университетскую систему, например, в виде бакалаврской программы по гендерным исследованиям. Намного легче оказалось представить гендерные исследования как программу последипломного образования. Это было удобно и для университетов, так как они не должны были выделять большое количество дополнительных средств.

По этой же причине у программ по гендерным исследованиям часто нет возможности иметь постоянный штат преподаватель_ниц. Поэтому последние должны искать способы, чтобы оставаться в академии. Вам очень повезло, если

вы имеете возможность заниматься только гендерными исследованиями. В основном люди работают в других сферах: являются юристами, социологами, психологами, занимаются исследованиями литературы и т.д. В этом смысле гендерные исследования никогда не будут твоей основной дисциплиной.

– Как проводятся исследования? Связаны ли они с центрами гендерных исследований или осуществляются индивидуально?

– Обычно исследования реализуются индивидуально. Но это выглядит поразному. Например, Институт женских исследований в Лодзи предоставляет гранты на исследования, а вот Центр гендерных исследований в Варшавском университете по сути не функционирует как центр. Центр – это просто люди, работающие в рамках краткосрочных контрактов и преподающие определенные курсы в течение семестра, даже не встречаясь друг с другом, что, честно говоря, достаточно грустно. Мы связаны друг с другом в определенном смысле как гендерные исследовательницы, но у нас нет групповой идентичности и сильного влияния как группы. Но, конечно, есть и другие варианты: например, в Институте этнологии и культурной антропологии при Варшавском университете курс по гендеру включен в перечень основных курсов для всех студентов. И это то, что я бы назвала эффективным мейнстримингом. Конечно, это стало результатом работы молодых исследователь_ниц, которые боролись за это.

Однако с сегодняшней мобилизацией противников гендера становится еще сложнее иметь твердую позицию в рамках академии и бороться за то, чтобы гендерные исследования стали мейнстримом. И в этом случае, может быть, хорошо, что мы зависим только от студент_ок: пока есть студент_ки, которые платят нам, университет не может избавиться от нас. Вместе с тем это делает нас очень слабыми, потому что у нас нет никакого влияния на то, как университет функционирует вообще. И тогда вопрос состоит в следующем: имеют ли какое-либо влияние гендерные исследования в ситуации, когда мы преподаем их для 15–20 человек на курсе? Учитывая тысячи студенто_к, которые посещают университетские курсы, даже в той же Варшаве, каждый год. Давайте будем честными: если имеется какое-либо влияние, то оно ограничено.

– Можем ли мы говорить об определенных изменениях в ситуации с гендерными исследованиями, о каком-либо развитии за то время, которое Вы к ним причастны?

– Я бы сказала, что мы (я предполагаю, что есть это «мы») ожидали стабильного развития: что мы начнем с центра гендерных исследований, а после гендерные исследования станут просто частью академии. Это был период энтузиазма в 1990-х гг. И, конечно, этого не произошло. Вторая волна энтузиазма наблюдалась в связи с вступлением в ЕС, когда казалось, что наконец-то у нас будет поддержка европейских институций, когда появилась надежда, что гендерные

исследования как обучающий проект будут развиваться, потому что государственным институтам будут нужны люди, которые знают, что такое гендерные исследования и чем гендерный мейнстриминг на самом деле является.

И, действительно, был момент, когда программа гендерного мейнстриминга, разработанная Центром гендерных исследований, должна была быть представлена в Польской Академии наук. Также была идея открыть двухлетнюю программу для людей, которые работают в рамках европейских проектов. Но из-за недостатка желающих заниматься по этим программам от них пришлось отказаться. Этот пример показывает, что наши усилия стать мейнстримом оказались напрасными. Политики, чиновники представляют и реализовывают то, о чем говорят в Европейском союзе – директивы, программы, но не чувствуют, что нуждаются в каких бы то ни было знаниях о гендере. Это был момент, когда многие коллеги поняли, что прогресса не произойдет.

Я думаю, что на протяжении двух-трех последних лет мы находимся в состоянии неопределенности по причине политически неблагоприятной ситуации. Существуют островки, если можно так сказать, поддержки, но в основном все зависит от конкретных людей. Если бы Малгожата Фушара не была заместительницей директора Института[2], возможно, гендерные исследования не существовали бы сейчас. В этом смысле мы не знаем, что нас ждет в будущем. К сожалению, мы очень мало можем сделать сами, многое зависит от более значительных процессов. Я очень надеюсь, что мы это переживем. И это даже не вопрос существования гендерных центров и факультетов, а вопрос, как мы можем использовать наши знания, как они могут быть полезны для политического движения, для социального движения, как мы на самом деле можем применить их в публичной сфере.

– Вы упомянули о том, что Вы начинали в период популярности исследований феминизма второй волны. Сейчас уже другие темы становятся актуальными. Расскажите об этих изменениях в темах, над которыми работают студент_ки, молодые исследователь_ницы.

– Да, я думаю, вначале темы были главным образом вокруг истории феминистской мысли, очень западноцентричной, я бы сказала. Сейчас эти темы намного более разнообразны, и большой интерес вызывает то, что происходит в регионе. Например, если я веду курс, посвященный женскому движению, конечно, я упоминаю о развитии феминистского движения в Соединенных Штатах, но также я упоминаю о Никарагуа, Венгрии, России. В этом смысле поднимаемые вопросы более диверсифицированы. И это один момент.

Второй момент состоит в том, что в настоящее время намного больше внимания посвящается нашей собственной истории. Есть ряд исследователь_ниц,

[2] Имеется в виду Институт прикладных общественных наук ВУ. – *Прим. ред.*

которые изучают положение женщин при социализме в рамках женских исследований, исследований социальных движений, социологии повседневности и т.д. Существует ряд исследований или курсов, которые касаются проблем европеизации.

– Следующая серия вопросов связана с академией, активизмом и политикой. И я бы хотел начать с академии. Гендерные исследования привносят критическое отношение к тому, как организована академия, обращая внимание на систему распределения власти, нормализацию определенного типа знания. Но в то же время мы знаем, что академия является местом, где зарождается подозрение в отношении гендерных исследований. В какой мере в Польше, в Варшаве, возможно преодолеть подозрения в отношении гендерных исследований внутри академии?

– Мне кажется, все относительно. Есть такие примеры, как юридический факультет, где практически невозможно представить феминистскую критику, хотя вместе с тем у них есть прекрасные ученые, как, например, Моника Платэк или Малгожата Фушара, которые являются юристками по образованию и которые достаточно хорошо известны в польской политической и публичной сферах. Таким образом, существуют сферы, где действительно сложно. Другой такой пример – экономика. Я думаю, над этой ситуацией стоит работать вместе с критической социологией, антропологией или этнологией. Это только в некотором смысле проблема гендерных исследований и, может быть, даже в большей степени это вопрос существования рефлексивной и критичной науки. Молодое поколение исследователь_ниц, которым сейчас около 30–40, критично в отношении властных структур. Но в то же время старые структуры необычайно сложно сдвинуть. И, к сожалению, процесс неолиберализации академии мешает нашим усилиям, поскольку академия в большей степени занимается производством студенто_к, в ней нет места для саморефлексии и критических рассуждений о влиянии, которое образование оказывает на общество. Я боюсь, что в этом плане неолиберализация и консервативный тренд идут рука об руку, усиливая друг друга во многих отношениях. У нас есть определенные достижения, но я думаю, что основная битва все еще впереди.

– Тема борьбы приводит нас к вопросу об активизме. Каковы отношения гендерных исследований и активизма?

– Это достаточно интересно, потому что во многих странах – я наблюдала это в Швеции – нет какой-то сильной связи между академией и активизмом. И это обратная сторона гендерного мейнстриминга: люди могут заниматься исследованием семьи или гендерными исследованиями и не видеть какой бы то ни было нужды в социальном активизме. В каком-то смысле это последствия ситуации, когда гендерные исследования и феминизм являются нормализованными. Я бы

сказала, что в Польше ситуация сильно отличается. У нас очень сильная связь между академией и активизмом. С одной стороны, это ученые, которые принимают участие в феминистском движении. Я думаю, Союз женщин «8 марта» является хорошим примером. Он был образован главным образом молодыми женщинами из академии, к которым подключились и активистки.

– И это до сих пор актуально? Союз женщин «8 марта» представлен молодым поколением?

– Да, те люди, которые занимаются организацией Манифы сегодня, не всегда являются учеными, а, например, представляют анархистское движение. Но в целом это хорошо образованные женщины, которые чувствуют, что они должны быть вовлечены в науку и активизм. И вопрос также в том, как использовать свои знания. Например, в настоящее время я как экспертка и одновременно как участница состою в Ассоциации «Для наших детей», которая является союзом матерей-одиночек, борющихся за выплаты алиментов. Это не феминистская организация, но она постепенно ею становится. Ее повестка чрезвычайно важная, хотя она и не является моей личной проблемой, я участвую в ней в качестве феминистской исследовательницы и активистки. Вопрос состоит в том, какие силы мы хотим поддерживать. И это один из побуждающих к действию моментов для тех, кто хочет пересекать границы между академией и феминизмом, тех, кто обладает знаниями и кто может стать поддержкой для инициатив или организаций, которые не обязательно являются феминистскими по определению, но борются за изменения, которые таковыми являются. В какой степени мы можем использовать наши знания для помощи этим группам, которые обычно не являются привилегированными группами в экономическом отношении и в плане обладания социальным капиталом? И в какой степени мы можем открыть границы феминистского активизма как такового?

– В настоящее время общая атмосфера весьма депрессивна: консервативные ценности усиливаются не только в Польше, но и в других странах. Звучат обвинения в сторону феминизма в том, что ему чужды проблемы «реальных» людей. Это влечет за собой абсолютно депрессивный, патриархатный откат. Согласны ли Вы, что Польша столкнулась с такой же проблемой: спорами о том, что является реальным, а что им не является? Думаете ли Вы, что в связи с этим у феминистского активизма появляются какие-то новые обязательства?

– Я думаю, что это действительно очень важный момент. Протесты прошлого года[3] часто рассматривались как что-то одномоментное. И мне было очень ин-

[3] Речь идет о протестах против законопроекта, полностью запрещающего аборты, также известных и называемых ниже «Черными протестами». – *Прим. ред.*

тересно, как пройдет в этом году 8 марта Международный женский протест. И все сложилось очень хорошо: была массовая мобилизация, которая объединила много городов, много разных групп было включено в организацию. Я думаю, что-то действительно происходит, что-то очень реальное. В том смысле, что женщины пересекают черту между наблюдательницами и участницами политической жизни. И это действительно вызов, особенно учитывая настоящую враждебную атмосферу, когда активистки, как правило, из небольших населенных пунктов, становятся объектами атак. Это один из способов борьбы с политикой страха. Это один из способов показать, что мы так просто не уступим, мы не будем просто делать то, что нам скажут.

Но для феминистского движения, я думаю, это достаточно критический момент. По моему мнению, особенно важно, чтобы феминистское движение и гендерные исследователь_ницы предложили свои знания и ресурсы. При этом важно не навязывать те или иные представления о «правильном женском движении». Существующее протестное движение должно чувствовать поддержку, а не принуждение следовать неким определениям феминизма. Это очень хороший момент, когда мы имеем очень сильное и многообразное женское движение: с одной стороны, присутствует авангард с анархистской, немного левой Манифой, также заметен Конгресс женщин, который лучше организован и представляет либеральный феминизм. Есть массовая мобилизация, и часть этих людей не связана ни с какими группами вообще. И вопрос в том, в каком направлении это пойдет.

– В какой степени это новое движение соотносится с НГО, ассоциациями и фондами и в какой степени оно подвержено атакам, которые сейчас имеют место в отношении НГО? В какой степени это создает трудности для массового движения или, наоборот, раскрывает новый потенциал?

– Это очень интересный вопрос. Я занимаюсь исследованием гражданского общества, и, частично, описанные настроения появляются в ответ на процесс НГО-изации. Эта связь ясно артикулирована, например, в родительском движении в России. Это движение является интересным примером, потому что пытается по-новому представить идею гражданского общества. Они заявляют, что настоящее гражданское общество должно быть прозрачным и локальным, а не финансироваться из международных источников и должно представлять традиционные, патриархальные ценности.

Но дело в том, что похожая критика, хотя и основывающаяся на других основаниях, озвучивается и некоторыми участницами «черных протестов», которые говорят, что не хотят иметь ничего общего с женскими организациями и НГО, потому что те ничего для них не делают, а просто занимаются своими проектами и получают какие-то гранты. Но что за этим стоит? Интересно наблюдать такого типа разделение, и интересный вопрос, будет ли это движение институ-

ционализировано, и если да, то в виде каких структур. И я думаю, что такого рода критика в отношении НГО-изации, действительно, может стать хорошим уроком для феминизма или той части женского движения, которая на протяжении длительного времени верила, что НГО являются единственным способом решения социальных проблем. В этом смысле, я думаю, чрезвычайно важно экспериментировать с новыми способами организации людей, которые будут неиерархичными и более демократичными в способах своего функционирования, намного более открытыми для широкой публики, которые откажутся от модели харизматичного лидера, будут небольшими и будут работать для людей, а не с людьми. Например, «Акция демократия» (Akcja demokracja), в которой я также принимаю участие, является открытой платформой, функционирующей по типу «Avaaz» или «Move on». Суть состоит в том, чтобы на начальном этапе собрать онлайн как можно большее количество людей вокруг определенной идеи, а после переместиться оффлайн, для того чтобы дать людям понять, что решение проблем в их руках, что это движение принадлежит им. В этом и состоял основной успех «Черных протестов»: многие люди почувствовали, что это то, что они могут делать, чтобы что-то изменить. Это действительно подходящий момент, чтобы обратиться к новым формам организации.

– Слушая Вас, я думаю о связи гендерных исследований и политики. Как Вы видите эту связь, исходя из своего опыта?

– Я бы сказала, что эта связь существует и она очень сильная, потому что, например, если вы посмотрите на то (и это было хорошо заметно во время вхождения в Европейский союз и после), кто является авторами большинства отчетов, посвященных политике, или обзоров ситуации в Польше, то в основном это люди, которые занимаются гендерными исследованиями, потому что именно они являются эксперт_ками. Но вопрос состоит в том, какого рода воздействие на политическую жизнь мы можем оказать. Например, уполномоченная правительства по вопросам гендерного равенства Малгожата Фушара обладала огромными знаниями, была прекрасной эксперткой, но она не имела политического влияния внутри кабинета, а также финансирования, чтобы сделать что-то и влиять на администрацию. В этом плане производство знания, которое впоследствии может быть использовано в политических процессах, может иметь огромное значение. Проблема состоит в том, что пока эти знания не используются в политических процессах. Процесс принятия законов в Польше не открыт для внешних влияний. Когда вы обсуждаете законопроект в рамках комиссии, вам необходимо иметь поддержку ключевых социальных акторов. Но в законе не указано, что вы должны ее получить. Поэтому, чтобы повлиять на обсуждение, обычно приходится использовать какие-то закулисные игры и личные связи. Если у вас есть личные связи, то есть шанс, что те знания, которые вы имеете, будут представлены. Но это очень сложно.

В то же время, например, дискурс об абортах не изменился бы без гендерных исследователь_ниц и активисто_к, которые предлагают альтернативные способы интерпретации абортов (аборты не как вопрос моральности, а как социальная или экономическая проблема) или рассказывают о ситуациях нелегальных абортов. Это определенный тип дискурса, знаний, интерпретация темы абортов. Все это потом может быть использовано в СМИ. В этом состоит чрезвычайная политическая значимость того, что мы делаем.

– Можно ли сказать, что за последние полтора года, когда «Право и справедливость» (ПиС) находится у власти, происходил процесс радикального ослабления влияния академической экспертизы и гендерных исследований на политическом уровне?

– Именно так. Мы встречались с прошлым уполномоченным представителем по гендерному равенству (вы знаете, что сейчас это одна позиция уполномоченного правительства по вопросам гендерного равенства и гражданского общества). Первым министром на этой должности был Пётр Кравчык, и мы с ним встречались. Вместе с «Акция демократия» и фондом «Феминотека» у нас был проект, касающийся изменения закона о сексуальном домогательстве. В настоящее время в польском праве определение сексуального домогательства ограничено отношениями на рабочем месте и не включает ситуации домогательства на улице, в школе или университете. Мы провели с Кравчыком полтора часа, в течение которых он главным образом оспаривал методологию исследований, которые мы ему представляли. Эти исследования были основаны на хорошей социологической методологии, несмотря на то что у нас не было средств для того, чтобы проводить качественные количественные исследования во всей стране. Но в отношении трех изученных воеводств не к чему было придраться. Он же сказал, что исследование, может, и хорошее, но вы не провели его во всей стране, из-за чего у нас нет полной картины. Мы спросили: «Вы дадите нам на это деньги?» На что он ответил: «М-м-м-, нет, мы не можем этого сделать». И он на самом деле был хорошим парнем, так как вообще согласился говорить с нами. Новый представитель, Липиньски, на протяжении всей своей карьеры пытался зарубить на корню любые законы, касающиеся гендерного равенства, которые поступали в парламент. Таким образом, вы можете представить, как счастлив он был стать уполномоченным правительства и как он хочет разговаривать с нами.

– Это означает, что необходимы новые способы и новые подходы?

– Мы должны сосредоточиться на локальном уровне. Мы должны идти в регионы, потому что на национальном уровне единственное, что мы можем сделать, это отменить ужасный закон, предполагающий полный запрет абортов. На локальном уровне мы можем работать с отдельными муниципалитетами или воеводствами, а также с заинтересованными людьми. В определенном смысле это

также возможность, потому что, поскольку ПиС ненавидит нас, люди, которые ненавидят ПиС, начинают любить нас. То же самое касается СМИ. Неожиданно либеральные журналисты, которые на самом деле не имеют представления о феминизме, женских исследованиях, гендере, абортах, вдруг начали представлять женское движение как основное оружие против ПиС. И конечно, они хотят, чтобы мы разгромили ПиС, а они потом вежливо сказали: «Идите, занимайтесь своими обычными делами, оставьте это место для нас».

– Еще несколько вопросов, и один из них – вопрос о солидарности. Рассуждая и в локальных, и в национальных терминах, вначале гендерные исследования находились в меньшинстве, ограничиваясь маленькой группой исследователь_ниц. Но когда присутствует сильное давление и когда имеет место конкуренция за ресурсы, это может быть достаточно сложной ситуацией. Может, Вы могли бы немного подробнее рассказать, как Вы видите солидарность внутри гендерных исследований?

– Понятие солидарности присутствует внутри женского движения, хотя она понимается и практикуется достаточно ограниченно. На национальном уровне она, возможно, более выражена, но на межнациональном уровне сложнее, что частично является результатом политики финансовой поддержки. Еще совсем недавно было несколько достаточно интересных инициатив, которые занимались развитием сетей поддержки и солидарности в регионе. Например, фонд Генриха Бёлля организовал серию семинаров и встреч по проблеме антигендерной мобилизации, которые собрали людей из Польши, Венгрии, Словакии, Армении, Грузии, России и т.д. Для меня это, действительно, была отличная возможность установить связь с людьми, иметь возможность и попытаться построить совместные планы. Другая очень интересная инициатива была организована опять же немецким фондом Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung). Ими была создана сеть, в рамках которой мы смогли организовать сотрудничество медсестер Польши, Венгрии и Словакии. Надеюсь, это станет крепким партнерством. Мы поняли, что в этой сфере одинаковые вопросы существуют в разных странах, и у нас появилась идея сделать информационный сайт или собрать этих медсестер вместе, чтобы создать своего рода солидарность, которая бы преодолевала границы, помогала обмениваться практиками и знаниями и влиять на законодательство. Но в рамках гендерных исследований мы намного больше связаны благодаря участию в международных проектах или посредством конференций, но обмен на повседневной основе отсутствует. И для этого нет ресурсов.

– Если Вы посмотрите назад, на историю развития гендерных исследований в Польше, то какие успехи и трудности можно отметить, что могло бы быть сделано по-другому? И каков потенциал для будущего развития?

– Я думаю, что главной ошибкой было то, что мы не вошли в состав академических структур. На мой взгляд, нет никакой нужды винить в этом гендерных исследователь_ниц, потому что сама ситуация была сложная. Но это и наше поражение. Отдаленность и обособленность гендерных исследовател_ьниц или гендерных исследований от других дисциплин – это огромная проблема. И мы действительно должны работать над этим. Можно, например, сказать своему другу-социологу с левыми взглядами: «Ты не можешь говорить о национализме и не упомянуть гендер, потому что это является плохой наукой». И здесь дело не в солидарности, не в том, что надо быть милой с коллегой, а в том, что это просто плохая наука. Это все еще борьба, и я думаю, что она будет долго продолжаться.

Перед нами стоят структурные проблемы, которые чрезвычайно опасны. Одна из них – неолиберализация академии. Если мы будем продолжать идти в этом направлении – и здесь речь не только о гендерных исследованиях, а о любых исследованиях, – мы превратимся в людей, круглосуточно занимающихся преподаванием. Нам следует понимать, что мы все вместе находимся в этой ситуации. Поэтому степень нашего сопротивления этому развитию будет оказывать сильное влияние не только на гендерные исследования, но и на академию как таковую.

– Над каким исследованием Вы в настоящее время работаете?

– Я должна была бы работать над проектом, который касается гендерной культуры знания и политических процессов. Но поскольку так много событий происходит в настоящее время, столько всего интересного, я заканчиваю издание книг о родительском движении и гражданском обществе в Польше и пишу о «Черном протесте». Я должна закончить сбор интервью в рамках исследования, которое как раз связано с обсуждаемыми нами здесь вопросами: что представляет собой культура знания в этом конкретном контексте, как она связана с политическим процессом, как и кем производится знание, кого можно назвать экспертом, кто имеет доступ к публичной сфере. Я думаю, что сегодняшняя волна «антигендеризма» не должна интерпретироваться как непонимание того, чем гендер является на самом деле. Я не согласна с этим мнением. Я думаю, что за ней стоит стремление противостоять социальному конструктивизму и всей традиции развития знания, которые уходят своими корнями как к Марксу, так и к Фрейду. План польских консервативных сил состоит в том, чтобы изменить основные компоненты социальной науки. Я думаю, что они, действительно, хотят навредить нам, и мы должны делать все возможное, чтобы довести до сведения как можно более широкой общественности важность того, что мы делаем, и также использовать политические механизмы, чтобы противостоять этому тренду.

– Вы понимаете антигендерное движение как академическое явление, не только политическое?

– Да. Мы занимаемся этим исследованием с Агнешкой Графф, и мы обе верим, что это процесс возникновения антигендерных исследований. Они действительно пытаются представить идею естественного закона, традиционной семьи как отражение нового универсализма. Конечно, мы понимаем, что это совершенно не новое явление. Но оно откликается в людях потому, что перекликается с оппозицией в отношении новых форм семейной жизни, новых форм сексуальности, вместе с критикой глобализации и доминирования международных корпораций.

В Польше есть примеры таких консервативных людей. Это, например, профессор и священник Око. У них, с одной стороны, есть безопасное пространство для развития их идей (например, университет кардинала Вышиньского). В то же время они часто проникают в Варшавский университет. Как раз сегодня должен был быть протест (его отменили) в связи с тем, что «Ордо Юрис»[4] организовывал встречу в Варшавском университете. Они проводят главным образом мероприятия, направленные на отрицание наличия права выбора у женщины прервать беременность. Они пригласили женщину из Соединенных Штатов, которая была рождена в результате изнасилования ее матери и которая выступает за права плода, который появился в результате изнасилования. Главным образом протестная мобилизация была организована «Заангажированным университетом», который уже был задействован в противодействии такого рода ситуациям.

13 марта 2017 г.
Варшава

4 Ordo Iuris – Институт правовой культуры – консервативный think tank, занимающийся защитой семей, которые подвергаются нападкам из-за своей приверженности традиционным ценностям. – *Прим. ред.*

Феминистская поэзия

СТИХИ

Лина Казакова

***

Я думала, что прожить не зря –
Это дороги,
Книги, города, трепетный ветерок случая,
Комнаты белые,
Где несколько десятков человек
Слушают, затаив дыхание, одного – лучшего.
Каково же было мое удивление,
Когда оказалось, что прожить не зря –
Это прибежать без десяти десять в «Центральный»
И найти-таки за «Беллактом» последнюю банку гипоаллергенного «Нана»,
А потом, по дороге обратно,
Услышать «Мы вас попросить хотели...»
И, переложив все пакеты в одну руку, чтобы не ставить на землю,
Стареньким телефоном на фоне елки
Сфотографировать маму с маленьким сыном,
Так, чтобы было хоть что-то видно и не совсем криво,
И еще отправить открытку в Марьину Горку
Тете Тане Шитиковой и тете Рене в Липень.

***

На новый снег приедет старый трактор,
И будет до утра реветь, как самурай,
И Зоя Павловна пожалуется кратко:
Кому-то красота, а нам хоть помирай.
Обходит педиатр свой участок,
Опять 42-й, где кот и попугай,
И старые стихи, как старый пластырь,
Не держатся, как их ни прижимай.

***

Дорожки не чищены в парке,
Но нечего нам терять,
Тихонько по ледику шаркает
Гвардия января:
Серьезный папа с коляской
Слушает аудио-книгу,

Печальная дама с хаски –
Нового года интрига,
Женщина в пальто с пелериной,
Что котикам носит котлеты,
Старик с инвалидом-сыном,
Платошей сорокалетним.
И нет на должности наши новых кандидатур,
И нет ничего честнее низких температур.

***

Какою радостью простою
Вдруг наполняется душа,
Как бабочка на палец сядет,
Стоишь и смотришь, не дыша.
И тут же радость отпускаешь,
Что не по силам велика,
Как будто ей цены не знаешь,
Как будто глух и слеп пока.
Так мать, с работы отпросившись,
На детский утренник бежит,
И, опоздав, в пальто тяжелом
За спинами в дверях стоит.
И шепчет текст, а сын притихший,
Не веря, что пришла, всерьез,
Забытое четверостишье
Не в силах повторять от слез.

***

Пока я долго-долго еду в машине,
Из питомника, где я выбирала елки,
Ты можешь рассказать мне, как ты всю осень закатывала банки,
И мне не надоест этот разговор нисколько,
Потом ты можешь рассказать мне про поликлинику,
Про то, как тебя чуть не обманули в банке,
Мне не будет скучно, я повторяю, нисколько,
Потому что я люблю тебя, елки.

***

Вы видели, как уходит жизнь?
Сквозь руки, жарящие котлеты,
Сквозь руки, моющие пол,

Сквозь руки, которые день изо дня ставят на плиту чайник,
Сквозь руки, которые держатся за поручень в переполненном автобусе.
Казалось нам, все это есть и без нас,
Но вот задумалась мать с ложкой каши в руке –
И остановилась река,
Замерли ветры,
Перестал падать снег.

***

У людей на скошенных балконах
Не цветы, не кресла из ротанга –
Старые там ящики лежат,
Грязные мешки, остатки плитки,
Из-под телевизора картон.
Скажут им – ну что ж вы запустили?
А они болели, тосковали,
Много лет не видели дороги,
Утром поднимались через силу.
У людей на скошенных лужайках –
Фирменная смесь дерновых трав,
Бельведер в саду и вертикуттер,
В щелях мох искусственный,
Который специальной кисточкой наносят:
Измельчить подушечку из мха и туда добавить сахар с пивом.
Безупречен их живой бордюр –
Серебристая листва с бордовой.
Но декоративный водоем – вот, конечно, головная боль,
Знали бы – заранее б отказались.

***

ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ
Положи – все что есть – на их столы, в их слова,
Откажись – и от красоты, и от волшебства,
И если выбор, ну ты знаешь, между добром и злом –
Всегда будь с теми, которым не повезло.
Выживи –
Один,
Будь примером всем, образцом,
Выдержи
Самый сильный удар – снег в лицо,
От ветра схоронись в подъезде, в углу,

И вспоминай тетю Соню – лопату ее, метлу.
Есть на свете общих законов – примерно пять.
Один из них – что кому-то всю жизнь в четыре утра вставать.
Второй, что про их детей скажут – сын уборщицы, проводницы дочь.
Третий, ну ты знаешь, про некоторых, про бесконечную ночь.
Четвертый, что счастья нет, но есть работа и есть окно,
В нем дед мороз показывает свое кино.
Ты смотри, смотри деда мороза кино
Там, за этим заледеневшим, есть другое окно.

***

И вроде давно привычно
Жить с тучкой у самых глаз,
Зальем пустоту водичкой,
За столько лет собралась.

Стоишь под мостом у речки –
И кто бы про дождь сказал –
Накрапывают человечки,
Которых не удержал.

***

Серая весна рыщет, как волк, выгребая остатки жизни,
Голодная, не жалеет ни людей, ни город.
Светло-серым подкрашивают скамейки и фонари неулыбчивые мужчины –
У них есть краска и все-таки дело какое-то.
И торчат из земли луковицы тюльпанов, как из штанов попы модниц,
И прикрывают пластиковые бутылки будущих клумб красоту упорную,
И, придерживая собаку, извиняется сосед: глупая она, на всех кидается,
Только неделя как взяли мы её с живодерни.

***

От плохих новостей телефоны лишаются звука,
Новостройки лениво цепляются за облака,
Осторожно спускается пух прямо в детские руки,
И у загса зеленые платья невест примеряет река.
И обсудят две женщины в парке, что дни упоительны,
Но не словом избыточным вертится шар голубой,
И глядит против солнца налево долго-долго уставший водитель,
И не выедет раньше, чем можно, он, мой дорогой.

***

Уже полупустыми, тихими бегут по парку паровозики,
У полусобранной конструкции строители сидят, как гвоздики,
И программист с велосипедика
Кричит мамаше: что ж вы, женщина,
Совсем вы не соображаете,
По нашей вы дорожке едете,
Ребенка хоть бы пожалели вы,
На вид нормальная вы, вроде бы,
Потом напишут на онлайнере:
Опять ужасный случай в городе.
Махнув рукой, умчится в бездны он,
И не успеет объяснить она,
Что нет как раз на этой лестнице
Для маленькой коляски съезда,
Что иногда делить приходится
Пространство парковое мглистое
С колясками и паровозами
Дизайнерам и программистам,
Вокруг в бессилии оглянется,
Подумает, что скоро осень,
Одни коляски тут останутся,
И старики, и паровозик.

***

Конец припомнишь фильма слезного
В кафе дорожном у прилавка,
Закат платочком бледно-розовым
Висит над каждою заправкой.
С тобой меняемся не глядя мы –
У всех похожие здесь судьбы,
И клен в окне желтеет прядями,
Как от беды седеют люди.

***

Как кассирша в пустом гастрономе, куда мы заходим с тобою,
Где любимые баночки наши всего по рублю,
Потому что мы миру обязаны всей, до конца, красотою,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Встану я перед зеркалом утром, и в жалком ноябрьском свете

Я увижу, как тетя одним улыбается ртом,
Мы готовы к тому, что наступит вот-вот конец света,
Но к тому, что мы все погрустнеем, никто не готов.
Вот откроется мой гастроном и подъедет маршрутка,
Я приду на работу, я чай в перерыве попью,
Потому что предстать перед вами обычной хочу, а не жуткой,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Не сидеть этим утром слепым мне в приемном покое,
Не тянуться мне телом свинцовым к дружку-костылю,
В виде платы ничтожной за то, чтоб пока еще слиться с толпою,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Как она, я надену парик, самой красной я губы накрашу помадой,
Потому что не надо, не надо, не надо, не надо.

***

Два сварщика стояли у стены,
Сливаясь с ней, прозрачны, не видны,
И проступали лишь, когда варили,
Варили и как будто говорили,
Что в сером свитере и с искрой голубой
Когда-то смерть придет и за тобой,
Спеши же, заводи свою машину,
Она парковкой будет, и стеной,
И списком дел, и книжкой записной,
Она придет, она тебя обнимет,
И контуры стирая, и черты,
И сварщиком безмолвным станешь ты,
Сольешься со стеной невыносимой.

***

У нас в садике есть Илья,
Воспитательницы его называют «дембель».
Его забирают последним,
Приводят первым.
Пока остальные дети утром ревут «где мама»,
Илья улыбается всем голубыми глазами.
Он встречает новеньких,
Целует их, обнимает,
Он едва говорит, но всё вообще понимает.
Он такой добрый, и это не потому что смирился,

А это, как будто птица влетела в него и в нем поселилась,
Как будто знает этот мальчик, что против чужого горя
Ничтожно его, как мышка перед горою,
И должны его смех и радость закрыть все дыры,
Не закрытые Еленой Викторовной и (не помню отчества) Кирой.

Юля Цімафеева

ВЕРШЫ З КНІГІ «ЦЫРК» (2016)

Цырк

Я нарадзілася
з вандроўным цыркам унутры.
З цыркам, толькі падумай,
у палескай вёсцы.
Жанглёры, акрабаты,
барадатыя жанчыны…
Які сорам!

Вандроўны цырк
вырастаў разам са мной,
як ваўчаня, што хоча мяса,
яны ўсе хацелі феерверкаў
і шырокіх дарог.
А тут
бураковыя палі,
каларадскія жукі,
народныя прыкметы.

Я хавала свой цырк
між старонак кніг,
як гербарый.
Жанглёраў, акрабатаў,
барадатых жанчын
я выпроствала
ў спадзеве высушыць
іхнія прагныя целы.

Але цыркачы
адмаўляліся гінуць,
яны раслі і мацнелі
пад коўдрай старонак,
на калорыях літар,
у шатры майго цела.

Яны вучыліся
цыркавым хітрыкам,
як вучацца качаняты,
кураняты, парсючкі.
А, можа, іх пераймалі?

І калі набраліся сіл,
знайшлі драбіны,
накрэмзалі мапу –
калі змаглі ўсё тое,
чаго хацелі й што мусілі…

Цыркачы мяне скралі.
Цыркачы мяне з’елі.

Цыркачы адкрылі
нарэшце ўва мне
свой вандроўны цырк.

У садзе

Зубатыя кветкі прарастаюць
з гэтага зерня.
Чапляюць за ногі ўсіх,
хто праходзіць побач,
просяць са слязьмі і мальбою
каб іх забралі адсюль,
з гэтага саду.

Зубы ў кветак нявострыя,
зубы ў кветак нязлыя.
Іх пялёсткі блішчаць на сонцы
ад несупынных слёз.
Іх сцябліны гайдаюць
нястомна галоўкамі.

Нам падабаюцца
зубатыя кветкі,
якія нікога не ўкусяць,
якія нікога не раняць,
толькі сэрца крануць,
а на выхадзе з саду адпусцяць.

Калі ж кветкі наплачуцца,
яны зноў дадуць зерне.
Збяры яго і пасадзі ў гэтым садзе.
Павер, тут ім самае месца,
а што зубатыя кветкі кажуць,
не слухай.

Поле I

Ваша поле шырокае і лянівае
Раскінулася, як шэрая бабская хустка.
Яна вас грэе,
Яна вас трымае ля сябе,
Маленькіх і працавітых,
Прывязаўшы за ногі ў брудных
гумовых ботах, за пазбіваныя пальцы,
за цёмныя ад сонца шыі.
Поле скруціла вас, змусіла да
незлічоных
паклонаў. Вашы рукі – вось
вашы сапраўдныя думкі,
заблытваюцца ў сырых разорах,
разгладжваюць і лашчаць
маршчыны ўладнай гаспадыні.

***

Я ваша дзіця, поле мае
і на мяне права.
Але мае ногі падкошваюцца,
Рукі не хочуць гладзіць разоры.
Я падаю і рыю тунэль,
Я ўцякаю з роднай зямлі
пад зямлю, пад грузнае
цела поля.
Куды я выпаўзу
з-пад гэтых цёмных неахопных
грудзей,
з-пад гэтага цяжкага чрэва,
з пад гэтых урадлівых угноеных
сцёгнаў:
да мора, да зораў, да гор?
Хто сустрэне мяне па той бок тунэлю:
Бог, вада ці драпежная дзюба?!

Няўмольнае поле
пакарала мяне за ўцёкі –
зрабіла
сляпою краціхай.

Поле II

Штогод поле робіцца маладой
пад тонкім вэлюмам снегу,
пад строгім наглядам традыцый.
Яго расчэсваюць граблямі,
разгладжваюць плугамі
і апладняюць.

Поле расце. Поле цвіце.
Закусвае сухія вусны разораў,
слухае сэрцы маленькіх бульбін
пад кожным калівам.

Поле не можа ўстаць,
ляжыць распластаная, капрызная
ў пустазеллі й бацвінні.
Просіць сонца. Просіць вады.

Увосень парадзіха ўздрыгне
ад першага холаду,
скаланецца апошняй грымотай;
і паскачуць, пасыплюцца
ў кашы яе круглыя дзеці.

Апусцелае поле выдыхне.
і заплюшчыць земляныя вочы.

Спі спакойна, старая.
Хутка зноў прачынацца.

***

Цела паэта належыць яго радзіме.
Абяздоленая зямля прамаўляе ротам паэта,
Вочы паэта бачаць несправядлівасць пакутаў,
А вушы чуюць крыкі нявіннай ахвяры.
Валасы паэта становяцца дуба,
Ногі паэта прарастаюць дубамі,
А далоні паэта сціскаюцца ў кулакі.
І ў яго жылах закіпае кроў:
як можна дапусціць столькі гора?!

Бясспрэчна, цела паэта належыць яго радзіме.
Хіба ўмее радзіма нешта сказаць без яго?!

Радзіма!
А ці трэба табе маё цела, цела паэткі?
У мяне такая ж гарачая кроў,
Рукі і ногі,
Вочы мае бачаць шмат і вушы чуюць,
І мой рот не меншы за рот паэта!

Маўчыш, адварочваешся?
Бо думаеш, ты такая, як я?
Ты не хочаш быць моцнай, радзіма,
Я ўгадала?
Ты хочаш, каб паэт сказаў за цябе,
Каб шкадаваў цябе,
Каб выціраў табе слёзы,
І ўсім расказваў,
як ты пакутуеш
і якая ты малайчына?..
Праўда, радзіма?

Але ты мяне не слухаеш,
Ты зноў скардзішся свайму паэту.

Цела паэткі табе не патрэбна.
І я забіраю яго сабе.

Сэрца-Камароўка

Камароўка, я хачу стаць нябачнай
каб дакрануцца да усіх тваіх прадавачак
каб гладзіць ім валасы,
папраўляць ім каптурыкі
і пацеклую ад задухі туш
каб нюхаць іхнія кішкі
каб гладзіць косткі
іх вэнджаных скумбрыяў
каб браць у далоні бульбу
гладкую чыстую
клубень за клубнем
глядзець у яе свядомыя вочкі
і складваць назад
на люстэркі вагаў

Камароўка, ты сэрца гэтага горада
свежае мокрае сіне-чырвонае
сінія фартухі велічных малочніц
чырвоныя – каралеваў
мясных астравоў
белыя прожылкі грэбляў
сырных уладарак
ты ўся ў вечным руху
хуткія рукі тваіх гаспадыняў
шпаркія крокі пакупнікоў
пад купалам, пад навесам
ты ўся жаданне

і ўся трымценне

ты багатая, Камароўка
ты поўная ты ўся для нас
кармі нашы вочы
нашы вушы насы
нашыя пальцы
прагнуць цябе
нашы гарадскія сэрцы
адбіваюць свой рытм
у суладдзі з тваім

Вольга Гапеева

«ІНШАЕ ВЫМЯРЭННЕ»: НІЗКА ВЕРШАЎ

•

думаеце, мужчыны разважаюць пра глабальнае ў свеце?

пра тое што ў афрыцы галодныя дзеці?
і што планеце

пагражае знішчэнне?

аказваецца там іншае вымярэнне,
мой мужчына калі я распавядаю яму пра метафізіку ўлады
або феміністкую крытыку мовы
думае выключна пра позы
у якіх ён мог бы мяне кахаць
і позірк ягоны тады вельмі сканцэнтраваны

здаецца, ён думае пра вандроўкі намады

і намадычных суб'ектаў
ці рыхтуе свой аргумент на карысць патрыярхатнай сістэмы
укладаючы ўсё ў архетыпы і міфалагемы
і калі ўзгадаю фуко і дысцыплінаванне цела

ён запытаецца:
            – а ты б хацела

каб я цябе дысцыплінаваў пугай?
ніякіх высокіх матэрый
і квадратур круга
чыстая геаметрыя размяшчэння мяне ў прасторы
механіка цел без сантыментаў і перамоваў

(з кнігі «Граматыка снегу»)

– як не паехаць у венецыю –

як звыкла і проста спыніцца
і не паехаць у венецыю
можа таму

што ўжо не святкуецца новы год і дзень нараджэння
і паступова ўсё ператвараецца ў будзённасць
якую абачліва не хочацца разбаўляць нічым
асабліва венецыяй
гэта я зразумею пазней
а пакуль мільяна складае далоні і просіць стаць часткаю ейнага падарожжа
як атам я маю маленькі перыяд паўраспаду
таму ўжо праз хвіліну перад удзячнай публікай

я – памяркоўная авантурыстка

я – лянотная геданістка

я – мізантропная эгаістка

я – эмпатыйная феміністка

і ў кожнай мяне – свае аргументы
але я пагаджаюся
і мільяна так шчыра падскоквае ад радасці пасярод вуліцы
што мне робіцца трошку няёмка
за сваю будзённасць і стрыманасць
я таксама хачу хацець у венецыю

і я пачынаю...

...а раптам дарма ўсё гэта

не, не
калі яшчэ выпадзе шанец
шэсць гадзін і ты ў венецыі
і біенале вапарэта джэлата
квіткі і гатэлі
паўла
даносіцца прысмак мора
непразрыстасць паветра дзе выспа хаваецца ў марыве
але ўсё што я магу прыгадаць гэта томаса мана
з ягонай смерцю ў венецыі
хоць зусім і не ведаю што раніцай на вакзале

нам скажуць:

– квіткоў да венецыі не засталося.
відаць мая будзённасць прыдбала апошні

(з кнігі «Граматыка снегу»)

•

ніколі не думала што так цяжка насіць сукенку
спадніцу абцасы каралі
і не ператварыцца ў калядную елку
ці ператварыцца і не звяртаць увагі
гэта сапраўды цяжка
быць упісанай у цела
якое магчыма і не хацела
каб я ў яго была ўпісана
і менавіта так апранала
як апранаю

можа яно хацела стаць больш бачным для навакольных
і пэўна на мае кашулі вольнага крою
злуецца
а я злуюся ў адказ
забываючыся што кожная з нас
ці кожны
быў голым народжаны
ці была...

у калідоры перад люстэркам
узгадваю вачыма ўсё што з намі было
і яно
глядзіць на мяне панура
бо сёння зноў не тое я апранула

(з кнігі «Граматыка снегу»)

•

ты запытаешся ці падабаюцца мне барадатыя людзі

чаму людзі? – падумаю я
можа ты баішся што я не лічу мужчын за людзей

(і таму іх так называеш?)
або слова мужчына занадта небяспечнае

каб пісаць яго з такімі словамі як “падабацца” і “мне”
раптам я выяўлюся дзяўчынай
і ты пабачыш ува мне асобу жаночага полу і табе стане

няёмка пісаць мне пра свой гастрыт
а я не змагу больш канцэнтравацца на словах
і стану сачыць за тым як перасоўваюцца твае вусны
церучыся адна аб адну
можна я цябе перакладу
на зразумелую для мяне мову

...але гэта не пра бараду

што я ведаю пра бароды?
напэўна як і пароды
яны сустракаюцца розныя
артэрыяльныя і венозныя

не, гэта пра кроў а трэба пра бараду

лепей напішу ў адказ пытанне:

"а барадатыя людзі цалуюцца ў ваннай?"

(з кнігі «Граматыка снегу»)

•

джым, якая рамантыка

тут мінус 8 глінтвейн не грэе
на плошчы паставілі елку
не думала што такія бываюць
падрыхтоўка да свята за некалькі месяцаў
быццам так будзе прасцей паверыць
у цуд на каляды і святога міколу
або дзеда мароза

ці нават снягурку, хаця калі справа даходзіць да веры
жанчыны выключаюцца з пачэснага шэрагу

і сапраўды чаго ў іх верыць? былі сабе і былі
а не было ну і годзе
бо са стагоддзя ў стагоддзе
гузік старанна прышыты да кашулі жаўнера
стужка адпрасаваная на безбрылёўцы матроса
не ствараюць гісторыі
а ўсяго толькі жыццё асобнага чалавека ці двух
якія паміраючы ўзгадвалі не эпас падзей
а шурпатасць сколатых пальцаў

дробныя валдыры ад апёкаў на прыдалонні
тых самых нязначных людзей
ад якіх нішто не залежала і гэтак жа нічога не засталося

(з кнігі «Граматыка снегу»)

– верш пра слана –

у парку горкага калі ўсе спяць
уздоўж ракі ля ліхтара таўчэцца слон
ён выправіўся быў на мацыён
сярод туману

трысціну захапіў і капялюш прыстойны
і ўжо гатовы распачаць паважную размову
быў

але маўчаць у адказ – бо ўсе пакуль што спяць
сярод туману

і сняць слана ў каўнерыку гішпанскім пасярод арэны
чакае публіка на сальта і на піруэты
каб не скончалася здзіўленне і казытала ў горле
ад нечаканых поз

а ён сумліва вушы апусціў
і стоячы на тумбе прыкрывае вочы
дэманстраваць не хоча
салёны іхні бляск

я зразумець спрабую часам
сярод туману
дзе ёсць рэальнасць а дзе сон
паміж якімі балансуе слон

(з кнігі «Граматыка снегу»)

……

калі б я жыла ў годзе 1908
я была б эмэлін панхёрст і хадзіла б на дэманстрацыі
і мажліва знайшлі б у маіх грудзёх
нешта накшталт пухліны
жоўтай такой і з бронзы
і нейкі мужчына, разгарнуўшы назаўтра газэту
падумаў бы
яна проста апынулася ня ў той час
ды й ня ў тым месцы
наіўна спадзеючыся перарадзілася б я ў соню
і днямі перапісвала б раманы свайго геніяльнага мужа
перастаўляючы месцамі словы для мілагучнасьці
і словы б мяне любілі і шкадавалі і думалі б
яна ня ў тым месцы і ня ў той час апынулася

нарадзіўшыся тут і цяпер
я апранаю спадніцу ці нагавіцы
часам – радасьць
але збольшага – думку што
гэта ня час і ня месца
а той мужчына і тая газэта, той журналіст і ягоны рэдактар
шкадаваньне, словы, пухліны, раманы і геніі
і можа быць нават туга заціснуты корак

неяк ты запытаўся калі б мела два шансы на выбар
дзе і кім нарадзіцца
што б я абрала

абрала б адказ каб табе спадабацца
зьдзівіць але што тут прыдумаць
мне адмоўлена ў выбары
магу распавесьці праўду

быць селянінам кітайскім у стагодзьдзі дванаццатым
пасьвіць жывёлу і думаць пра небясьпеку
часам пра міску з лапшой гарачай

ня тое што ты – нью-ёрк пачатак стагодзьдзя джаз

выбар гэта
ня час і ня месца
а нешта больш дробнае
кротнае майму існаваньню

напрыклад – існаваньне тваё

(з кнігі «Прысак і пожня»)

п'еса «The Portrait of the Artist as a Young Bitch»

no is not in dog's vocabulary
Nora Gomringer

я твой верны сабачка
паддаюся дрэсуры
машу хвастом
магу нават стаць на заднія лапкі
ці хадзіць на дыбачках
я так люблю калі ты выводзіш мяне на шпацыркі
але глядзі каб я ня звыклася з прыемным
а то яшчэ чаго добрага ахамею
і забудуся на сваё месца
так, так, салодкія косткі толькі па сьвятах
а лепш абмяжуемся днём народзінаў
ты ўжо прыдумаў калі ён?
хоць можа так стацца што твае вялікія грандыёзныя пляны
ці праца будуць стаяць паміж намі
ня страшна
скручуся калачыкам на каберцы і буду чакаць
што? я зашмат тут скуголю? брашу? я сука?
а хочаш…
ты ня хочаш каб я была тваім верным сабачкам?
ты ня хочаш каб я была сабачкам?
ты пачаў улоўліваць нешта крыўднае ў слове сабачка
людзі на цябе скоса глядзяць?
кажуць гэта не гуманна трымаць мяне на ланцугу?
ты што, гэта абсалютнае глупства
мой ланцуг самае дарагое што падарыла жыцьцё
а дакладней ты
я цяпер назаўсёды застануся з табой

каму ж я яшчэ патрэбная
асабліва з распоратым жыватом
уу

(нехта вые)

заслона

(з кнігі «Прысак і пожня»)

маналёг адной кніжкі

ты паставіў мяне кудысьці далёка ў шафу
паміж іншымі шмальцаванымі кніжкамі
каб я ведала сваё сапраўднае месца
і не рабіла тут зь сябе
прынцэсу
я расплюшчваю вочы і бачу
што мне стала цесна
недзе далёка ў шафе
сярод іншых таўстацелых кніжак
я чакаю дотыку тваіх пальцаў
таму што чытач гэта такі бог
ён выбірае з кім правядзе сёньня ноч
пашчасьціла нарадзіцца прыгожай – можаш стаць любай
ці нават настольнай
а не – прастаіш і пакрыесься пылам стагодзьдзяў
такі незайздросны лёс кніжны
цябе выбіраюць і набываюць потым мяняюць на іншыя
ці проста калекцыянуюць
але гэта нармальна таму што ты – рэч
і як кожная добрая рэч мусіш годна служыць:
забаўляць, адукоўваць, выхоўваць дзяцей ці гатаваць смачныя стравы
у адваротным выпадку
зьнясуць цябе ў макулатуру
ці растопяць крый божа печку
здадуць у бібліятэку і зробісься ты тады
публічнаю кніжкай бяз дому
якую бяруць на тэрмін за грошы
а потым вяртаюць ці недзе губляюць

у месцах грамадзкіх
такі небясьпечны лёс кніжны
але гэта нармальна таму што ты – рэч
таму што ты – слова
зь няправільным граматычным родам

(з кнігі «Прысак і пожня»)

,

маці якія нарадзілі паэтак
маці якія нарадзілі паэтаў
пра гэта не ведалі
думалі што дзіцятка іхняе будзе
чалавекам прыстойным
нармальным
шчаслівым
у скрайнім выпадку – акторкай
маці якія нарадзілі паэтак
выхоўвалі іх як умелі
кармілі паілі заплятала ім коскі прасавалі сукенкі
ніколі не абдымалі і пыталіся адно "ці паела?"
у доме маці паэтак нельга было прараніць і слязінкі
чаго ты румзаеш, у цябе нехта памёр?
пыталіся там
і паэткі ішлі да дрэваў, да ліфтаў, да словаў каб плакаць без сведкаў
радзіма маці паэтак – спарта
цела маці паэтак – са сталі,
моцныя людзі стрываюць усё, жалезныя нервы, жалезная воля
сюсьлі-мюсьлі пяшчоты і пеставанні – для хлюпікаў
якім невядомая сіла металу

маці якія нарадзілі паэтаў
даглядалі іх як умелі
на абед пакідалі згарэлыя стравы, аддавалі каманды, запіралі дома
і прымушалі маліцца богу рацыянальнасці
у доме маці паэтаў нельга было весяліцца
бо толькі сур'ёзныя справы робяць людзей людзьмі
забаўкі і гульні для ідыётаў
маці паэтаў родам з краіны цмокаў
быць маці паэткі і маці паэта

безабаронна і небяспечна
аднойчы ўсё перакуліцца долу,
ідыёты стануць вядомымі
рахманыя плаксы – зоркамі
і абавязкова напішуць верш
пра тую што іх нарадзіла
карміла паіла і абувала
як класікі пішуць
вядома ж лепшай долі жадала
у свеце жалеза і сталі
дзякуй, скажуць паэткі
дзякуй, адгукнуцца паэты
і зменяць планету

,

But sometimes you get crazy like a woman

дарагі мой, каханы
мне ніколі не стаць мужчынам
не магу і жанчынай я быць
і не быць ёй я не магу
я лунаю паміж ролямі
не ўпэўненая ў сваёй ідэнтычнасці
і таму з радасцю давяраюся любой прапанове:
магу быць гітарай – але ты ж не граеш
магу быць патэльняй – але ж ты так сабе кухар
магу быць ваннай – але ты не любіш эратычных успамінаў
таму быць ложкам таксама няма мне сэнсу
можа мне стаць кашэчым латком? – катоў ты любіш і песціш і адказваеш на іх просьбы
хаця не, чакай, самым неабходным і любым,
той каму ты ніколі не здрадзіш не сыдзеш і застанешся верным
будзе
канешне ж твой
унітаз
сядай мой каханы
уладкоўвайся зручна
кідай усё лайно ў мяне
можаш і падрачыць калі трэба
на тую, што ты сапраўды “кахаеш”

я ж разумею унітазы не для кахання
яны для іншага так бы мовіць
тваё грамадства вучыла добра

пульхныя азадкі на маім твары
ці гэта тое чаго я хацела?

Хіле, Кім, Крысціне, Ліндзе, Марыі, Мод, Нурдуран

калі пяць жанчын чытаюць са сцэны свае вершы
шостая сядзіць праваруч
сёмая наперадзе
я нарэшце адчуваю сябе ў бяспецы
і што гэтая выпадковасць не выпадковасць зусім
а доўгая балючая праца стагоддзямі тых хто верылі ў сябе
калі не верыў ніхто
і гэты ніхто дагэтуль сядзіць сярод нас
але нас ужо восем
і мне не вусцішна
болей

НАШИ АВТОР_КИ

Юлия Батура – выпускница 2017 г. бакалаврской программы «Культурное наследие» Европейского гуманитарного университета.

Вольга Гапеева – аўтарка кніг «Граматыка снегу», «Няголены ранак», «Прысак і пожня», «Сумны суп», «(в) ядомыя гісторыі» і інш. Стыпендыятка міжнародных праграм для пісьменні_ц і перакладчы_ц (Аўстрыя, Нямеччына, Латвія, Швейцарыя), удзельніца шматлікіх міжнародных канферэнцый і літаратурных фестываляў (Славенія, Германія, Чэхія, Швейцарыя, Польшча і інш.). Творы Вольгі Гапеевай перакладзеныя на больш як 10 моваў свету, вершы друкаваліся ў ЗША, Грузіі, Аўстрыі, Нямеччыне і інш. Аўтарка супрацоўнічае з электроннымі музыкамі, выступае з аўдыёвізуальнымі перформансамі. Сябра беларускага ПЭН-цэнтра і Саюза беларускіх пісьменнікаў. Мае ступень кандыдата навук, дацэнтка. Займаецца літаратурным перакладам, даследаваннямі ў галіне філасофіі мовы, кампаратыўнай лінгвістыкі, гендару і сацыялогіі цела. Сайт – www.hapeyeva.org

Елена Гапова – доцентка кафедры социологии Western Michigan University (США), создательница и первая директорка Центра гендерных исследований ЕГУ. Авторка работ по гендеру, национализму, классу и интеллектуалам в постсоциализме. В 2016 г. опубликовала в издательстве «Новое литературное обозрение» в Москве книгу «Классы наций: феминистская критика нациостроительства».

Надя Гусаковская – гендерная исследовательница, фотограф, писательница из Беларуси. Имеет магистерскую степень по гендерным исследованиям (Европейский гуманитарный университет, Беларусь) и по миграции и межкультурным отношениям (Университет Ольденбурга, Гер-

мания). В 2012–2013 гг. работала в Африканском Центре Миграции и Общества в Йоханнесбурге, ЮАР. С 2013 по 2017 г. в качестве докторантки Университета Бергена (Норвегия) исследовала трансгендерные политики и ЛГБТ-движение в Украине. В момент сдачи статьи заканчивала свою докторскую диссертацию. Сейчас Надя живет и работает в Лондоне.

Агнешка Графф – адъюнкт-профессорка Центра американских исследований, Университет Варшавы, Польша.

Лина Казакова закончила факультет журналистики БГУ (1994 г.) и магистратуру ЕГУ по специальности «Культурология. Гендерные исследования» (2003 г.). Работает редакторкой и переводчицей. Первый поэтический сборник «Рукавица» был опубликован в 2013 г. В настоящее время готовится к печати второй поэтический сборник авторки – «Передышка».

Бенджамин Коуп – Ph.D по французской и русской филологии (Университет Оксфорда), доцент ЕГУ, соруководитель Лаборатории критического урбанизма. Преподает курсы «Критическая картография», «Локальные культурные индустрии» и «Гендер и пространство».

Елена Минченя – докторантка Университета Лунда, преподавательница департамента социальных наук ЕГУ. Ее область академических интересов включает исследования эмоций и аффекта, социальные движения и ненасильственное сопротивление, а также этнографические методы и аутоэтнография.

Наталья Павлович – докторантка в Институте философии и социологии Польской академии наук. Сферы научных интересов: феминистская антропология, гендерные исследования, ЛГБТ-исследования, антропология религии.

Александр Першай – доктор философии в области теории культуры (Ph.D., Университет Трента), кандидат филологических наук (Беларусский государственный университет). Научный сотрудник и преподаватель Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: Новые подходы к политическому» (www.fempol.com). Автор монографии «Семантика пола: репрезентеция гендерных отношений во фразеологии» (2014), а также ряда статей в журналах «Nationalities Papers», «East European Politics and Societies», «Europe-Asia Studies», «Slavia Orientalis», «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio» и др., со-редактор сборника «Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications» (2005). Исследовательские интересы: гендерная лингвистика, гендерно чувствительный

язык, языковой сексизм, языковая политика, трансгендерность, небинарные идентичности, национализм в Беларуси и Восточной Европе, теория национализма.

Ольга Сасункевич – Dr. Phil по истории Восточной Европы (Университет Грайфсвальда, Германия), лекторка по гендерным исследованиям Департамента культурных исследований Гетеборгского университета. Работает в проекте «Пространства сопротивления: гендер и сексуальность во времена трансформаций», посвященном феминистскому и ЛГБТК* активизму в России, Турции и Скандинавии.

Жанар Секербаева закончила Европейский гуманитарный университет (Литва), магистерская программа «Культурные исследования». В настоящее время является магистранткой программы «1+3» по Центральной Азии и Японии в Университете Цукуба, Япония. Занимается квир-феминизмом, является соосновательницей Казахстанской феминистской инициативы «Феминита». Сфера научных интересов: телесность, кибернетические тела, женщины в спорте.

Алекса Тим – выпускница магистратуры ЕГУ 2017 г. по специальности «Гендерные исследования»; журналистка-фрилансер, авторка научно-популярных текстов, по первому образованию биофизик (физический факультет МГУ, выпуск 2007 г.). Гендерквир, акушерский пол – мужской, жената и воспитывает дочь 2010 г. рождения. Ведет собственный проект freeresearcher.net, посвященный вопросам гендера, сексуальности и тела.

Юля Цімафеева – паэтка, перакладчыца. Адна са стваральніц і рэдактарак часопіса перакладной літаратуры «ПрайдзіСвет», куратарка Школы маладога пісьменніка. Скончыла Мінскі дзяржаўны лігвістычны ўніверсітэт (2004), магістратуру філалагічнага факульэта БДУ (2015). Аўтарка дзвюх паэтычных зборнікаў «Кніга памылак» (2014) і «Цырк» (2016). Перакладае з ангельскай мовы. Яе творы перакладалі на ангельскую, шведскую, нарвежскую, чэшскую, славенскую, украінскую і іншыя мовы. Жыве ў Мінску.

Ирина Чайка – степень магистра искусств в социологии (выпускница магистратуры ЕГУ 2017 г. по специальности «Гендерные исследования»); закончила бакалавриат ЕГУ по специальности «Визуальный дизайн и медиа»; дизайнерка; в данный момент в отпуске по уходу за вторым ребенком.

Светлана Шакирова – кандидатка философских наук (1996). Участница женского движения Казахстана с 1993 г. Директорка Центра гендерных исследований г. Алматы. В сферу ее научных интересов входят история и теория феми-

низма, история женского движения в Республике Казахстан, методология гендерных исследований, политика гендерного равенства, устная женская история, гендерные аспекты нациостроительства, гендер и наука.